

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**МАРТ
2001**

**АДАР
5761**

№ 3 (107)

ЛИЧНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ

Силы человека ограничены, ему нужна помощь Б-га, который определяет жизненный путь и помогает в нужный момент оказаться в нужном месте. Без этой помощи ни один из нас, насколько бы ни был умен, не сможет достичь желаемого результата. Бизнесмены это чувствуют чаще других. Работает человек, работает в поте лица, а результат нулевой. И вдруг, будто где-то замкнулась невидимая цепь, – и он уже на вершине успеха! Конечно, так проявляется воля Б-га. Потому и говорят: «Не в уме богатство». Кто понимает это, обращается к Б-гу: молится, просит Его о помощи, а главное, чтобы наставил на истинный путь.

Что наша жизнь без труда? Труд делает ее полней, насыщенней. По сути, работа оправдывает существование человека на земле. Без регулярного труда даже физически организм наш функционирует хуже. Работающий дольше живет, его жизнь полноценней во всех отношениях. На пенсию желающий себе добра должен выходить как можно позже, когда работать уже совсем не вмоготу. Решение бросить работу, если еще есть силы, – плохое решение: она самая важная часть нашей жизни.

Когда мы прилежно работаем, стараемся, то, конечно, хотим, чтобы труд наш оценивался все выше и выше. Кто поспорит: достойный труд должен соответственно оплачиваться! И нет ничего зазорного, что при этом индивидуальные потребности человека возрастут. Это естественно и способствует развитию общества. Сегодня мы совершенствуемся в своем деле, а завтра повышается наш уровень жизни, и так изо дня в день. И только так: постепенно, в результате ежедневного труда, в поисках все новых возможностей и резервов для его совершенствования должна формироваться наша собственность. Ценность человеческой жизни, семьи, всего живого, что есть на земле, прав собственности – как своей, так и чужой, значимы в любом обществе независимо от социального уклада и формы правления. Это обеспечивает нормальное существование государства, его общественный прогресс.

Реализовав свои способности, достигнув больших успехов, люди рассуждают по-разному. Одни говорят: «Мы многого достигли, преуспели, а теперь пришла пора помогать другим». Другие же изначально исходили из принципа: «Мы можем многого достичь и хотим трудиться, чтобы приносить пользу людям, помогать нуждающимся». Вторая мотивация предпочтительнее, таких людей ожидает благословение Б-га.

Как считают наши мудрецы, богат тот, кто доволен своей долей. Это вовсе не подразумевает пассивное существование – человек должен постоянно усложнять свои задачи, отсюда и весь последующий личный и общественный прогресс. Он должен делать это сознательно, мобилизуя все силы и возможности. А общество, государство должны следить за соблюдением заповедей: чтобы не было ни воровства, ни дискриминации. При несоблюдении этих основных законов жизни на смену общественному спокойствию приходят жестокость, анархия, единственным стремлением человека становится корысть.

Для реализации талантов каждого необходимо наличие равных возможностей. Когда Б-жья искра, заложенная в индивидууме, реализуется, человеческое общество только выигрывает, и анархии не остается места. Это как в спорте, в соревнованиях на олимпийских играх: каждый стремится быть первым,

достичь большего, лучшего, а побеждает сильнейший – самый достойный и талантливый, хотя на старте все были наравне. Именно этого Б-г желал от человека, когда создавал его, и Он не отмеряет одним что-то за счет других. В каждого закладываются его собственные возможности, и как мы реализуем этот дар, сможем ли соответствовать замыслу Творца, зависит от нас самих. Высокие достижения одного – для остальных не только ориентир. Достигший экономических успехов в итоге и другим предоставляет возможности, например, создает рабочие места.

Противоречия, возникающие между отдельными членами общества, выделяющимися своим благополучием, и правами личности, требуют постоянного внимания и уравнивания. Ни одно общество не сумело добиться полного и стабильного равновесия, и нередко стремление к этому приводило к ущемлению гражданских прав, личных свобод. Неограниченная свобода тоже не служила добру, а только вела к незащищенности от посягательств как общества в целом, так и отдельных его граждан.

Тоталитаризм, в недалеком прошлом часто поднимавший знамя общественной пользы, оставил неизгладимый след, принеся страдания миллионам людей. Защита «твердой руки» диктаторской власти была иллюзией, к тому же в таких условиях нередко предоставлялись уникальные возможности для обогащения элиты из властей предрержащих за счет простых людей. Многие в коммунистических лозунгах было верным и справедливым, и между прочим лозунг «Обогащайтесь!» не противоречил ни коммунистической идеологии, ни ее вождям. Но призывы к хорошей жизни и помощи людям, к любви, взаимоуважению граждан не были подкреплены. Экспроприация, механическое разделение богатства между членами общества, «уровниловка» в конце концов привели к отсутствию полноценных стимулов, не обеспечивалась достойная оплата труда. Это привело к застою, а затем к краху тоталитарной системы и государственной экономики, не говоря уже о нравственных последствиях такой политики для страны.

Демократия тоже, когда насаждает беспредельный эгоизм, приводит к тому, что социум становится «обществом потребления». Следствие? Процесс резкого расслоения общества и рост конфликтов.

Согласование между общественной пользой и личной свободой обеспечивают лидеры, политическая элита, государство. Желания каждого члена общества должны быть соотнесены с общественными потребностями. До тех пор пока элита в своей деятельности основывается на популизме, «человеческих факторах», она не может обеспечить устойчивое общественное равновесие и волей-неволей оказывается в плену предвзятых подходов, субъективных решений, создаются условия для произвола. И только следование принципам абсолютной Б-жественной морали и справедливости делает всех людей равными перед Всевышним.

Многие, увлекшись высокотехнологическими достижениями современного этапа развития цивилизации, забыли заповеди Б-га и отошли от Него. Это тут же привело к напряженности и конфликтам. Лидерам, а также политической, экономической элите предстоит нелегкая задача – повернуть народы к Б-гу с тем, чтобы каждый продолжал жить по Его универсальным установлениям. Ответственное поведение наиболее преуспевающей части общества, выражающееся в бескорыстном вовлечении людей во владение и пользование накопленным богатством, соизмерение желаний всех и желания каждого создадут необходимые предпосылки для сотрудничества всех общественных слоев, признающих высшую власть. И поведение

общественных лидеров должно в первую очередь являть пример любви к ближнему, заботы о его интересах и благах, а не узурпации всего во имя собственного эгоизма под личиной радения «за народ».

Удовлетворение личных потребностей в условиях духовной свободы ведет, и доказательство этому мы видим ежедневно, не к уходу от Б-га, а к единению с Ним. Уважение власти и уважение прав личности – то и другое вместе гарантируют спокойствие и мир.

Сегодняшняя ситуация в России очень напоминает ту, когда наш праотец Яаков в неурожайный год посадил дерево в бедную, неудобренную землю. А урожай оказался очень богат, потому что Яаков был тружеником и имел благословение Всевышнего. Так же и люди, способствующие возрождению страны, подъему ее экономики, делающие свой бизнес, свое дело в полную меру сил, получают благословение Б-га, благодаря которому и бывает урожай.

Главный раввин России Берл Лазар

УРОКИ ТОРЫ

ПУРИМ

Название праздника Пурим довольно необычно. Во-первых, это не еврейское, а персидское слово, в переводе означающее «жребий» (его бросал Аман, решая, в какой день начать уничтожение евреев). Во-вторых, название праздника указывает на опасность, с которой евреи столкнулись, а не на их последующее избавление. Кроме того, уникальность Мегилы, или «Книги Эстер», заключается в том, что среди всех книг Танаха она единственная не содержит ни единого упоминания имени Б-га. Все это заставляет предположить: Пурим символизирует сокрытие Б-жественного лица. Само имя Эстер связано с еврейским словом «я сокрою», которое встречается в книге Дворим, когда Б-г говорит: «Я, конечно, сокрою лик Свой».

И тем не менее Пурим – это праздник чуда, то есть праздник раскрытия Б-жественной воли. Беседа Ребе, разрешая кажущиеся противоречия, исследует саму идею чуда и вопрос о том, каким событием оно является – естественным или сверхъестественным. За всем этим на самом деле обнаруживается еще один вопрос, крайне актуальный для современного мышления: означает ли отсутствие сверхъестественных откровений, что время чудес уже прошло?

ПРАЗДНИК ПУРИМ И НАСТОЯЩЕЕ

Мишна говорит: «Тот, кто читает Мегилу в неправильном порядке (буквально “задом наперед”), не исполнил своих обязанностей» (Мишна, Мегила, гл. 2).

Баал-Шем-Тов объяснял: это относится к тому, кто читает Мегилу, полагая, что история, рассказанная в ней, отражает только прошлое (читает «задом наперед» – как отчет о давно прошедших событиях), и считает, что чудо Пурима не распространяется на сегодняшний день и никак с ним не связано. Такой человек не

считается выполнившим свою обязанность, ибо цель чтения Мегилы – научиться, как надлежит вести себя в настоящем.

Если сказанное применимо ко всему тексту Мегилы в целом, то и к каждому ее стиху в отдельности, и тем более к тому, что объясняет, как праздник Пурим получил свое название. Ибо название указывает на сущность. И читать стих, говорящий нам о внутреннем значении Пурима, как если бы он относился лишь к прошлому, значит совершенно упустить вечное послание к народу Израиля и к каждому еврею в отдельности.

НАЗВАНИЕ ПУРИМ

Сказано: «и поэтому они назвали эти дни Пурим из-за жребия», который Аман бросал, чтобы определить, когда осуществить злой замысел против евреев.

Слово «Пур» – нееврейское, оно из персидского языка. Поэтому Танах, упоминая это слово, переводит его на иврит: «пур» – то есть «горал» (жребий) (Эстер, 9:24). Почему же тогда праздник назван персидским словом вместо еврейского «горалот»? Все другие праздники, включая Хануку (еще один праздник, введенный во времена наших мудрецов), имеют еврейские названия.

Есть еще загадка. Другие праздники, установленные в память о каких-либо чудесах спасения, напоминают о событии, называя его по имени связанного с ним чуда. Пурим вместо того, чтобы быть названным в честь спасения от Амана, наоборот, своим названием напоминает об угрозе – о том жребии, который Аман бросал, чтобы определить день, когда истребить их (не дай Б-г).

ИМЯ Б-ГА

Другая особенность Мегилы, или Книги Эстер, – в ней ни разу не упомянуто имя Б-га. Все же другие книги Танаха содержат многократное Его упоминание. Подобное отсутствие предполагает высшую степень Его сокрытия. Каждый еврей, даже когда говорит о мирских понятиях, должен иметь «имя Г-спода на устах своих», и, безусловно, когда он пишет даже по деловым вопросам, то, по обычаю (а еврейский обычай – это часть Торы), предваряет письмо словами «с благословения Б-жия» или «с помощью Небес» и тому подобное. Поэтому поразительно, что одна из книг Танаха совершенно лишена упоминания о Б-ге.

СОКРЫТИЕ И ОТКРОВЕНИЕ

Как было уже сказано, сущность каждого предмета заключена в его имени. Само имя Эстер предполагает сокрытие (которое и обнаруживается в Мегиле), поскольку происходит от того же корня, что и «хестер» – сокрытие. На самом же деле оно намекает на двойное сокрытие. «Где Тора намекает на имя Эстер? В стихе: “Я сокрою, конечно, сокрою лицо Свое”». (Хулин, 139б)

В то же время в названии Мегилас Эстер подразумевается и откровение, ибо это и есть значение слова «Мегила» (Тора Ор, 119а).

Также две противоположности, а именно сокрытие и откровение, мы обнаруживаем и в самом празднике. Идея сокрытия заключена в названии Пурим – персидском слове, связанном с декретом против евреев. С другой стороны, это

праздник, отмечая который предаются радости, превышающей все прочие поводы, доходящей до того, что пьют, «пока человек не перестанет видеть разницу между “благословен Мордехай” и “проклят Аман”» (Мегила, 7б). То есть празднование без границ.

ДЕЙСТВИЯ ЭСТЕР И МОРДЕХАЯ

Чтобы понять эти кажущиеся противоречия, мы должны вначале привести одну деталь из рассказа об Эстер. Во времена, когда появился декрет Амана, среди евреев были люди, пользующиеся большим уважением при царском дворе. Мордехай «сидел у ворот царских» (Эстер, 2:19) и, как говорят наши мудрецы, Ахашверош спрашивал у него совета (Мегила, 13а). Кроме того, Мордехай спас жизнь царя (Эстер, 2:21-23).

На первый взгляд кажется, что, когда евреи узнали об указе Амана, они должны были в первую очередь использовать этих представителей, чтобы склонить Ахашвероша к его отмене. Но в Мегиле мы находим, что первым действием Мордехая было следующее: «разорвал Мордехай одежды свои и возложил на себя вретиче и пепел; и вышел он на середину города и закричал криком великим и горестным» (Эстер, 4:1). То есть он обратился к раскаянию и призывал остальных евреев сделать то же. Только после этого он «велел ей (Эстер) пойти к царю, чтобы умоляла она его (о милости) и просила его о народе своем» (Эстер, 4:8).

Сама Эстер вела себя подобным же образом. Когда ей нужно было пойти к царю, первое, что она сделала – потребовала от Мордехая: «Иди, собери всех евреев... и поститесь ради меня: не ешьте и не пейте три дня – ни ночью, ни днем» (Эстер, 4:16). Кроме того, Эстер и себя включила в это число: «и я со служанками своими буду поститься».

На первый взгляд кажется, что главным для нее было бы понравиться Ахашверошу. Ее приход во внутренний покой царя без его на то воли противоречил закону и грозил смертью: кто бы ни вошел к нему, не будучи званым, был обречен на смерть (Эстер, 4:11). Эстер не могла быть уверена в расположении Ахашвероша: «А я не звана к царю уже тридцать дней» (там же, 4:11). Если так, как ей могло вообще прийти в голову поститься три дня подряд, то есть делать что-либо, при естественном ходе событий определенно уменьшающее ее красоту?

БОЛЕЗНЬ И ЛЕКАРСТВО

Ответ заключается в следующем. Мордехай и Эстер были уверены: указ Амана – не случайное событие в истории, но следствие определенных поступков еврейского народа. (Рамбам, Законы постов, 1:2-3). Поскольку невозможно полностью устранить следствие (указ), не уничтожив его причину, их первым действием было призвать еврейский народ к раскаянию и посту. И это не был абстрактный призыв: он был ориентирован на конкретный грех, который следовало исправить. Мидраш, комментируя слова Эстер «и поститесь из-за того: не ешьте и не пейте», трактует их следующим образом: «вы поститесь из-за того, чтоб ели и пили на пиру Ахашвероша».

Только после этого она отправилась к Ахашверошу убеждать его изменить указ, поскольку Б-г хочет благословить человека «через все деяния рук его» (Дворим,

15:18), иначе говоря, через естественные каналы, вследствие его собственных усилий. Появление у Ахашвероша – это не более чем способ, позволяющий достичь Б-жественного спасения через естественные каналы. Истинное же спасение лежало не в решении царя, а в посте и раскаянии евреев. И поэтому, хотя Мордехай и Эстер использовали естественные средства, больше всего они были озабочены кроющимися за ними духовными причинами.

БЛАГОСЛОВЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННЫЕ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ

Мораль здесь очевидна. Есть люди, которые полагают, что в тяжелые времена первым и решающим шагом должна быть попытка бороться с бедой всеми известными естественными способами. Мегила учит обратному. Первоначальным актом должно быть укрепление связи человека с Б-гом через изучение Торы и соблюдение заповедей. Лишь затем человек должен искать какой-то естественный канал, через который может прийти избавление. Если человек поступает именно так, то его спасение будет сверхъестественным, какие бы естественные формы оно не принимало.

Это верно как для отдельного человека, так и для общины в целом. Еврей должен жить, зная, что он связан с Б-гом и что Б-г не связан законами природы, хотя и посылает свои благословения в естественной для этих законов форме. Человеку следует приготовить канал всеми доступными средствами. Но поскольку это лишь канал и не более того, то главной целью человека может быть только подготовка к получению Б-жественного благословения через изучение и исполнение Торы.

Все усилия достичь этого благословения исключительно естественными средствами подобны подписанию чека, не обеспеченного деньгами в банке. В роли таких «денег» выступают поступки на духовном уровне. Возможно, кто-то подумает, что все сказанное применимо лишь к веку, когда присутствие Б-га было выражено явно, а теперь, в изгнании, когда вместо света раскрытия у нас многократно сгустившаяся тьма, Б-г передал свое проведение во власть законов природы. Пурим опровергает такое мнение. Ибо чудо Пурима произошло, когда евреи были в изгнании «рассеяны среди других народов» (Эстер, 3:8). Да и после этого чуда изгнание их не прекратилось. Но избавление пришло – и не благодаря естественным причинам, а из-за трехдневного поста евреев.

Все это объясняет нам, почему Пурим обнаруживает сокрытие – и в том, что праздник назван персидским словом, и в том, что название дано в память об указе Амана, и в том, что в тексте Мегилы не упоминается имя Б-га. Это все для того, чтобы мы поняли простую истину: еврей не связан законами природы не только в своей духовной жизни, не только в отношениях с другими евреями, но и в отношениях со светским миром. Даже тогда, когда против него издаются указы, когда его заставляют говорить на чужом языке и когда он боится написать имя Б-га из опасения, что оно будет осквернено.

В глубочайшем сокрытии содержится откровение. В названии «Мегилас Эстер» наряду с Эстер (сокрытие) есть Мегила (откровение). Жребий (Пурим) здесь как символ непредсказуемого, сверхъестественного (Тора Ор, 120, 123). Когда Б-г говорит: «Я непременно сокрою лицо Мое», то Он говорит: «Даже когда лицо Мое скрыто, вы можете достичь Меня, ибо Мое Я выше всех имен» (Ликутей Тора,

Пинхас). И так же, как прошедшее избавление дает силы для грядущего избавления, так и из Пурима произойдет эра Мошиаха, когда сокрытие превратится в откровение и «ночь будет сиять, как день» (Теилим, 139:12).

КИ ТИСА

Афтора (в дополнение к недельной главе отрывок из Книги Пророков) этой недели рассказывает об известном противостоянии пророка Элиягу четыремстам пятидесяти волхвам Баала. При большом стечении народа на горе Кармель Элиягу не столько осуждает волхвов Баала за их идолопоклонство, сколько укоряет еврейский народ за нерешительность, которую он проявляет в то время, когда жена царя северного Израильского царства Ахава Изевель, взятая из Цидона, жестоко преследует пророков Всевышнего и насильно насаждает чуждые евреям культы. «Доколе будете вы служить двум господам?» – упрекает Элиягу народ Израиля. Почему же пророк направляет свой гнев против колеблющихся евреев более, чем против тех, кто явно противостоит иудаизму? В своей беседе Ребе рассматривает два греха – колебание и идолопоклонство и показывает, в какой степени колебание включает в себя предательство идеалов веры, а кроме того, какие формы этот грех принимает в современном обществе.

ВЫЗОВ

Афтора этой недельной главы рассказывает о поступке пророка Элиягу, бросившего вызов волхвам Баала в смутное время еврейской истории. Такое время всегда сопровождается смущением умов и идеологической неопределенностью. Ответ пророка Элиягу на сложившееся положение состоял в том, что он собрал вместе и пророков Баала, и еврейский народ, к которому и обратился с упреком: «До каких пор вы будете служить двум господам?» (Млахим 1, 18:21). Почему именно так он поставил свой вопрос? На первый взгляд, надо бы сказать: «Доколе вы будете поклоняться Баалу? Пора остановиться и сказать: “Г-сподь – Он Б-г Всесильный” (там же, 39).

Чтобы понять намерения Элиягу, мы должны сначала рассмотреть различие между идолопоклонством и колебаниями.

КОРНИ ИДОЛОПОКЛОНСТВА

На самом деле трудно даже понять, как еврей вообще может обратиться к идолопоклонству. Евреев называют «верующими и детьми верующих». Сама их природа предотвращает возможность полного отрицания Б-га.

Рамбам приписывает возникновение идолопоклонства тому обстоятельству, что созидательная энергия, посредством которой Б-г поддерживает существование Вселенной, поступает через силы природы – звезды и планеты. Идолопоклонство начинается тогда, когда в этих промежуточных звеньях начинают усматривать вершителей человеческих судеб, в то время как на самом деле они лишь инструменты в руках Б-га, сами по себе не имеющие силы.

Хасидизм объясняет различия между отцом с матерью и влиянием, которое оказывают планеты. Кажется, и те, и другие являются причиной нашего существования. Тем не менее, нам заповедано почитать родителей и запрещено

поклоняться звездам. Объясняется это тем, что мать и отец обладают свободой воли. Они ответственны за воспитание своих детей и за это должны почитаться. Существование планет и их движение предопределены, у них нет выбора – вот в чем отличие. Наша благодарность принадлежит не им, но Тому, Кто их создал.

Идолопоклонство, следовательно, заключается в том, что промежуточное звено ошибочно принимают за источник. Талмуд говорит: «Идолопоклонство является настолько тяжким грехом, что отвергнувший его как бы принял всю Тору» (Недорим, 25а). В чем побудительная сила идолопоклонства? Согласно этой ошибочной концепции человек считает, будто получает материальные блага благодаря служению силам природы. Следовательно, в идолопоклонстве есть какие-то материальные побуждения. Именно поэтому еврей может к нему прийти. Он не посвящает себя идолопоклонству как таковому, а лишь использует его как средство для достижения своих целей. Если же он служит Б-гу, то делает это «не ради награды» (Пиркей Овойс, 1:3), но ради Него и делает это в целостности сердца. В основе служения Баалу лежит желание материальных наград, и мы находим у Иеремии, что идолопоклонники говорят: «С той поры как мы перестали совершать воскурения царице неба и делать в честь нее возлияния, терпим мы во всем нужду и гибнем от меча и голода» (Иеремия, 44:18).

ПРИРОДА КОЛЕБАНИЙ

Идолопоклонство – это попытка повлиять на природу путем поклонения ее силам. Между собственно идолопоклонством и «служением двум господам» существует различие. Первое подразумевает абсолютную веру в то, что объекты поклонения – звезды и планеты являются источниками материального благосостояния. А колеблющийся человек пребывает в сомнении. Иногда его охватывает тяжелое чувство, что идолопоклонство построено на иллюзии. Или, быть может, он верит, что Б-г и силы природы по сути партнеры: верит и в Б-га, и в силы природы и считает, что обоим следует поклоняться. Однако идолопоклонство и в этой смягченной форме, даже если оно заключается только в словах или только в поступках, иначе говоря без всякого внутреннего побуждения, является столь тяжелым грехом, что в природе еврея заложена готовность пожертвовать своей жизнью скорее, чем участвовать в нем (Тания, ч. 1, гл. 19).

УРОВНИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Колебания во многом гораздо хуже идолопоклонства. Хотя, с другой стороны, идолопоклонство более тяжкий грех. Оно подразумевает полное отрицание Б-га и, следовательно, полностью противоречит иудаизму. Но для колеблющегося вернуться к иудаизму или сделать это искренне и полностью еще тяжелее.

Когда истинный идолопоклонник увидит, что «Г-сподь – Он Б-г», он поймет, до какой степени вся его предыдущая жизнь строилась на ошибочном мировоззрении. Почувствовав всю меру своего греха, он способен прийти к глубокому раскаянию. Он возвращается, он исцелен!

Но колеблющийся не может этого понять. Он оправдывает себя, говоря: «Я не отрицал, а сомневался. И сомнение мое было только поверхностным. А на самом деле я верующий, как и все евреи». Подобные оправдания препятствуют раскаянию, возвращение такого к вере недостаточно полно.

Кроме того, хотя идолопоклонник виновен в ошибочности своих суждений, заменяя Б-га Баалом и тем самым прерывая свою связь с Б-гом, все же какой-то форме духовности он открыт. А мечущийся от одного мнения к другому вообще уходит от духовности. Он знает, что «Г-сподь есть Б-г», но готов оставить Его ради материальных выгод. Он готов променять «источник живой воды» на «треснувшие сосуды, неспособные удержать воду» (Иеремия, 2:13).

Следовательно, когда такой человек осознает свою ошибку, его ответ будет иным. Идолопоклонник, все еще способный к духовности, сделает свое возвращение духовным актом. Но колеблющийся движим неверным мотивом: он хотел материальных благ, однако просчитался, думая, что силы природы могут их предоставить сами по себе. Теперь он обращается к Б-гу, но лишь в поисках материального вознаграждения.

ВЛИЯНИЕ НА ДРУГИХ

До сих пор мы говорили об отдельной личности. Есть еще один аспект, в свете которого сомнения хуже идолопоклонства. В их влиянии на других. Убежденный идолопоклонник не повлияет на верующего еврея, потому что его антагонизм к истинной вере очевиден, и это отталкивает от него. Но человек, мечущийся между двумя мнениями, хотя бы отчасти, но верующий. И он способен повести за собой других, а «заставить многих грешить является тягчайшим из грехов».

ДВОЙНАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ В НАШЕ ВРЕМЯ

Талмуд (Йома, 69б) говорит, что злое начало сегодня не побуждает нас к идолопоклонству, зато тенденция к колебанию, будь то в ярко выраженных или в мягких формах, сильнее.

Есть люди, которые временно отдаляются от Торы и заповедей ради материальных благ: денег, почестей или социального положения. Они оставляют в стороне Б-га и Его Закон, чтобы в настоящий момент им это не мешало, и следуют современным законам западного мира, гласящим, что правила существуют для того, чтоб их нарушать, традиции – чтобы пренебрегать ими ради ускользающего «духа времени». Такие люди готовы на время продать Б-га и свои души за эфемерное положение в обществе или за деньги, которые (поскольку они приходят не в результате Б-жественного благословения) утекают от них на оплату врачей и психоаналитиков.

Подобные колебания, раздвоение личности хуже идолопоклонства.

Во-первых, потому что от такого образа мыслей гораздо труднее отойти и по-настоящему вернуться на истинный путь: разделенный надвое разум скрывает от себя факт собственного греха. Человек размышляет так. Он может убедить себя, что по-прежнему остается хорошим евреем. «Но что ж плохого в том, – говорит он себе, – чтобы немножечко отступить от каких-то правил – на время, ради заработка на жизнь».

Во-вторых, нарушена его цельность. Он продал Б-га ради материального мира, променял вечность на преходящий момент. Он отдал грядущий мир за блеск денег и тень почестей.

В-третьих, такой вовлекает в грех других. Если бы он открыто отверг иудаизм, то тем самым разорвал бы контакты с еврейской средой. Однако он прячет свою оппозицию за маской верности. Он даже цитирует Тору в свое оправдание, а сам проникает в общину и уводит из нее других.

ПУТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

В этом и состоит значение Афторы. Основной вызов евреям заключается в следующем: «Доколе ты будешь служить двум господам?». Сидеть на заборе хуже, чем оказаться за забором.

В Афторе мы читаем, что евреи раскаялись и сказали дважды: «Г-сподь – Он Б-г Всесильный». Этот момент превзошел даже Синайское откровение, когда было сказано лишь один раз: «Я Г-сподь – Б-г ваш». Ибо раскаяние поднимает еврея в духовном отношении выше уровня, на котором он находился до совершения греха.

В этом и заключается значение для сегодняшнего дня. Необходимо раскаяться, вернуться и подняться к духовным вершинам.

Все евреи связаны между собой (Сангедрин, 27б, Швуэс, 39а), и свет, исходящий от тех, кто вернулся, достигнет тех, кого они привели к греху, и Б-жественное Провидение ответит состраданием и милостью.

ВАЯКГЕЛЬ

Эта недельная глава начинается тем, что Моше созывает всех сынов Израиля 11 Тишрея, наутро после Йом Кипура, чтобы повторить им заповедь о Субботе. При чтении этого фрагмента возникает несколько вопросов, один из которых связан с использованием страдательного залога в начале второго стиха главы: «Шесть дней может совершаться работа». В этой беседе Ребе затрагивает и один из величайших парадоксов веры. Если Всевышний – источник всех благ, то зачем необходимо работать? А если надо работать, то как избавиться от мысли, что материальные блага создаются исключительно нашим трудом? Перед нами довольно странная альтернатива: с одной стороны, полное бездействие, с другой – отрицание участия Б-га в делах этого мира. Ребе развивает идею «инертного труда» и снимает это противоречие, благодаря чему Суббота видится в новом свете.

СОБРАНИЕ

Глава Ваякгель начинается словами: «И созвал Моше все общество сынов Израиля, и сказал им: «Вот что повелел Б-г сделать: “Шесть дней может совершаться работа, а день седьмой да будет свят для вас, день полного покоя, посвященного Б-гу...”».

Этот отрывок вызывает несколько вопросов, что обнаруживает необходимость в ряде уточнений. Некоторые из вопросов упоминаются комментаторами.

Во-первых, почему используется слово «созвал» (ваягель)? Почему не начать просто: «И сказал Моше всему обществу сынов Израиля»? Именно так говорится, когда речь идет о жертвоприношениях для святилища (мишкана).

Во-вторых, в стихе сказано: «Вот послание, переданное Б-гом», но что за послание, не уточняется. Большинство комментаторов воспринимают данный отрывок как ссылку на жертвоприношения для строительства святилища. Но с таким подходом согласиться трудно. Ведь прежде чем начать рассказ о жертвоприношениях, в Торе повторяется: «И сказал Моше всему обществу сынов Израиля». Логичней предположить, что речь идет о другом. Принято считать: слова «заповеди, которые дал Б-г» относятся к тому, что за ними следует, то есть к запрету совершать работу в Субботу. Но тогда возникает новая проблема: заповедь о Субботе – одна из десяти заповедей, а о запрете работы в Субботу речь уже шла.

В-третьих, что означает без конца повторяющаяся фраза «шабат шабатон», которая может быть переведена как «суббота полного покоя, посвященного Б-гу»?

В-четвертых, Раши, Талмуд, Мидраш (Мехилта, Итро, 2) и Зогар (часть 2, 195a) – все сходятся в том, что собрание происходило наутро после Йом Кипура, когда Моше спустился с горы Синай (с новыми скрижалями). Отсюда следует: собрание и Йом-Кипур (внутренний смысл «Кипур» – искупление) взаимосвязаны. Именно в этот день Всевышний сказал: «Простил Я, как ты просил», – это было искуплением греха золотого тельца. Где же здесь связь?

ИНЕРТНЫЙ ТРУД

Чтобы найти ответы, надо сначала рассмотреть замечания комментаторов в отношении использования страдательного залога во фразе «Шесть дней может совершаться работа». Употребление действительного залога «Шесть дней ты будешь работать» означало бы участие и полную вовлеченность в работу. Пассивная же форма подсказывает, что работа будет совершаться сама собой. Мехилта комментирует этот стих: «Когда еврей выполняет волю Всевышнего, работу за него делают другие».

В прямом смысле это относится к благословию, даруемому Небесами, но комментарий может быть использован и для указания, какое отношение к Всевышнему должен выработать еврей, служа Ему. То есть, работая в течение шести дней, еврей должен быть занят мирскими делами, но они не должны им полностью завладеть.

В Псалмах написано: «Если будешь ты есть от трудов рук твоих, то счастлив ты и благо тебе!» (128:2). Хасидское объяснение заключается в том, что на работу, которой занимается еврей для удовлетворения физических потребностей (чтобы питаться), он должен тратить только физическую энергию, «свои руки», а не духовные силы. Мысли и чувства человека должны быть связаны с Торой и ее заповедями. Только тогда «ты будешь счастлив и удовлетворен». Как сказали мудрецы: «Счастлив ты – в этом мире и благо тебе – в мире будущем».

Это толкование может быть также применено к словам: «Шесть дней может совершаться работа». Страдательный залог глагола указывает на то, что человек выполняет работу механически, а сердце и мысли его связаны с другим (заняты Торой). Но даже такой труд предназначен лишь для того, чтобы работа стала как бы «сосудом» для благословений Всевышнего. Вот что Тора имеет в виду, когда говорит: «И Б-г, Всесильный твой, благословит тебя во всем, что делаешь». Человека поддерживают не

собственные усилия, а благословения Всевышнего. Работа, которую делает человек, попросту служит каналом, по которому он эти благословения получает. Всегда следует это помнить. И в то время, когда руки «пролагают» этот путь, глаза должны быть сосредоточены на источнике благословения.

На самом деле, человеку вообще не следовало бы заниматься работой. Потому что о Б-ге сказано: «Я наполняю небеса и землю» и «Вся земля покрыта Его славой». Полное бездействие было бы правильной реакцией на вечно наполняющую весь мир Б-жественность. В противном случае человек считался бы виновным в том, что мудрецы называют «корчить рожи перед Царем», то есть во всяческом подчеркивании своего присутствия. И только потому, что Тора разрешает, даже приказывает нам работать, труд становится законным. Потому что она говорит: «Шесть дней может совершаться работа» и «Б-г, Всесильный твой благословит тебя во всех делах твоих». Тора разрешает работать, когда это необходимо. Труд, совершаемый сверх необходимости, означает прежде всего недостаток веры в то, что средства к существованию человек получает от Всевышнего. Кроме того, подобные действия в глазах Б-га можно рассматривать как акт сопротивления.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА «ТРУД»

В свете сказанного непросто понять приведенные выше слова из Псалмов «от трудов рук твоих». Работа, выполняемая евреем в материальном мире, есть лишь необходимая подготовка для принятия благословения Всевышнего, сама по себе лишенная внутреннего содержания. Однако согласно закону психологии (см. Маамар «Каров Ашем», 5690 (а-Маамарим-Кунтрейсим, с. 210) никакая работа не страшна, если выполнять ее с удовольствием, тогда как даже малейшая попытка сделать то, что не нравится, изнуряет. Таким образом, еврея, которому доступны лишь духовные радости, работа истощает, но в материальном мире приходится работать. Хотя «шесть дней может совершаться работа» – предписывающая заповедь (Мехилта), сам по себе труд, как бы ни абстрагировался от него человек, отрывает от духовного и поэтому кажется утомительным.

ДВОЙНАЯ СУББОТА

«Шесть дней может совершаться работа, а день седьмой да будет свят для вас, день полного покоя, посвященного Б-гу». Скрытый смысл этих слов указывает: Суббота – день полного покоя, но до его начала необходимо потрудиться. Выполняемая работа должна быть пассивной, и человеку необходимо сконцентрироваться на чем-то еще. Написано: «В Субботу человек должен относиться ко всему так, словно он сделал всю свою работу» (Шулхан Орух а-Рав, Орах Хаим, 306:21). Будучи целиком поглощенным материальными заботами и тревогами в течение шести дней, он и на седьмой день окажется в плену забот и не сможет очистить свое сознание, чтобы «наблюдать триумф Царя» в Торе и заповедях. Его сознание по-прежнему останется открытым для посторонних мыслей, и они будут преследовать человека помимо его воли. Но если в течение недели он отводил работе надлежащее место, свет Субботы наполнит его, и он будет награжден тем, что называется шабат шабатон, то есть двойной Субботой. Суббота наполнит собой всю неделю (см. Шабат,

119а. Зогар, часть 3, 29а. Тикуней Зогар, Тикун, 21/46а), и, когда наступит седьмой день, она приобретет двойную святость.

Таким образом, мы нашли ответ на третий вопрос. Второй тоже разрешен: хотя заповедь о Субботе была дана раньше, повторение ее в начале главы Ваякгель открывает путь для достижения особого настроения, какой должен создаваться в седьмой день недели.

ИСТОКИ ИДОЛОПОКЛОНСТВА

Связь между собранием израильтян и днем, когда они собрались (на следующий день после Йом-Кипура), тоже становится очевидной. Сама по себе заповедь о Субботе служила искуплением греха золотого тельца. Рамбам (Хилхот Акум, 1:1) объясняет идолопоклонство тем, что Б-жественное Провидение передается через природные силы и объекты: «И изобилием плодов от солнца, и изобилием урожая от луны» (Дворим, 33:14). Люди, признавая эти силы и объекты лишь посредниками, все же наделяли их божественными свойствами. Ошибка заключалась в том, что они относились к идолам как к объектам поклонения, в то время как это всего лишь инструменты Б-га, подобно «топору в руках дровосека».

С другой стороны, излишнюю увлеченность работой и вообще материальным миром тоже можно считать формой идолопоклонства (см. Ликутей Тора, Ахарей, 27с.; Маамар «Маим Рабим», 5717). Здесь та же ошибка – придание особой значимости посреднику или каналу, передающему Б-жественное благословение. Сознательная увлеченность работой – своеобразная форма поклонения, неуместного, обращенного не по адресу. Только если человек правильно воспринимает свою работу, видя в ней лишь канал для получения благословений Всевышнего, он способен сконцентрироваться на Б-ге. Сама работа в этом случае приобретает пассивный характер.

Только так грех идолопоклонства – как явного, так и скрытого – можно искупить. Шесть дней пассивного труда – в умственной отрешенности и при сознании того, что человеческий труд является лишь инструментом Б-га, – служат изменению и отказу от идолопоклоннических инстинктов.

ПАССИВНОСТЬ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Грех и путь к искуплению его существуют не только на материальном уровне, но и на духовном. В Пиркей Авот (Наставлении Отцов) сказано: «Не будьте, как те рабы, что служат хозяину ради награды» (1:3). Можно учить и соблюдать Тору ради духовного наслаждения. Но это и значит, что тобою движет желание получить награду. Высший уровень служения Всевышнему – безоговорочно исполнять Его волю ради Него самого. Это подобно пассивной работе, о которой мы говорили. Работе – потому что делается не ради удовольствия. Пассивной – потому что такой человек воспринимает духовные достижения не как результат реализации собственных способностей, а как помощь Всевышнего. Если человек хоть немного раскрывается перед

Б-гом, Тот помогает ему на протяжении всего пути. Человек получает помощь от Всевышнего даже еще до того, как начинает выполнять заповедь. В комментариях к стиху Книги Иова «Кто явился предо Мною, что я должен заплатить ему?» «(41:3) мудрецы говорят: «Кто сделал для Меня перила без того, чтоб Я дал ему

крышу, кто сделал для Меня мезузу, когда б Я не построил ему дом, кто сделал бы для Меня цицит, если б Я не дал ему одежды?» Быть пассивным в духовной жизни – значит быть не более чем каналом для получения Б-жественного ответа.

СОБРАНИЕ И ЕДИНСТВО

Наконец становится ясно, почему в нашем отрывке используется выражение «И созвал Моше» вместо «И говорил Моше». Ибо грех золотого тельца, возвративший в мир дух нечистоты (Шабат, 146а. Зогар, часть 1, 52б), был искуплен на следующий день после Йом-Кипура. Мир вновь должен был стать таким, каким был до первого греха. «На земле вновь должен быть один народ», а сам мир должен стать суверенным владением (решут аяхид – дословно «владение Одного») Единства Всевышнего. Для этого необходимо было «собрать» людей, чтобы привести их к единству.

ПКУДЕЙ

Четыре из последних пяти недельных глав книги Шмойс посвящены постройке святилища (мишкана) и того, что в нем должно быть. По какому принципу разделены эти главы? Первые две – Трума и Тэцаве, связанные с самой заповедью постройки святилища, очевидно, отличаются от двух других – Ваякгель и Пкудей, в которых говорится о донесении заповеди до людей и ее выполнении. А в чем же различие между главами Ваякгель и Пкудей?

И в то же время, что объединяет их настолько, что в иные годы они читаются вместе на одной неделе? В поисках ответа на эти вопросы Ребе приводит нас к анализу уровней отношений между человеком и Б-гом.

ГЛАВЫ ВАЯКГЕЛЬ И ПКУДЕЙ

В Торе нет ничего случайного, и каждая деталь в ней, будучи словом Б-жьим, имеет свое предназначение. Так и с делением на недельные главы. Тору разделили на них не потому, что в таком большом тексте нельзя обойтись без разбивок, а потому что каждая глава несет в себе особую мысль. То же и с названиями глав, не случайно взятыми из первых их слов. В этих словах заложена тема всего последующего повествования. Поэтому-то название главы и берется из ее первой строки.

В Торе пятьдесят три главы. Это неизменное, фиксированное число. Чтобы в течение года успеть прочитать всю Тору, в иные годы, когда по календарю только один, а не удвоенный месяц Адар, в определенные недели читают сразу по две главы Торы. Зогар объясняет это тем, что в каждой главе заложен особый смысл, и случающееся объединение двух глав значит не больше, чем чтение в один день двух разных историй.

Значит, у глав Ваякгель и Пкудей различный смысл, хотя в некоторые годы они читаются вместе. Обе эти главы, как и предшествующие им Трума и Тэцаве, посвящены строительству святилища и его устройству. Все они связаны с заповедью о постройке мишкана и содержат относительно него необходимые инструкции. Главы же Трума и Тэцаве, будучи посвящены одной теме, освещают разные ее аспекты. И они никогда не читаются вместе. То же и с главами Ваякгель и Пкудей – со строительством мишкана связано два самостоятельных смысла.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ И ОТКРОВЕНИЕ

Разница между ними заключается в следующем. Из главы Ваякгель мы узнаем: Моше собрал израильтян, чтобы передать им заповедь Всевышнего о постройке святилища, о том, что в нем должно быть, и как эту заповедь решено исполнить. Пкудей рассказывает о подсчетах, произведенных Моше, собравшем все добровольные пожертвования материалов для святилища: золота, серебра, меди и т.д.; об использовании пожертвований, о помазании мишкана и его содержимого маслом для помазания, о порядке жертвоприношения и о том, к чему привела проделанная работа – Б-г спустился в святилище: «И закрыло облако шатер откровения, и Слава Б-га наполнила шатер» (Шмойс, 40:34).

Основная мысль главы Ваякгель – служение евреев Всевышнему. Как они служили? Построили святилище Ему, используя свое имущество, свои тела и души. Имущество – потому что для постройки святилища они выделили тринадцать (есть мнение, что пятнадцать) видов добровольных пожертвований из своего имущества. Свои силы (то есть тела) – они это святилище строили. «Духовный подъем», «мудрость» и «сила духа», упомянутые в Торе, вызванные строительством святилища, исходили из еврейской души. Все вместе это называлось служением человека. Пкудей добавляет то, что называется Б-жественным откровением: «И слава Б-га наполнила шатер».

Работа, о которой рассказывается в главе Ваякгель, привела к Б-жественному откровению, потому что служение Б-гу в любой форме приводит к раскрытию Б-жественности. И все же это бесконечно мало в сравнении со Славой Б-га, наполнившей святилище в результате помазания мишкана и совершения жертвоприношений.

В некоторых случаях мы говорим, что подготовка к выполнению заповеди тоже является священным актом. Но когда речь идет о спуске Всевышнего в этот мир, мы не можем сравнивать подготовку с самим исполнением. Особенно это касается темы главы Ваякгель – шатра и всего, что в нем. Их нельзя считать священными до того, как они помазаны и не используются непосредственно для служения (Швуэс, 15а). В этом суть главы Пкудей. Следовательно, Б-жественное откровение, вызванное освящением шатра, несравнимо значительнее того, что связано с приготовлениями для освящения.

Вот основные темы четырех недельных глав, связанных с шатром и тем, что он содержит (см. Рамбан, Шмойс, 36:8). Трума и Тэцаве раскрывают заповедь Б-га о строительстве святилища, причем Трума рассказывает непосредственно о святилище и том, что в нем, а Тэцаве – о специальных одеждах священнослужителей. Из Ваякгель мы узнаем, как Моше сообщил об этой заповеди, и евреи ее выполнили. И наконец, Пкудей сообщает об ответе Всевышнего – наполнении мишкана Славой Б-жьей.

Мы видим три уровня диалога между человеком и Б-гом, три стадии развития их отношений (Ликутей Тора, Шир а-Ширим, 24а). Сначала поступает инициатива от Б-га – «сверху» – это заповедь, открывающая путь к объединению человека с волей Б-га. Затем наступает «пробуждение снизу»: человек принимает на себя обязанность подчиняться и создает в себе святое место, очищенное от заблуждения относительно самодостаточности, чтобы Б-г вошел туда и жил в нем. Наконец, человек получает ответ Б-га – раскрытие Б-жественности на территории, где обитает человек. Обращение, словно голос, доносящийся извне, было раскрытием голоса Всевышнего, призывающего человека преодолеть свою замкнутость и

отгороженность. А последний ответ Всевышнего шел изнутри, наполняя святилище, построенное человеком, «Славой Б-га». Этот голос слышен в главе Пкудей.

ДВЕ НЕДЕЛИ В ОДНОЙ

Несмотря на то что откровение в главе Пкудей, без сомнения, значительней описанного в Ваякгель, эти две главы часто читают вместе, на одной неделе. Иногда, когда не хватает времени, приходится делать за «одну неделю» то, что обычно делается за «две».

Это не означает, однако, что мы должны нарушать привычный ход времени. Святилище было по существу «местом обитания в низшем мире», на территории человека, заключенном во времени и пространстве. Это значит, что даже пребывая во времени, мы должны не быть связаны временем.

Здесь есть связь с месяцем Адар, в который обычно читают эти главы. Всем известно, что в Адаре мы празднуем Пурим. И хотя Пурим всегда выпадает на будний день, суть и главная заповедь этого праздника состоит в заповеди «веселиться до тех пор, пока не перестанешь отличать “Благословен Мордехай” от “проклят Аман”». Это означает выход за пределы рационального, за границы знания и налагаемых им ограничений. Таким образом, и в будний день Пурим привносит мир, «где не существует ограничений». Это бесконечное в самом сердце конечного.

Взаимосвязь Ваякгель (приготовлений человека) с Пкудей (ответом Б-га) символизирует соединение времени с вечностью, соединение человека и Б-га. Это одновременно и пролог, и подготовка к будущему откровению, о котором сказано у Исаяи: «Твои окна будут сделаны из агата (кадкод)» (Исайя, 54:12). А Талмуд комментирует: «Святой, да будет Он благословен, сказал...: “Пусть будет, как этот и как тот” (кедаин укедаин) – когда человек и Б-г – есть единое целое.

ЗАПОВЕДЬ И СОБЛЮДЕНИЕ

В объединении двух недельных глав есть еще один смысл: между посланием Б-га, полученным Моше главы Трума и Тэцаве; приказом, отданным Моше евреям, и их ответом главы Ваякгель и Пкудей – еще могут вклиниться происшествия. Главы Ки тиса и золотого тельца. Но как только послание пришло в мир через Моше – согласно Ваякгель, ничто уже не могло помешать его немедленному претворению в жизнь, описанному в Пкудей.

Однако даже когда они читаются не вместе, и злое начало препятствует претворению заповеди в жизнь, нет оснований для задержки, нет ничего, что может помешать или отвлечь. Когда Моше или его преемники в каждом поколении раскрывают смысл заповедей, претворение этих заповедей в жизнь становится неизбежным. Заповедь сама по себе есть обещание ее выполнения и гарантия того, что «слава Б-га наполнит святилище».

ЛЕХАИМ МАРТ 2001 АДАР 5761 – 3 (107)

МУЖЕСТВО И БЕЗУМИЕ

Ààéí Ýááí-Èíðíÿüü (Øò àéí çàéíü)

«Переходный период может казаться пугающим, тогда как статус-кво создает у нас иллюзию безопасности».

Кажется, сегодня мы ощущаем на себе последствия переходного периода, трансформации и перемен намного сильнее чем когда бы то ни было. Во времена наших отцов и дедов для явных перемен нужны были десятилетия, порой века! Время текло куда медленней. А теперь мы живем в ускоренном темпе: события двухлетней давности сегодня кажутся уже древней историей. Отчасти такое явление объясняется прогрессом техники. И все же это только внешний фактор, существуют и более глубокие причины.

Изменения, сопутствующие росту и развитию, органичны самому определению «осмысленная жизнь». Эти изменения не только нужны нам: ими наша жизнь обусловлена.

Тем не менее переходный период может казаться пугающим, в то время как статус-кво (положение, существующее в какой-то определенный момент) создает иллюзию безопасности, иллюзию, что мы заранее знаем о завтрашнем дне, знаем, что он принесет. Когда же начинается движение – изменяются желания и эмоции, все наши иллюзии и убеждения (верования) могут вмиг рухнуть.

Во всяком процессе изменений существует момент – и он непредсказуем – между данной стадией и последующей, его кажущаяся пустота таит в себе неограниченный потенциал. Этот небольшой отрезок времени сопряжен с большим риском, ибо за этот период может произойти что угодно. В каких-то нескольких секундах заключены и «да», и «нет», атака и отступление, даже жизнь и смерть. Это момент подлинной свободы человека, момент, когда он может сделать выбор, когда свобода воли из красивой фразы может превратиться во что-то куда более существенное.

Раскаяние – точно такой же переходный момент, когда человек вдруг видит что-то в новом свете. Оно начинается с размышлений и переживаний, но первое внешнее проявление – слова... Это молитвы, произносимые в Рош а-Шона, Йом Кипур и Десять дней раскаяния.

Духовно мы сознаем могущество Б-жественных слов, ибо словом был создан мир. Тора говорит нам, что именно путем слияния особых звуков было достигнуто реальное земное существование. И хотя наши слова – это только человеческая речь, не более, но и через них могут осуществляться подлинные изменения в духовной сфере.

Слова открывают доступ в пустоту, в ничто, таящее в себе возможность всего, через них мы можем преобразовать себя и таким образом весь мир.

Момент раскаяния полон смятения, страха – так и должно быть. Всемогущий, создавая мир, предусмотрел возможность его изменения. Не случайно Он дал нам способность, желание, мужество, даже безумие, необходимые, чтобы шагнуть в пустоту, – совершить прыжок в великую неизвестность и осуществить изменения.

Хотя все Б-жьи творения – результат Его слова, только людям дана способность при помощи слов и действий преображать мир, совершенствовать его. Таким путем мы совместно с Б-гом можем участвовать в непрерывном процессе сотворения мира.

Зимним солнечным днем 11 Швата (4 февраля) в одном из лучших ресторанов Вильнюса «Виллон» состоялся большой праздник, посвященный бар и бат-мицве – условному совершеннолетию еврейских детей, мальчиков и девочек. Собралось около четырехсот человек со всей Литвы: 35 виновников торжества с родителями, родственниками, друзьями. Впервые за последние как минимум полвека так широко отмечался этот обряд.

Мальчики 13 лет и девочки 12-ти заняли почетные места в центре зала. Торжественный вечер открыл главный раввин Литвы Шолом-Бер Крынски. Он поздравил детей и подчеркнул: они будущее еврейского народа, продолжатели некогда утраченных, но теперь с особым чувством возрождаемых традиций. Раввин зачитал письмо, полученное им от седьмого Любавичского Ребе в день собственного совершеннолетия. Он бережно хранит это послание и считает, что оно адресовано всем еврейским мальчикам этого возраста. Зал стоя слушал напутствия Ребе. «Пусть Б-г благословит вас и поможет в дальнейшем изучении Торы и продолжении традиций еврейства», – закончил свое выступление раввин.

Каждому мальчику вручили тфилин – отныне их следует накладывать ежедневно, кроме Субботы и праздников. С помощью раввинов Ш.-Б. Крынски, Ш. Штайнбах, преподавателей еврейского курса и учеников старших классов школы «Бейс Менахем» дети впервые наложили тфилин и произнесли «Шма, Исроэль». Как красивы, торжественны и трогательны были эти минуты!

Родители и дети благодарили организаторов за чудесный праздник. «Мы счастливы за наших детей, – говорил Евгений Портной. – У нашего поколения, к сожалению, не было такой возможности». Анна Клячко, председатель еврейской общины Клайпеды, испытывала те же чувства: «Приятно участвовать в таком торжестве. Спасибо за помощь в возрождении еврейских традиций в нашем городе». Некоторые мальчики, достигшие возраста мицвот, – Лейб Мейер, Наум Скудавичюс, Менахем-Мендл Тарнаридер, Дов-Бер Левин, Леви Кацас – тоже выражали благодарность раввину Ш.-Б. Крынски, своим семьям, всем собравшимся. «Меня назвали Мишей в честь дедушки, который был хорошим человеком, – сказал Миша Фришманас, – и я хочу быть таким, как он». Юлиан Соловейчик взял обязательство «не есть на пейзах ничего квасного».

За праздничной трапезой раввин Крынски еще раз поздравил каждую семью со знаменательным событием, а Бенциону Борейкису пожелал пойти по пути старшего брата, который сейчас учится в московской ешиве.

Конечно, не были обделены вниманием и двенадцатилетние девочки. Рав Крынски отметил, что в еврейской семье женщина играет ключевую роль, поскольку именно она дает своим детям еврейское воспитание. После него выступила ученица еврейской средней школы «Бейс Менахем» Мирьям Левина. «С 12 лет девочки согласно еврейскому закону считаются взрослыми, – сказала она. – Это означает, что теперь мы несем большую ответственность за все свои поступки и должны исполнять предписывающие и запрещающие заповеди Торы точно так же, как взрослые. Сегодня особенный момент для каждой из нас». И она поблагодарила за организацию этого праздника раввина Шолом-Бера и ребецн Дину Крынски.

Ребецн Крынски в день своей бат-мицвы, кстати, состоявшейся тоже 11 швата, также получила письмо от Любавичского Ребе. В нем было сказано: «Всей душой исполняйте заповеди, успешно учитесь и оказывайте хорошее влияние на ваших друзей. А Б-г поможет вам в этом». Поскольку с 12 лет на еврейскую девочку возложена обязанность исполнять заповедь о Субботе – зажигать субботние свечи, каждой из присутствующих вручили подсвечник для субботних свечей.

Девочки выступали, некоторые принимали на себя обеты, взволнованно говорили их счастливые родители. Мама Нинель Скудавичене произнесла прочувствованные слова о свитке Торы, о том, что еврейские дети должны быть сильными, гордиться своими традициями и вести себя так, как это подобает евреям. «Я желаю вам, дорогие дети, побольше добрых и хороших поступков, чтобы люди могли сказать: “Как счастливы отец и мать, воспитавшие этого человека”, – сказала она. – Каждый из вас – это маленький огонек в своей семье, а все вместе вы – великий свет нашего народа».

Мало кто из взрослых мог рассказать о своих бар и бат-мицве. Те немногие, кому посчастливилось это праздновать, с радостью делились теперь воспоминаниями. В частности, председатель еврейской общины Каунаса г-н Шакас вспомнил свое детство и порадовался за молодое поколение.

В теплой, радушной атмосфере во время трапезы все смотрели фильм о деятельности Хабада. Гости праздника пожелали организации «Хабад-Любавич» дальнейшей плодотворной работы на благо еврейства.

А. Одиесски

ВИЛЬНЮССКИЙ ТУ БИШВАТ

15 Швата ученики и учителя «Бейс Менахем», дети из детского садика собрались в актовом зале. Ребецн Дина Крынски рассказала об этом дне, чем он

знаменателен в еврейской традиции. «Подобно человеку дерево в поле», – процитировала Тору ученица 12 класса Эстер Вайшнорайте.

Действительно, у человека и дерева много общего. Самое главное – корни, с их помощью поддерживается жизнь. Для человека они не менее важны, чем для дерева. Наши корни – это праматери и праотцы, Тора и заповеди, и самое главное – эмуна, вера в Б-га. Если повредить деревце, ему очень трудно восстанавливать силы, оно даже может погибнуть. То же и с человеком, если его сбивать с правильного пути.

В Ту Бишват мы говорим о семи растениях, упомянутых в Торе: оливки, финики, гранаты, виноград, инжир, пшеница, ячмень, и в этот день их принято есть. Плоды не менее важны, чем корни. Они служат умножению жизни. Мы должны обучать всех евреев тому, что знаем о родной традиции, и помнить, что цели, которые мы ставим перед собой, помогает осуществить Б-г.

К празднику дети подготовили веселый концерт – так интересно петь и рассказывать о живой природе, о еврейской жизни! Все угощались сухофруктами. Старшеклассники разделились на команды и провели интересную игру, где каждый мог блеснуть знаниями традиций Ту Бишвата. Какое счастье, что оживают наши еврейские «поля» и «сады»!

נ. עֵאָוִי אִי

ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК В ВИЛЬНЮСЕ

В воскресенье 18 Швата еврейские женщины Вильнюса собрались отметить День памяти (йорцайт) ребецн Хаи-Мушки Шнеерсон, жены седьмого Любавичского Ребе. В одном из уютнейших ресторанов Литвы «Стикляй» памятную дату пришли отметить более 100 представительниц прекрасного пола.

В начале вечера ребец Дина Крынски рассказала о роли еврейской женщины в семье и о том, чем особенно памятен этот день для нас. Честь зажечь свечу была предоставлена Мусе Герман. Гостья из Санкт-Петербурга, специально приехавшая на этот праздник, Эстер Сегаль с большим чувством рассказала о жизни Хай-Муси Шнеерсон, привела примеры из жизни других выдающихся еврейских женщин. Приятно удивили ее слова, что еврейская женщина, соблюдающая заповеди Торы, должна выглядеть красиво, современно, модно. Наглядным примером этих слов послужила демонстрация одежды многих известных итальянских дизайнеров, любезно предоставленной бутиком «Колумбус». Женщинам разных возрастов понравились модные элегантные модели, соответствующие еврейским традициям.

Девочки школы «Бейс Менахем» исполнили еврейские песни о мамах и просто о женщинах. Зал с удовольствием им подпевал. Праздничная атмосфера, красиво оформленные и вкусные кошерные блюда, бокал вина и музыка нигуним настроили всех на лирический лад.

Каждая гостья праздника получила в подарок подсвечники для субботних свечей, буклет с текстами еврейских песен и рецептами традиционных еврейских блюд.

На прощанье щелкнул фотоаппарат, и на память осталась фотография, запечатлевшая улыбающихся, умиротворенных евреек. Пусть всегда нашим женщинам будет так хорошо!

Е. Агаєєв

НОВОЕ ЗВУЧАНИЕ СТАРОГО ЛОЗУНГА

Советская власть любила лозунги и производила их в несметном количестве. Одни призывали, другие разъясняли, третьи направляли. И все это был лишь треск. Но вот пришли иные времена, забетонированные границы лагеря социализма, обветшав, посыпались – наши братья, находившиеся по другую сторону, бросились к нам на помощь. Приезд посланников Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона во многие города СНГ и Балтии заставил старый лозунг «Все лучшее – детям!» обрести новое звучание. Теперь мы воочию видим его реализацию в отношении наших, еврейских, детей. Собственно, это уже не лозунг, а принцип.

Когда в донецкой еврейской средней школе № 144 создавались специальные с углубленным изучением иврита и еврейских традиций классы для мальчиков, инициаторы этого дела – еврейская община Днепропетровска и фонд «Ор Авнер» меньше всего думали о каких бы то ни было лозунгах. Просто старались возродить идишкэйт и изыскивали для этого возможности. Сегодня в специализированных классах, по традиции названных ешивой, обучается 70 ребят разного возраста, разных

судеб. Некоторые приехали в это учебное заведение из многих городов Украины и России – Харькова, Херсона, Кривого Рога, Запорожья, Нижнего Новгорода и других. Для учащихся выстроили прекрасное общежитие в самом центре города.

Учебная программа ешивы имеет свои особенности. Во-первых, ведется углубленное изучение иврита и традиций: каждый день четыре урока отведены языку, Торе и Талмуду, ребята осваивают законы еврейской жизни. Вторая половина дня посвящена предметам общеобразовательного цикла. Надо отметить высокий профессиональный уровень преподавательского состава.

Директор днепропетровской ешивы раввин Реувен Чупин понимает: ученикам приходится труднее, чем их сверстникам в обычных школах.

– Наши ученики живут не одним сегодняшним днем. Они работают на перспективу, — говорит директор. – Для выпускников ешивы открываются возможности обучения в престижных школах Израиля, Англии, США. А многие, не отходя от традиций, поступают в университеты, институты, техникумы нашего города.

Учащиеся ешивы множество раз на собственном опыте убеждались в справедливости лозунга «Все лучшее – детям!». Последним его подтверждением стал зимний лагерь в одном из самых живописных мест нашей страны – на карпатском курорте Яремча. 42 мальчика в сопровождении четверых взрослых отправились туда на комфортабельном «Икарусе» и поселились в санатории «Прикарпатье» в комнатах на 3 – 4 человека. Из окон открывался изумительный вид на покрытые лесом горы, мост через стремительную речку, низвергающийся уступами водопад. Специально для наших ребят в баре, на время их приезда закрытом для посетителей, устроили кошерную столовую.

А какой насыщенной была неделя – экскурсии во Львов и по окрестностям Яремчи, походы и пикники с неизменными шашлыками из кошерных кур, игры, викторины и дискотеки, даже восхождение на Говерлу – высочайшую вершину Карпат. Конечно, сама вершина из-за погодных условий ребятам не покорила: в тот день начался гололед. Но Малая Говерла была взята!

За активным отдыхом, конечно же, не забывали и об учебе. И здесь ребята изучали Тору, Танию, беседы Любавичского Ребе, труды одного из величайших еврейских ученых – Рамбама.

– Я никогда не забуду эту поездку, – говорит восьмиклассник Йосеф Продун. – Прекрасная погода, живописная местность, чудесные карпатские сувениры, – в общем, мне понравилось все!

Давид Тахтерин из 11-го класса еще более лаконичен:

– После Говерлы нам не страшен даже Эверест!

Преподаватель Акива Романовский доволен:

– Конечно, мы очень волновались: ведь с нами были малыши. Но все время нас охраняла рука Всевышнего. Никто не заболел, не было ни одного происшествия. А самое главное – нас все время пугали, что на Западной Украине плохо относятся к евреям. Но мы ни разу не столкнулись ни с одним проявлением антисемитизма. Мало того, несмотря на всю занятость директор санатория приходил к нам, чтобы побеседовать о евреях и иудаизме. Особенно его интересовали проблемы кошерного питания.

В Днепропетровск все вернулись отдохнувшими и полными новых впечатлений. А впереди – учеба! Учебой еврея не испугать!

Ī. Őġġă

ВИЗИТ РАВВИНА ЭЛИЕЗЕРА АВЦОНА В ДНЕПРОПЕТРОВСК

В начале февраля Днепропетровск посетил глава Всемирной еврейской организации помощи и утешения (ВЕОПУ) Элиезер Авцон. Эта организация – один из лидеров гуманитарной и социальной помощи в пост-советском пространстве. Со дня своего основания в 1992 году по сегодняшний день ВЕОПУ обеспечила поставку гуманитарной помощи более чем на 90 миллионов долларов. Ее стабильно действующие программы известны во всем мире и отмечены многими наградами правительственных организаций США. Тысячи тонн продуктов для нуждающихся, медицинские, образовательные и культурные программы – этим вкладом ВЕОПУ стала известна и во многих городах бывшего СССР.

Большую благотворительную программу организация осуществляет и в Днепропетровске. В ходе нынешнего визита р. Элиезер Авцон посетил два крупных объекта, которые строятся благодаря ВЕОПУ при участии Госдепартамента США. Очевидно, уже скоро состоится открытие многопрофильного Американского еврейского медицинского центра с собственной клиникой, и помощь, которую здесь смогут получить все горожане, будет соответствовать уровню медицинского обслуживания развитых стран мира.

Учитывая кризис здраво-охранения на Украине, трудно переоценить значение, которое будет иметь для жителей Днепропетровска этот центр. По словам специалистов, с его открытием начнется новая эра в развитии клинической медицины на Украине.

Другой важный проект, реализуемый совместно с днепропетровской еврейской общиной, – это строительство Дома для пожилых людей в экологически чистом районе Днепропетровска, где более ста одиноких, нуждающихся в помощи членов общины смогут обрести счастливую старость.

В ходе визита раввин Элиезер Авцон встречался с мэром Днепропетровска Иваном Куличенко, и тот отметил большое значение помощи, которую ВЕОПУ оказывало и продолжает оказывать нуждающимся слоям населения города и области. «Раввин Авцон и возглавляемая им благотворительная организация – пример благородства и бескорыстного служения людям», – отметил мэр.

Заслуги главы ВЕОПУ здесь широко известны. Он был отмечен специальным дипломом днепропетровской еврейской общины «За вклад в возрождение еврейских традиций, образования и культуры». А на церемонии открытия Хоральной синагоги «Золотая Роза» р. Авцону как одному из самых значительных спонсоров реконструкции был вручен символический ключ.

В ходе нынешнего визита состоялась встреча р. Элиезера Авцона с президентом днепропетровской еврейской общины Г.Б. Боголюбовым и членом президиума попечительского совета Д.Е. Мишаловым, где обсуждался ход строительства Дома для пожилых и перспективы сотрудничества общины с ВЕОПУ.

Элиезер Авцон ознакомился с новыми проектами, направленными на возрождение еврейской жизни в Днепропетровске. Особое его внимание привлек совместный проект Федерации еврейских общин Украины и днепропетровской общины «Школа подготовки сойферов». Обсудив проект с главным раввином Днепропетровска р. Шмуэлем Каминецким и президентом Федерации еврейских общин Украины р. Меиром Стамблером, р. Элиезер Авцон принял решение, что реализацию этого проекта ВЕОПУ возьмет на себя.

Раввин стал почетным гостем на празднике Ту Бишват в еврейской школе «Ор Авнер» имени Леви-Ицхака Шнеерсона. Директор школы Г. Скороход отметил значительный личный вклад р. Авцона и ВЕОПУ в создание и развитие системы еврейского образования в Днепропетровске. В ответном слове р. Элиезер Авцон подчеркнул, что видит в здешней еврейской общине надежных партнеров для сотрудничества в деле помощи тем, кто нуждается в поддержке. Ведь благотворительность – не только важнейшая заповедь иудаизма, но и мощный инструмент исправления мира, приближения времени Избавления.

А. Айдише

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ «ХАИ-МУШКИ»

В Донецке 18 Швата женский клуб «Хая-Мушка» праздновал свой третий день рождения. За три года состоялось в нем много встреч, посвященных еврейским праздникам, памятным датам и всевозможным событиям. Из недр женского клуба появился на свет наш любимый журнал «А-идише мамэ». Как и первая встреча 22 Швата три года назад, так и нынешняя были посвящены памяти великой женщины – ребецн Хаи-Мушки Шнеерсон, жены седьмого Любавичского Ребе. Рассказать об этой удивительной женщине можно не так уж много по одной простой причине – она была необычайно скромна. Но в этом-то и есть ее значимость: в умении уйти на второй план, помочь незаметно, поддержать, создать надежный тыл для любимого человека, с тихим достоинством нести в мир добро и красоту. Всему этому наши женщины учатся у ребецн Хаи-Мушки. Главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий поздравил всех гостей и организаторов клуба с его трехлетием, пожелал мира и добра всем еврейским семьям.

Одной из тем этого заседания клуба «Хая-Мушка» было празднование дня рождения по еврейскому календарю. Седьмой Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон в первый день рождения после ухода из этого мира ребецн Хаи-Мушки обратился ко всем евреям и объяснил, что день, когда человек приходит в мир, – это праздник, наполненный особым смыслом. Наши женщины узнали чем отличается Йом у-лэдэт от обычных торжеств с тортом и шумным весельем, научились определять дату своего рождения по еврейскому календарю. Родившиеся в Швате получили подарки, выполняя очень интересные шуточные задания, и сумели блеснуть юмором, знаниями, даже высказать доброту.

От индивидуальных праздников перешли к общему. Постоянная ведущая заседаний Ирина Резник предложила женщинам конкурс – кто лучше всех поздравит с днем рождения свой любимый клуб. Что тут началось! Из заранее подготовленных и самых неожиданных подручных материалов благодаря фантазии, таланту на глазах стали возникать настоящие произведения искусства – поздравительные открытки,

украшенные цветами, птицами, сердцами, а главное, добрыми словами, посвященными любимому клубу. На сцену выходили представители от каждой из двенадцати импровизированных команд, читали стихи, пели. Победителям этого конкурса вручили большой вкусный пирог. Вообще угощение на столах было выше всяческих похвал. И в этом еще раз проявилась неистощимая фантазия ребецн Дины Вышецкой – организатора и председателя Донецкого женского клуба. Собираясь расходиться, благодарили хозяйку за радость встреч, за возможность знакомиться с историей и традициями своего народа. Ребецн Дина в свою очередь тоже поблагодарила всех женщин – за активное участие в работе клуба, за любознательность, дружелюбие, творчество – за все то, без чего клуб не был бы клубом.

Праздник был замечательно организован, и хочется поблагодарить всех, кому мы обязаны прекрасным настроением и удовольствием на нем побывать. Администратор женского клуба София Черня лично звонила каждой женщине, чтобы пригласить на эту встречу. Дизайнер Даша Шабалина очень интересно оформила зал. У его входа разместилась выставка флористики, поделок из соломки, работ из ткани в стиле «печворк» великолепного мастера Гени Ефремовой.

Стало доброй традицией на каждом заседании женского клуба не только знакомиться с историей и традициями своего народа, но и разучивать еврейские песни. В этом нам всегда помогает прекрасный хормейстер Евгения Дыбова-Шор – руководитель хора мальчиков «Пирхей Донецк» общеобразовательной еврейской школы «Ор-Менахем». Специально для праздничной встречи наш любимый оператор Сухолуцкий Владимир Николаевич создал замечательный видеофильм об истории клуба. Многие присутствующие в зале увидели себя на экране, услышали поздравления известных людей нашей общины: Иегуды Келермана – председателя религиозной общины; профессора, доктора филологических наук Михаила Гиршмана; заместителя главного редактора популярного еженедельника «Город», известного журналиста Игоря Шпарбера; заведующего областной еврейской библиотекой и руководителя Клуба интеллигенции Вячеслава Верховского. Кстати, он посетовал, что у нас еще нет мужского клуба и, соответственно, журнала для мужчин. А в заключение этого прекрасного праздника хореограф Лариса Пологута дала урок зажигательных еврейских танцев.

Доброго пути и удачи тебе, «Хая-Мушка» – один из первых женских еврейских клубов на территории бывшего СССР. Долгих счастливых лет!

Ö. Аїт çăйї

ВМЕСТО ДЕРЕВЬЕВ – ЦВЕТЫ

Если вы думаете, что из маленьких городов русской провинции все евреи давным-давно уехали, так это далеко не так. Вот, например, у нас в Волжском, что в Волгоградской области, тоже есть своя еврейская община – самая настоящая: с председателем, офисом, помещением для торжественных мероприятий. И помещение это явно становится тесноватым, ибо на праздники собирается всякий раз больше сотни человек. А праздники отмечать у нас любят и умеют.

После торжественного открытия общинного центра волжские евреи по всем правилам отметили Рош а-Шона, Суккос и Хануку, кстати собравшую наибольшее число гостей – разных возрастов, профессий и, что особенно интересно, даже национальностей: некоторые волжане, несмотря на отсутствие в их жилах еврейской крови, тем не менее живо интересуются культурой и традициями еврейского народа. Таких в городе не много, но они есть.

А в феврале еврейская община Волжского впервые отметила Новый год деревьев – праздник, о котором даже придерживающиеся традиций раньше частенько забывали, другие же и вовсе услышали о нем впервые. Из выступления председателя общины Гарри Тарловского. Раввин Волгоградской области Залман Иоффе поздравил волжских евреев, зачитал приветствие от главного раввина России Берла Лазара. Его встретили дружными аплодисментами. Потом был праздничный стол. Кошерное угощение приготовили женщины-волонтеры, а белое и красное вина, символизирующие год уходящий и наступающий, были присланы прямо из Израиля.

В день Ту Бишвата по традиции принято сажать деревья, но климат в Поволжье, увы, не позволяет делать это зимой. Хотя в этом году зима выдалась теплая, в феврале, как на грех, ударили морозы, выпал снег. Но волжане нашли выход из положения: вместо деревьев они посадили комнатные растения – фиалки, герань, кактусы, алоэ. Рассудили так: разве столь важно – дерево посадить или цветок? Главное – дать жизнь новому зеленому ростку, сделав это с радостью и хвалой Всевышнему. И, конечно, не лишними были песни, танцы, шутки. Сколько света и тепла было у евреев Волжского в тот февральский день!

Г. Азеев

ЗАГАДКИ ЕВРЕЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Так интригующе был назван фестиваль, который прошел 18 февраля 2001 года в большом зале Еврейского общинного центра в Марьиной роще. Мероприятие это проводится уже второй раз, так что можно сказать – положено начало хорошей традиции.

Еврейская женщина... В значительной мере она олицетворяет саму историю еврейского народа: праматери-праведницы Сара, Ривка, Рахель и Лея, пророчица Двора, прекрасная Эстер и благородная Рут, которым в Танахе посвящено по книге, героическая Юдифь... О, сколько великих загадок в высоких душах наших еврейских женщин, в их сильных и нежных и таких отзывчивых сердцах!

Фестиваль был не случайно проведен именно 18 февраля. В этот день исполнилось 13 лет со дня ухода из жизни выдающейся женщины Хай-Мушки Шнеерсон, жены Любавичского Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона. Сказанное когда-то о Юдифи «Кто смеет пренебречь народом, имеющим таких жен...» как будто о ней сказано. Образ Хай-Мушки великолепен, ее достоинство и скромность являют замечательный пример для нынешних и будущих жен. О ее благотворительности, о вкладе в развитие хасидского движения среди женщин можно говорить бесконечно. И если в сегодняшней России кроме еврейских школ для девочек существуют и высшие женские еврейские учебные заведения (Гуманитарный педагогический институт в Москве и др.), то в этом немалая заслуга Хай-Мушки Шнеерсон.

Большой зал МЕОЦа был переполнен людьми от 8-ми до 80-ти лет. И все, независимо от возраста, были одинаково счастливы. Вечер начался ярмаркой, причем не простой, а с уроками, «обучающей». Здесь можно было не только приобрести яства кошерной кухни, косметику, но и узнать секреты приготовления еврейских блюд и многое другое.

Заметим, что при МЕОЦе имеется множество клубов, и все они приняли активное участие в подготовке этого фестиваля. Большую помощь в организации вечера оказала преподаватель Еврейского пединститута Голда Клейнберг. Приняла участие в фестивале и уполномоченный министр посольства государства Израиль в России Александра Сери.

За ярмаркой последовало ток-шоу, которое вел журналист радио «Эхо Москвы» Артем Варгафтик. Было представлено три поколения женщин еврейской семьи, которые во все даже самые трудные времена хранили верность еврейству: соблюдали законы, заповеди, традиции иудаизма. Это Софа Коган, жена раввина Ицхака Когана с Большой Бронной, ее дочь Симона Мушуловин, преподавательница еврейской школы, и внучка Лея. Присутствующие могли задать им вопросы, а представительницы трех поколений еврейских женщин на них отвечали. Главный редактор журнала «Лехаим» Борух Горин был экспертом – комментировал, уточнял и дополнял ответы.

Особенно впечатляющей была заключительная часть фестиваля. Были зажжены свечи благодарности в память о еврейских женщинах, так много сделавших для сохранения своего народа, его традиций. Честь зажечь свечи была предоставлена Голде Тамариной. Она, вырастившая своих детей в еврейском духе, когда это было очень небезопасно, выступила перед собравшимися. Оба ее сына стали раввинами: один в Москве, другой – в Житомире. Голда Тамарина и ее дети – живое подтверждение тому, что еврейские традиции могут и будут сохраняться, а, значит, будет жив наш народ. Он был и будет жив, и это заслуга еврейских женщин.

Е. Негайман

ВЕЛИКИЙ СИНТЕЗ БРАНОВЕРА

Вечером 5 февраля большой зал Израильского культурного центра был переполнен до отказа. Здесь собрались сотрудники Российской еврейской энциклопедии во главе с Зеевом Вагнером, члены клуба еврейской творческой интеллигенции «Ковчег», слушатели колеля «Бет Егудит» раввина Давида Вайса, Иосиф Бегун, Роман Спектор и многие другие, кому, во-первых, посчастливилось узнать о событии и, во-вторых, кто мог по достоинству оценить приезд в Москву физика с мировым именем, профессора Беер-Шевского университета имени Бен-Гуриона, общественного деятеля, главу израильского издательства религиозной литературы «Шамир», главного редактора РЕЭ Германа Герцевича Брановера. К сожалению, профессор Брановер редкий гость в России, но те, кому хоть однажды довелось слушать его лекции, вряд ли упустят возможность встретиться с ним снова. За изящной, классически красивой внешностью этого человека, за тонким обаянием изысканного интеллигента – колоссальный магнетизм ума ученого. Его властный, взыскательный рассудок способен, пронзив, словно лазером, огромные пласты знания, синтезировать то, что для большинства кажется несовместимым. Впечатление от встреч с ним неизгладимо.

Герман Брановер родился в Риге, в этом году у него юбилей — исполняется 70 лет. Успеть бы за 120 то, что ему удалось за семь десятков! В 1953 году он закончил Ленинградский политехнический институт, а спустя шесть лет — и физико-математический факультет Латвийского университета. Именно физика оказалась его стезей — Герман Брановер стал одним из основоположников магнитной гидродинамики жидких металлов.

В 60-е годы одержимость наукой не помешала начинающему ученому принять участие в еврейском национальном движении в Риге. На вопрос, что привело его к вере в Б-га, он с грустью отвечает: размышления об антисемитизме. На латышском языке еврей — это «жид», и Герману Брановеру с детства довелось учиться в школе, официально называющейся «жидовской».

Окончив физмат, Герман Брановер публикует в академическом журнале свою первую научную работу и уже вскоре становится сотрудником института физики Латвийской Академии наук, где в течение двух лет работает старшим научным сотрудником. Несмотря на узаконенный государственный антисемитизм как ученый он имеет хорошие перспективы и реальный, весомый материальный достаток. «По мнению любого “нормального” советского гражданина, — читаем мы в книге его воспоминаний “Возвращение”, — у меня было все для того, чтобы жить спокойной, размеренной, полной довольствия и удовлетворения жизнью».

Но, как известно, есть ценности повыше чечевичной похлебки и даже хлеба с маслом. Национальное самосознание, активное участие в еврейском движении скоро и принципиально изменяют его жизнь: молодой профессор воистину по собственному желанию увольняется с работы, подает заявление о выезде в Израиль и, конечно же, получает отказ...

Ни митинги, ни демонстрации – никакие акции зарубежья, пытающиеся оказать влияние на происходящее в «соцлагере», как известно, не имели для здешних «начальников» достаточной убедительности. О собственных гражданах и вовсе нечего говорить. Чудом избежав ареста, Герман Брановер в 1972 году все же наконец получил возможность выехать в Израиль, правда, заплатив еще немыслимый «налог за образование» — 31 тысячу рублей (эквивалент – 10 машин), которые, конечно же, пришлось занимать.

Сойдя с трапа самолета, Герман Брановер встает на колени и целует Святую Землю. Возможно, многим сегодня его чувства будет нелегко понять, а жаль. Первым, кроме корреспондентов, брата и друга, его встречает Авраам Вердигер – депутат Кнесета от религиозной партии «Поалей Агудат Исраэль». Позже ученому предстоит встретиться со многими знаменитыми людьми: Залманом Шазаром, Голдой Меир, Ицхаком Рабиным, Моше Даяном, Менахемом Бегиним, Эфраимом Кациром, Давидом Элеазаром, Игалем Алоном, Пинхасом Сапгиром, Гидеоном Хаузнером, с американскими сенаторами Монделом и Джексонном, мэром Нью-Йорка Линдсеем, со многими министрами, писателями, еврейскими и нееврейскими лидерами и общественными деятелями. Но самая важная для Германа Брановера – это встреча с Любавичским Ребе Менахемом-Мендлом Шнеерсоном, которого он называет «Великим Евреем». С ним впоследствии он не раз советовался и как ученый. Кстати, разрешение на выезд из СССР Герман Брановер получил тогда, когда этого по логике вещей меньше всего можно было ожидать, но тому предшествовало благословение Ребе и его спокойное заверение, что вопрос уже вскоре будет решен.

Молодого профессора-физика ожидает великое множество встреч и в научном мире. В 1973 году он становится профессором двух израильских университетов — Тель-Авивского и Беер-Шевского, при втором буквально сразу возглавляет исследовательский центр МГД. С 1991-го, когда благодаря перестройке культурные, общественные и научные организации и учреждения на территории бывшего СССР постепенно начинают налаживать связи с коллегами за рубежом, профессор Брановер возглавляет израильско-российскую лабораторию энергетических исследований, а затем и проект Российской еврейской энциклопедии (идея этого проекта зародилась в недрах РАЕН).

Интенсивная научная деятельность профессора Брановера отмечена такими фундаментальными трудами, как «Турбулентные МГД-течения в трубах» (1967), «Магнитная гидродинамика несжимаемых сред» (1970), «МГД-течения в каналах» (1978), «Одно- и многофазные течения в электромагнитном поле» (1985), «Металлургия, преобразование энергии и МГД-течения» (1993) и другими, в которых ученый описал разработанную им теорию и практические применения течений жидких металлов в магнитном поле, а также результат исследований анизотропной МГД-турбулентности и ее роли в гео- и астрофизике и в технологии. Сегодня он работает над очередными научными задачами.

Вопреки общепринятым представлениям устремленность к науке не помешала молодому физiku еще в 1960 году углубиться в теологию. С научной

скрупулезностью он начинал заниматься исследованием вопросов гармонии между Торой и современными естественными науками и переводить на русский еврейские религиозные книги. Позже в Израиле выйдут его книги «Из глубин» (1979), «Выдержки из краткого свода еврейских законов» (1973), книга воспоминаний «Возвращение» (1977), «Око сердца» (1989), «Синтез» (1990), «Велики дела Твои» (1993), «Наука в свете Торы» и другие.

С 1972 года Герман Брановер возглавляет Союз еврейской религиозной интеллигенции из СССР в Израиле – то была настоящая алия (в переводе с иврита «подъем»), люди ехали в Святую Землю не из меркантильных соображений, – и становится главным редактором существующего при союзе издательства «Шамир», наиболее крупного по выпуску иудаики на русском языке. Вскоре в издательстве начинает выходить альманах «Возрождение», который тайными путями переправляется к русскоязычным собратьям, а спустя десять лет Герман Брановер основывает общественно-философский журнал «В свете Торы» на английском и иврите.

Деятельность профессора Брановера многопланова. Жизнь едва ли не во всех ее проявлениях всегда вызывает у него жгучий интерес, и, если он за что-то берется, то подходит к этому, как и к науке, фундаментально. Так, в 1993 году по поручению премьер-министра Израиля он разработал генеральный план трудоустройства иммигрантов из СССР, который успешно реализовывался, конечно, до последней большой российской алии. В 1992 году Брановер удостоен премии Кнесета.

Когда началась перестройка в СССР, посланники профессора Брановера, тогда сотрудники издательства «Шамир», – Зеев Вагнер (ныне лицо РЕЭ), Хаим-Арон Файгенбаум (впоследствии директор первой, кунцевской ешивы, а ныне исполнительный директор Института изучения иудаизма под руководством Адина Штейнзальца), Михаил Гринберг (теперь директор издательства «Гешарим») и другие, с благословения Любавичского Ребе едва ли не первыми пересекли только что приоткрывшиеся границы и уже вскоре организовали здесь выпуск литературы по иудаике на русском языке. Сколько радости принесли эти первые книги, сколь много для возрождения еврейства сделали эти люди!..

Свое выступление в Израильском культурном центре Герман Брановер посвятил главной теме своей жизни — «Наука и религия». То, о чем он говорил, убедительно, поскольку доказательно, — это «тшува наук»: раскаяние науки в грубом материализме. Примеры трудов, отчасти продемонстрированных, отчасти названных (всего таких, как подсчитал профессор, в последнее время выходит до 400 в год), опубликованных видными учеными мира в подтверждение – ни много ни мало — существования Б-га, по-настоящему впечатляют!

Наше интервью с профессором Г. Брановером читайте в одном из следующих номеров «Лехаима». В редакции можно приобрести книгу его воспоминаний «Возрождение».

D. I' ai e'da

ЭТОТ ВЕСЕЛЫЙ ПРАЗДНИК ПУРИМ

Через века, через десятки стран, всегда и повсюду, где довелось бывать евреям в годы изгнания, они никогда не забывали Танах – Тору, книги Пророков

и Писания, среди которых и Книга притч Соломоновых, и псалмы, и так называемые «мгилот» – особые книги, читаемые по определенным праздникам. В самые трудные времена с особым чувством евреи читали чуть нараспев великую Книгу Эстер (Есфирь) — поэтическую, преисполненную радости и надежды. Именно с ней, Эстер, связан светлый праздник, который каждый год мы отмечаем в конце зимы – это Пурим.

Не однажды в еврейской истории женщина спасала свой народ. Так случилось и в Древнем Иране, когда над евреями нависла угроза уничтожения: уже был подписан вердикт и назначено время его исполнения, но благодаря Эстер произошло чудо – страшная опасность миновала.

В диаспоре во времена инквизиции и Катастрофы евреи не раз задавали себе вопрос: «Почему на столько аманов всего один Пурим?». И все же само существование этого праздника, учрежденного в память о спасении евреев Персии от гибели, уготовленной Аманом, о многом говорит. Сказано в книге Эстер: «И чтобы дни эти были памятливы и праздновались во всех поколениях, в каждом племени, в каждой области в каждом городе; и чтобы дни эти Пурима не отменялись у иудеев, и память об этих днях не исчезла у детей их».

Этот праздник евреи обычно отмечают веселыми театральными представлениями – «пуримшпилями», карнавалами, традиционная выпечка особой, треугольной формы с маком и вареньем – «оменташн», или «уши Амана». Пока существует праздник, жизнь продолжается, ибо праздник содержит в себе свободу и радость. А как сказал основоположник хасидизма Баал-Шем-Тов: «Кто живет в радости – выполняет волю Создателя».

Конечно, в праздник дарят подарки. Вот и вам подарок, читатель, – праздничные материалы о талантливых еврейских актерах из московского театра «Шалом» – Геннадии Абрамове и Евгении Валевиче и о новом замечательном проекте МЕОЦа – выпуске серии аудиокассет по истории еврейских праздников «Евреи. Мифы и реальность».

Ī. Êêò àéã ðí ãñéé

«ЕВРЕИ. РЕАЛЬНОСТЬ И МИФЫ»

Есть при Московском еврейском общинном центре учебное заведение – ешива. При ней мы создали «торафон» – это такой информационный телефон, позвонив по которому, можно получить разнообразную информацию о каких-либо мероприятиях, программах МЕОЦа, но главное, – много интересной информации, связанной с еврейской традицией. Например, там есть беседы по недельным главам Торы, записи с рассказами о еврейских мудрецах. Желающие могут почерпнуть информацию о еврейских праздниках и памятных датах. Информация дополняется и обновляется каждую неделю.

Эта программа существует чуть больше года. А сейчас мы заняты воплощением нового проекта, возникшего из опыта «торафона», – выпуском аудиокассет о еврейских праздниках и традициях. Создан этот проект при ешиве, она курирует его и готовит все материалы. Осуществлению помогает интернетсайт «Jewish.ru», он оказывает помощь по дизайну и вопросам общей информации, а Еврейский общинный центр субсидирует проект.

За время работы «торафона» у нас уже накопился некоторый опыт выпуска аудиокассет. Самая первая была посвящена Субботе, следующая – Хануке, а сейчас готовится о Пуриме. Мы выбрали не очень традиционный путь. Задумана единая серия «Евреи. Реальность и мифы». Как разрабатывается тема? Берется за основу некий миф или некое сложившееся представление (не обязательно у евреев, но и у неевреев), связанное с выбранной тематикой, и, исходя из него, мы обсуждаем, правильный это подход или нет.

Серия у нас образовательная, и ориентирована она на то, чтобы дать людям максимум информации. Мы хотим, чтобы это было познавательно, интересно и доходчиво. Для подготовки тем используются различные материалы, но в основе – беседы Любавичского Ребе. Он видел все эти проблемы глубоко, ясно, умел их четко изложить, разъяснить, чтобы люди уловили глубинный смысл обсуждаемой проблемы. В то же время мы стараемся подавать материал не строго дидактически, а по возможности живо, с юмором, чтобы он усваивался максимально легко несмотря на высокую «плотность».

В преддверии Пурима хотим успеть выпустить еще одну кассету. Она будет называться шуточно, примерно так: «Пурим без лехаима – не Пурим». Там будет в шутку и всерьез рассматриваться вопрос, почему в этот праздник единственный раз в году мужчинам буквально предписывается напиться до такой степени, чтобы перестать отличать злодея Амана от праведного еврея Мордехая. Для евреев такая постановка вопроса кажется странной. Как известно, наш народ не злоупотребляет спиртным. Вопрос изучается всесторонне, и на основании этого раскрывается смысл праздника Пурим. Повторюсь: мы стараемся это делать максимально профессионально. Задействованы очень грамотные люди, профессиональные артисты, операторы, запись делается на профессиональной студии, ведь качество имеет большое значение.

Серия «Евреи. Реальность и мифы» рассчитана на людей, хотя бы минимально проявляющих интерес к еврейской традиции. Думаю, она будет с удовольствием воспринята и молодежью. С точки зрения информации, заложенной в ней, она может быть интересна всем. Надеюсь, эта серия будет пользоваться успехом!

ЕВРЕЙСКИЕ ПЕСНИ ЖЕНИ ВАЛЕВИЧА

Евгений Валевич в театре «Шалом» четвертый год. Он пришел сюда после актерского факультета Института современного искусства. Теперь нет спектакля, в котором не пригодился бы его искрящийся талант, и особенно незаменим он там, где надо петь и танцевать. Из юного, подающего надежды выпускника буквально на глазах Женя Валевич перерастает в сильного, выразительного актера. Недавно он получил большую роль – Мильтона Глика (жениха, потом мужа Сары) в спектакле «Пол-Нью-Йорка мне теперь родня». Но что значит молодой задор и творческий энтузиазм! Мало того, он подготовил еще и собственную программу песен «Еврейское застолье» – вот уже несколько месяцев собирает она полные залы и в театре, и на гастролях.

Мы встретились с Женей часа за три до этой программы. Времени у него оставалось в обрез, пора было уже готовиться к выступлению и, разговаривая, мысленно, как я видел, он был уже на сцене.

– **Женя, банальный вопрос: как и когда зародился интерес к театру?**

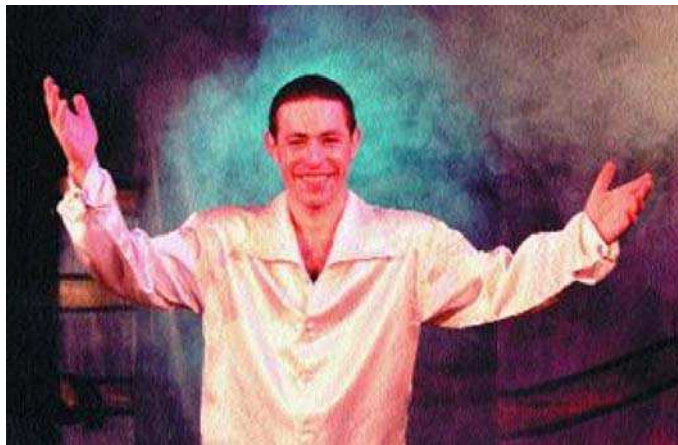
– Такой же банальный ответ: в детстве. Я обожал Райкина, наизусть знал многие его монологи и веселил ими сверстников. А в 12 лет как-то увидел объявление: экспериментальный театр под руководством Вячеслава Спесивцева открывал детскую студию. На просмотре я, конечно же, читал монолог Райкина. Все ужасно хохотали. Потом я пропадал в студии с утра до ночи, а однажды узнал, что при училище имени Щепкина есть школа с театральным уклоном. Я перевелся туда из той, где учился. С нами занимались известные мастера сцены. Потом был Институт современного искусства – это единственное негосударственное училище, имеющее лицензию на подготовку артистов. В дипломных спектаклях я играл Фигаро, Треплева в «Чайке», черта, который приходит во сне к Ивану Карамазову.

– **А как оказались в «Шаломе»?**

– Это сознательный выбор. Еще на третьем курсе я увидел афишу о еврейском празднике в концертном зале «Россия» и предложил своей сокурснице Наташе Гарус: давай пойдем посмотрим, что это такое. И пошли. Еще ни разу мы не видели такого количества евреев в одном месте! Потрясающее впечатление осталось от оркестра израильской полиции, выступавшего с еврейскими мелодиями. И хоть мы оба

с Наташей были далеки от еврейских дел, но почувствовали, что это наше, а то, что все это существует в открытую, удивляло и радовало. Окончив институт, мы позвонили Александру Семеновичу Левенбуку. Он сказал: «Приходите, показывайтесь». Нас взяли.

– А с чего началось увлечение еврейской песней?

– Тоже с детства. Наш дом был наполнен еврейской музыкой: звучали пластинки Сары Фибиш, Александровича, Нехамы Лифшицайте, сестер Берри. Это все бабушка, она до сих пор не изменяет своим вкусам. Я переписал эти пластинки на кассету и слушал постоянно. Когда поступил в институт, на такие занятия времени почти не оставалось. А в «Шаломе» все вновь во мне всколыхнулось, я подготовил две песни на идише и попросил Александра Левенбука меня послушать. Он отозвался одобрительно, а когда я попросил разрешения выступить на вечере еврейской песни, он включил меня в программу.

Первый раз я пел в микрофон на большой сцене. Конечно, тряслись поджилки. Но все прошло хорошо. Это вдохновило, и еврейская песня захватила меня с головой: стал искать новые песни, работать с композиторами, учить еврейский язык.

Я задумал программу для вечера, для этого нужен был актерский антураж. Не могу сказать, что все, кому я предлагал со мной работать, ответили положительно. Спрашивали: зачем тебе это надо? Сомневались, что получится. Даже дома к моей идее поначалу отнеслись недоверчиво: я не был ни профессиональным певцом, ни танцором...

Программа далась очень нелегко. Я делал ее около двух лет. После репетиций и спектаклей оставался в театре и репетировал до глубокой ночи: пел, танцевал, сам же включал нужную фонограмму. Я пробовал с одними ребятами, потом с другими. Но в конечном счете остановился на артистах «Шалом». Так возник ансамбль «Фрейлехс»: Наталья Гарус, Евгения Амосова, Дмитрий Бакин, Роман Ушаков. Они танцуют, где нужно, мне подпевают. Некоторые танцы поставила Инна Шварц – она специализируется по еврейскому танцу, часть – Визма Витолс, поставившая все танцы «Шалом». Премьера «Еврейского застолья» состоялась в Театре эстрады. Я подробно рассказал Хазанову о программе, готов был показать, но он поверил на слово и разрешил выступить. Я его не подвел.

– А как возникло название программы «Еврейское застолье»?

– По песне, которую написал и дал мне Виталий Наумович Рочко, он ведает культурой в обществе евреев-ветеранов войны. Сейчас он пишет для меня песню «А-идише тате».

– А гастроли уже были?

– В Петербурге, в Киеве на фестивале Шолом-Алейхема, в Оренбурге на фестивале еврейского искусства. Когда «Шалом» едет на гастроли, Левенбук включает в афишу и мою программу, так что я работаю и в спектаклях, и сам. То же было и в поездке по Германии.

– А в еврейских организациях Москвы выступаете?

– Конечно, по первой же просьбе. Мы выступали во всех синагогах, в общинах Перова и Малаховки, в других. Всегда бесплатно. Это для нас святое. Также бесплатно мы снялись в фильме о раввине Исааке Когане с Большой Бронной.

– А дальнейшие планы?

– На мой взгляд, очень любопытные. На фестивале в Оренбурге главный продюсер Давид Чарный предложил мне записать аудиокассету еврейских песен местного автора Евдокии Горбанской. Она умерла в прошлом году, оставив целых два сборника замечательных еврейских песен. Есть к ним и музыка. Песни самые разные: о еврейской семье, о Катастрофе, даже о еврейском анекдоте и еврейской кухне. Я хочу сделать целую программу по ее песням. Для работы привлеч композитора Бориса Ривчуна. Песни написаны по-русски, но часть из них будут переведена на идиш.

Наша беседа закончилась, а вскоре при полном аншлаге начался концерт Евгения Валеви́ча с ансамблем «Фрейлехс». Зазвучали «Еврейские глаза», «Клезмер шпил», «Ребе Элимелех», «Еврейская еда» – песни веселые и грустные и всегда трогательные. У каждой песни свой темперамент, свой сценический рисунок, дополняемый ансамблем «Фрейлехс». Чего только стоит сумасшедший ритм песни-

танца «Сукно в Европу». Зал подпевает и, наверное, с удовольствием стал бы и подтанцовывать, было бы где – так заводят его артисты! А ведет программу сам Александр Левенбук, значит, с юмором в программе все в порядке.

Нет, не зря Валевиц столько работал над программой. Сколько радости тысячам зрителей! И поток желающих ее увидеть не иссякает.

Женя, доброго пути тебе в еврейском искусстве!

А. Сабадга

ОСОБЕННЫЙ ЕВРЕЙСКО-РУССКИЙ ВОЗДУХ

Давно известно, что актер, театральный в особенности, – человек, для которого все вокруг – откровение. Искусство Геннадия Абрамова убеждает в правоте этой истины. Сколько раз мне приходилось слушать в его исполнении стихотворение Д. Кнута «Кишиневские похороны», и каждый раз оно, представленное артистом как маленькая трагедия, воспринимается по-новому и неизменно волнуется.

Свою творческую карьеру Абрамов начал почти четверть века назад в Московском еврейском драматическом ансамбле, руководил которым Иосиф Давыдович Рыклин. В то время в коллективе работали актеры бывшего ГОСЕТА, возглавляемого Соломоном Михоэлсом: З. Каминский, М. Котлярова, Р. Курц, В. Сорока. Азы актерского мастерства Г. Абрамов постигал, наблюдая работу этих артистов.

С 1980 года художественным руководителем ансамбля стал Яков Абрамович Губенко. Новый руководитель театра столкнулся с языковой проблемой. С одной стороны, традиционный еврейский театр в России играл на идише. С другой, «рабочий язык» страны, где находился театр, – русский. Новое поколение актеров, а тем более зрителей, еврейского не знают. Идиш постепенно угасает, вытесняемый из жизни. Частично проблемы существования еврейского театра в России решались благодаря созданию музыкальных спектаклей. Очень существенным было решение руководства театра о введении на еврейской сцене двуязычия. Так еврейский драматический ансамбль, а с 1986 года театр-студия, стал первым двуязычным театром страны.

Талантливый режиссер Яков Губенко вводил в русскоязычные спектакли сцены на идише. И зрители, не знающие языка, прекрасно понимали, что происходит на сцене, – по мизансцене, мимике, игре глаз и жестам актеров.

В 1995 году Геннадий Абрамов под руководством Якова Губенко подготовил моноспектакль «Мой дом», премьера которого состоялась в Центральном доме актера имени Яблочковой. К сожалению, мне не пришлось побывать на этом спектакле, но отзывы зрителей подтверждают: не столь важно, на каком языке говорят на сцене, ибо все понятно, когда затронуты общечеловеческие темы.

А. Зускина и Г. Абрамов.

За два десятка лет работы в театре Геннадий Абрамов сыграл более 35 ролей – в «Заколдованном портном», «Гершеле Острополере», «Тевье-молочнике», «Комедиантах», «Еврейском анекдоте», «С любимыми не расставайтесь», в «Трех сестрах» и многих других.

Немало людей знают моноконцерт актера «Встреча со зрителями», где в одной программе звучат «Грузинская песня» Булата Окуджавы и на идише – «Цайт, рабойсай» на стихи Арона Вергелиса, потрясающей силы песня «Среди миров», написанная на стихи Льва Анненского самим исполнителем, отрывок из спектакля «Еврейское местечко» и еще много-много интересного в исполнении всего одного актера. Спектакль полинационален, и атмосферу, царящую на сцене и в зале, очень точно передают слова Д. Кнута, которые читает актер: «Особенный еврейско-русский воздух, / Блажен, кто им когда-либо дышал...».

За последнее время Г. Абрамов побывал со своим моноспектаклем в Вене, Бостоне, Израиле, Германии, Польше. В декабре 2000-го в нескольких городах Италии проходил семинар восточной и еврейской культуры. Г. Абрамова пригласили туда, и он приехал с концертом и моноспектаклем. Его зрителями были студенты и профессура.

– Для меня очень важно, – говорит Геннадий Михайлович, – чтобы зрители не уходили после встречи со мной с пустым сердцем. Хорошо, если каждый найдет что-то свое, что его заденет. Тогда, возможно, жизнь этих людей станет в чем-то красивей, достойней, подумается: разве имеет смысл растрачивать жизнь на интриги, вранье? Очень важно, когда люди могут доверять друг другу.

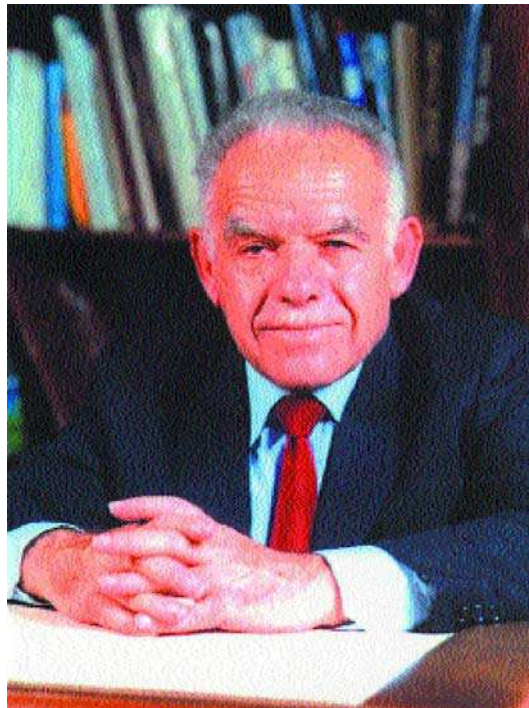
Алла Вениаминовна Зускина, дочь великого актера, повидавшая немало спектаклей ГОСЕТа, сделала Геннадию Абрамову тонкий комплимент: «Мне импонирует ваша интеллигентность на сцене...».

ЛЕХАИМ МАРТ 2001 АДАР 5761 – 3 (107)

ВЛЮБЛЕННЫЙ В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ

יְאֹהָבֵי אֶרֶץ

Ицхак Шамир (Езерницкий) – личность воистину легендарная, и не только в масштабах Израиля, но и всего мира. Выдающееся место на политической арене он занял уже в зрелом возрасте – после того, как по окончании Шестидневной войны принял участие в движении «Ликуд». Дальше его карьера складывается на редкость динамично (так бывает, когда человек наконец находит свою стезю): в 1977 году, в 62 года, его избирают в Кнессет, где сразу же выдвигают председателем, в 1980-м он министр иностранных дел, а после ухода Менахема Бегина в отставку, в 1983 году, возглавляет правительство – тогда ему уже далеко за шестьдесят. Для начала большой политической карьеры, скажем прямо, не мало. Между тем и сегодня, будучи 85-ти лет, Ицхак Шамир остается заметной фигурой на политическом небосклоне Израиля. Поразительный феномен!

«Старые друзья»

Не могу не рассказать чудовищную историю, которую совсем недавно поведал мне Ицхак Шамир уже после нашей официальной беседы. Его отец родился в

деревне недалеко от Рожан, там жили и его предки. Соседские отношения с польскими крестьянами складывались весьма доброжелательно, даже более того. Летом маленький Ицик обычно сюда приезжал, после чего Рожаны, как он вспоминал, казались ему большим городом. Крестьяне, друзья деда, единственного еврея, причем всеми любимого в этой деревне, часто приезжали к Езерницким...

Когда к Рожанам приближались немцы, сестра Мирьям с мужем Мотлом, пытаясь спастись от надвигающейся гибели, бежали в деревню к своим надежным друзьям. Кто же мог тогда предположить, что они погибнут не от рук фашистов, а по воле тех, кому доверили свою жизнь: их расстрелял лесник, пообещавший спрятать от немцев. Такая же участь постигла отца: «Он попросил помощи у старых друзей, жителей “своей” деревни, – говорил Шамир, – тех самых мужиков, на чьи плечи я любил карабкаться в детстве: их большие улыбающиеся лица до сих пор у меня перед глазами. Он им верил, а они предали и убили его».

И. Езерницкий в день окончания средней школы «Гарбут» в Белостоке.

1932 год.

На промежуточной станции

Выдающийся политический деятель, один из самых знаменитых евреев XX века, известный как Ицхак Шамир, в детстве имел другую фамилию – Езерницкий. Его отец, Шлоймо Езерницкий, был владельцем миниатюрной кожевенной мастерской в маленьком еврейском местечке Рожаны, что в Польше. Между тем Еврейская энциклопедия Брокгауза-Ефрона этому местечку посвятила целых три строки: «В эпоху Речи Посполитой местечко Виленского воеводства, Лидского повета. В 1766 году в кагале и его парафиях – 326 евреев...»

В семье было трое детей: дочери Мирьям и Ривка и сын Ицхак, родившийся в 1915 году. Родители Ицхака в молодости были активистами Бунда, – это неудивительно, ибо в канун революции 1905 года в России немало еврейской молодежи было увлечено идеями социализма. Но, как пишет в своих воспоминаниях Ицхак Шамир, мать и отец довольно скоро и без затруднений изменили ориентацию, став приверженцами сионистской идеи. Естественно, родители сделали все, чтобы их дети, в особенности сын, изучали иврит. «Не могу представить, как бы сложилась моя судьба, если бы языком моим не был иврит, если бы я не учился в начальной и средней школе на этом языке», – вспоминает Шамир. В ту пору, в 20-е годы в Польше было уже

не мало образовательных учреждений системы «Тарбут» («Культура»). В беседе со мной Ицхак Шамир подчеркивает, что иврит в значительной мере сделал из него того человека, каким мы знаем его сегодня. «Мое воображение постоянно черпало энергию в языке, истории, пейзажах далекой неведомой страны, совсем иной, чем нееврейский мир, окружавший меня. Пребывание в Польше все больше представлялось мне случайным, как остановка в пути на промежуточной станции».

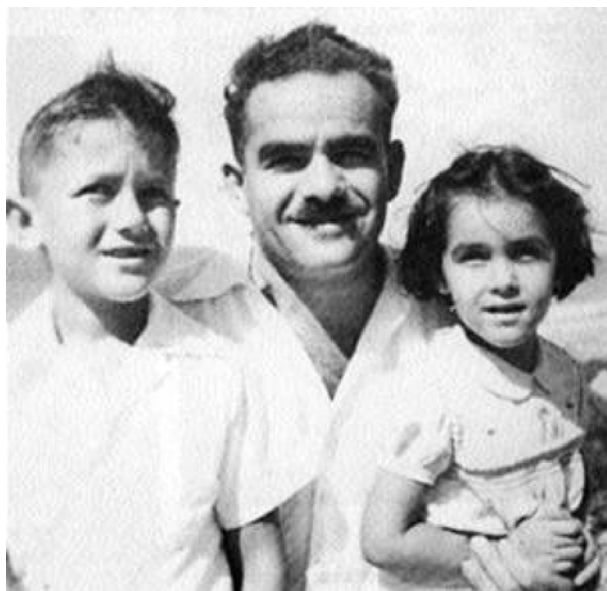
События, происходившие в Палестине в начале 20-х годов, находили отклик и в Польше, где в ту пору проживало почти 3 миллиона евреев. Они живым эхом доносились и до Рожан. «Я помню, например, все детали открытия Еврейского университета в Иерусалиме весной 1925 года, как если бы сам был там. Это был настоящий праздник для евреев Рожан. Детей освободили от занятий...»

Как это ни удивительно, но, еще будучи школьником, Ицхак Езерницкий уже стал активным сионистом и собирал пожертвования для отъезжающих в Палестину. В этом смысле он был истинным сыном своего отца, о котором впоследствии напишет: «Прирожденный лидер, он в Рожанах возглавлял еврейскую общину... Две черты делали его необыкновенной личностью: безграничная терпимость и полное отсутствие какой бы то ни было пристрастности к кому-либо».

Он целиком был проникнут “еврейским” духом, тем, что лучше всего определяется понятием “идишкайт”... Еврейская религия была для него – и, может быть, неизбежна также и для меня – прежде всего тем сложным кодом мысли и поведения, который усиливает связь между одним евреем и другим и обогащает их общую традицию».

В 1932 году Ицхак поступил в Варшавский университет. Из воспоминаний: «Впервые в жизни я попал в большой космополитический город, бурлящий, тревожный. Как и у всякого еврея в этом городе, у меня были основания для страха... Многие из моих однокашников, еврейских студентов, не появлялись на улице без какого-либо средства защиты от хулиганов-антисемитов, чья агрессивность постоянно и неуклонно возрастала... В более поздний период моей жизни я привык всегда иметь при себе оружие... Но в эти первые недели в Варшаве меня раздражала необходимость постоянно помнить, что, идя в университет, следует сунуть в карман нож...»

Позже, в Израиле, с ножом в кармане или другим оружием ему придется ходить не один год. А в «Бейтар» – сионистское молодежное движение, основанное Зеевом Жаботинским, Ицхак Шамир вступил еще в 1929 году, будучи учеником гимназии. С тех пор Жаботинский – его любимый герой. Портрет его и сегодня на самом видном месте в рабочем кабинете Шамира. «Жаботинский, несомненно, был наиболее динамичной и наиболее спорной фигурой среди лидеров, наложивших печать своей личности на всю деятельность сионистского движения, а затем и государства Израиль, – считает Ицхак Шамир. – Имя и дух Жаботинского живут сегодня в общественном сознании в основном благодаря движению “Ликуд”... И все же, хотя “Ликуд” немало делает для сохранения памяти Жаботинского, боюсь, что большинство молодых израильтян, не говоря уже о молодом поколении еврейской диаспоры, почти ничего о нем не знают».

С сыном Яиром и дочерью Гиладой. 1952 год.

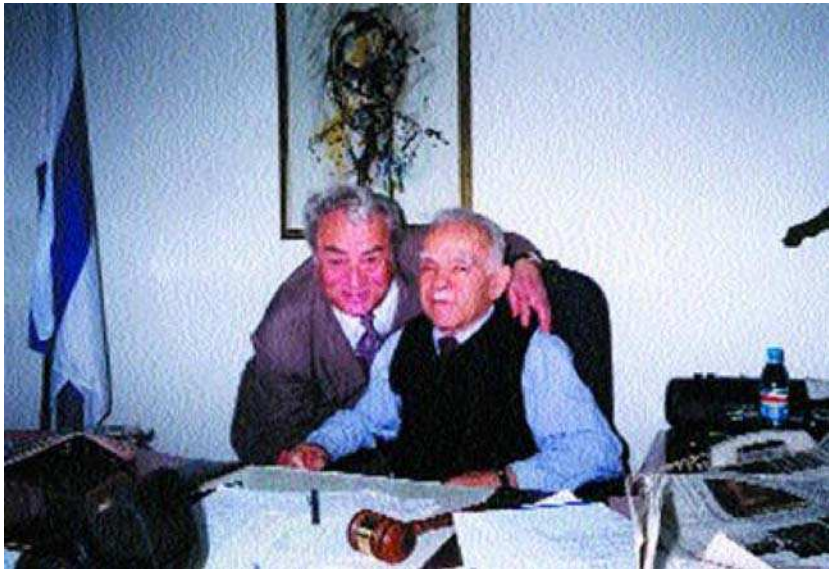
Первые впечатления

О встрече с Ицхаком Шамиром мы условились в его секретариате.

18 января я пришел в здание на улице Шаул Мелак, 8, в Тель-Авиве, где располагаются штабы избирательных блоков и партий Израиля, за двадцать минут до назначенного мне времени. В вестибюле было много людей. Один за другим мимо ожидающих прошли лидеры ведущих партий и объединений, и только при появлении Ицхака Шамира – он подъехал в 9 часов 52 минуты – все заметно оживилось, а когда он шел к лифту, устроили ему овацию. Шамир остановился, поприветствовал всех и по-доброму улыбнулся.

В тот день я беседовал с ним более часа. Это была наша вторая встреча, а первая состоялась в московском Израильском культурном центре девять лет назад. Тогда я подарил Ицхаку Шамиру свою книгу «Соломон Михоэлс», и он пошутил, что так любит еврейский театр на идише, что научится читать по-русски, чтобы прочесть и мою книгу о Михоэлсе. В память об этой встрече у меня сохранилась фотография, которую я очень люблю. Не думал, что судьба подарит еще одну встречу с этим выдающимся человеком.

Ровно в десять утра я был уже в его кабинете. Должен заметить, Ицхак Шамир выглядит намного моложе своих лет. Ключом к нашей беседе стал портрет Жаботинского, на который я сразу обратил внимание. Заметив это, Шамир удивился: «Вы знаете, кто это!» Я рассказал, что не только знаю, но и глубоко почитаю этого человека, а недавно выступал с докладом о нем на конференции в Одессе. Скоро в России выйдет моя большая о нем статья. Разговаривали мы на идише – первом в жизни родном языке и для него, и для меня.

И. Шамир и М. Гейзер.

Беседа с Шамиром

М.Г. Свои мемуары вы закончили, если не ошибаюсь, в 1994 году, то есть два года спустя после ухода в отставку с поста премьер-министра Израиля. Не собираетесь ли вы их продолжить, описав свою жизнь на фоне новейшей истории Израиля?

И.Ш. Вы знаете сколько мне лет? Совсем недавно я отметил 85.

М.Г. Книга ваших воспоминаний в переводе на русский называется «Подводя итоги». Глядя на вас, мне думается, что такое название преждевременно. Если вы решите продолжить мемуары, то с какой фразы хотели бы начать?

И.Ш. Едва ли это «грозит» читателям, но, я думаю, еще раз объяснился бы в любви Израилю, – в любви, которую познал однажды в юности, даже в отрочестве, за много лет до того, когда нога моя ступила на эту благословенную землю.

М.Г. А когда это случилось?

И.Ш. Лучше начать с предшествовавших этому событий. Мне было 10 лет, когда у нас в Рожанах, маленьком местечке, которое сейчас относится к Белоруссии, а в 1925 году принадлежало Польше, я услышал об открытии Еврейского университета в Иерусалиме. Это был настоящий праздник: нас, учеников еврейской школы, в честь этого события даже освободили от занятий. Тогда я впервые услышал о горе Скопус, где был построен этот университет.

В Рожанах с любовью и гордостью произносились имена великих евреев – поэта Хайма-Нахмана Бялика, ученого Хайма Вейцмана, лорда Бальфура, присутствовавших на церемонии открытия университета. Мне кажется, уже тогда я стал сионистом, не зная еще толком значения этого слова. Отец мой, Шлоймо Езерницкий, добрый, трудолюбивый еврей, мечтал, чтобы все его дети учились когда-нибудь в этом университете.

М.Г. И что, сбылись его мечты?

И.Ш. Если бы! Жизнь всех моих близких унесла Катастрофа, Шоа. Из всей нашей семьи после Холокоста я остался один...

М.Г. И все же, расскажите о своих университетах.

И.Ш. В буквальном смысле этого слова? В 1932 году я поступил в Варшавский университет. В мои студенческие годы молодежь была политизирована. Среди однокурсников-евреев коммунистов было куда больше, чем сионистов... (Шамир лукаво улыбается, наверное, нахлынувшим воспоминаниям о студенческой поре.) Если я подробно буду останавливаться на каждом периоде своей жизни, мы будем говорить очень долго. Задавайте мне вопросы... Чувствуется, что на идише вы давно не разговаривали, но я вас вполне понимаю. Забываете мамэ лошн?

М.Г. Уже не с кем разговаривать. Последним моим собеседником была мама, но уже более 15 лет, как она умерла. Доводилось на идише разговаривать с Леонидом Осиповичем Утесовым, он любил этот язык...

И.Ш. Этот знаменитый актер? Мы в подполье слушали песни, которые он пел на идише.

М.Г. Скажите, а как вы стали Шамиром?

И.Ш. Раз я был подпольщиком, то, естественно, возник псевдоним, кличка. Когда я вступил в организацию «ЛЕХИ – Лохамей херут Исраэль» («Борцы за свободу Израиля»), я вспомнил о Майкле Коллинзе, ирландском революционере, выдающемся разведчике, чья судьба всегда привлекала меня. Я принял подпольную кличку «Михаэль». Позже подполье «присвоило» мне еще одно имя – «Шамир». Оно значилось и в моем удостоверении, разумеется, поддельном, которое я получил в 1946 году. С этим именем английские власти выслали меня из Эрец-Исраэль в Африку, под этим именем я обвенчался с Шуламит, моей женой. Словом, я полюбил это имя и не расстаюсь до сих пор с ним.

С Г. Киссинджером в Нью-Йорке.

М.Г. Расскажите о самых трагических событиях вашей жизни.

И.Ш. Я не рассматриваю свою жизнь отдельно от жизни своего народа, от Израиля. Пожалуй, из общеизвестных еврейских трагедий XX века первой я бы назвал Эвианскую конференцию, которая по инициативе Рузвельта была созвана в городе Эвиане (Франция) летом 1938 года. Тогда весь мир отвернулся от еврейского народа, над которым уже не то что нависла, а он был поставлен перед реальной угрозой. Англичане настояли, чтобы европейских евреев не пускали в Эрец Исраэль, отказались и главы других стран, кроме диктатора Доминиканской республики, и потом произошло то, что не могло не произойти. В те дни весь мир, считающий себя цивилизованным, по сути дела дал Гитлеру «карт бланш» на решение еврейского вопроса.

М.Г. То есть это после Эвианской конференции Гитлер воскликнул: «Невозможно смотреть на этот позорный спектакль, когда весь демократический мир изнывает от сочувствия к бедному мученическому еврейскому народу, но остается черствым, жестокосердным, когда приходит пора помочь ему»?

И.Ш. Мне кажется, вы что-то неточно перевели. Неужели этот бандит мог хоть на минуточку посочувствовать евреям? Но если он так сказал, то единственный раз в жизни был прав.

О трагических событиях в моей жизни... Их было гораздо больше, чем веселых. Расскажу об одном трагическом событии, которое произошло значительно позже, через много лет после войны, но связан с ней. В сентябре 1992 года я побывал в Москве, а оттуда удалось поехать в Рожаны. Очень внимательно ко мне отнесся тогда Вячеслав Кебич – глава правительства Белоруссии. Конечно, имел место и спектакль: меня с Шуламит встречали торжественно, на людях была праздничная одежда, а ехали мы с женой прежде всего посетить могилы родных. Страшную картину увидели мы там. От старых памятников почти ничего не осталось, надгробные плиты куда-то исчезли, наверное, были использованы в других целях. От местечка тоже почти ничего не осталось. Дома, где жили мои родители, я не нашел. Тогда же узнал страшную весть: все члены семьи моего соученика Хаима Каплинского и он сам, узнав, что фашисты подходят к Рожанам, покончили жизнь самоубийством. Словом, это был один из самых страшных дней в моей жизни. И все же я не мог не поехать в Рожаны.

М.Г. В годы войны я тоже был в гетто – в Бершади. Летом прошлого года побывал там: в некогда истинно еврейском местечке евреев почти не осталось. Но из тех, кто уцелел во время войны, многие живут сегодня в Израиле. Здесь их немало. Впрочем, не обо мне речь.

Я не впервые в Израиле, но такого пессимизма, как сейчас, не припомню. Первый раз я был здесь в июне 1991 года вскоре после войны в Персидском заливе. Тогда Израиль показался мне более оптимистичным...

И.Ш. Положение действительно нехорошее. Наши отношения с арабами ухудшаются с каждым днем, они по-прежнему хотят убивать нас, изгнать с земли, которая по праву наша.

М.Г. Но ведь всегда так было. Особой любви к евреям палестинцы никогда не питали.

И.Ш. Сейчас хуже. Много хуже, чем было. Они хотят нас уничтожить, но есть один единственный выход (эйн эйнцике брере – Именно эти слова произнес на идише Шамир. – М.Г.) – нельзя допустить этого. Они не любят евреев, хотят воевать с нами. Но сейчас они сильнее, чем были прежде. Мы сами дали им оружие. Это еще больше укрепило их желание сделать Эрец-Исраэль своей страной. Но ведь это наша страна, исторически наша. Наша, потому что за сто с лишним лет евреи в тяжелейших трудах превратили пустыню в сад, сыпучие пески в цветущие поля...

Позволю себе небольшое отступление. Еще со школьной скамьи я помню слова из «Марша энтузиастов»: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...». Удалось ли это осуществить в стране, где была создана песня, решайте сами, но то, что это свершилось в Израиле, – непреложный факт. За последние 10 лет я не раз там бывал, и то, что теперь можно видеть своими глазами, – обновленные и новые города, замечательные современные автотрассы, соединяющие их, сады в пустынях, с удивительной любовью создающиеся музеи – все это свидетельство тому, что народ Израиля любит свою землю и свою историю. Разве такое может не вызывать восхищения?

Многие склонны рассуждать об экономических и прочих трудностях, возникающих у новых репатриантов в сегодняшнем Израиле. Мне вспоминается недавний разговор с г-жой Тамир – министром абсорбции Израиля. «Можете ли вы назвать еще случай в истории, когда маленькая страна за очень короткий период, меньше чем за десять лет, приняла свыше миллиона людей? – спросила она. – Абсолютное большинство из них нашли свое место в жизни нашей страны. Я немало слышала о недостатках, возникающих в связи с абсорбцией. Но ведь принять Израилю такое количество людей равноценно тому, что для США принять за такой же период 30 миллионов. Представляете, как бы к этому отнеслись США? Действительно, думается мне, последняя алия из России и стран СНГ стала чудом, которое трудно еще сегодня не только оценить, но и как-то понять».

М.Г. Как относитесь вы к нынешней алии из России и стран СНГ?

И.Ш. Это чудо, которое еще не все осознали, но скоро поймут. Я был сторонником спасения евреев из бывшего СССР всю свою жизнь. Но это – особая тема.

М.Г. Тогда вернемся к прежнему вопросу. Видите ли вы выход из сложившейся сейчас обстановки?

И.Ш. Я продолжаю считать: если палестинские арабы действительно хотят мира и автономии в Иудее, Самарии и Газе, то им придется найти с нами общий язык. Конечно, сегодня это гораздо труднее, чем было до осени 1993 года, когда начался поспешный процесс переговоров с ООП. Этот процесс привел к тому, что правительство официально признанного государства, члена ООН, подписало соглашение с представителями организации, еще недавно откровенно грозившей уничтожить нашу страну и каждого ее жителя. А от имени этой организации подпись поставил племянник того самого муфтия, что призывал уничтожить всех евреев в Палестине еще до создания государства Израиль. А вы что, не знали, чей родственник Ясир Арафат? Что бы ни говорили, но все израильско-арабские войны были навязаны нам. И во всех войнах мы побеждали, потому что не могли, не имели права не

победить. Мне не раз приходилось слышать, что в этих победах нам помог Б-г. Я с этим согласен. Но и дух нашего народа, его любовь к своей родине – Эрец Исраэль – сыграли в этих победах не последнюю роль.

С Э.Шеварднадзе, министром иностранных дел СССР, в Вашингтоне. Март, 1988 год.

Правительство, вступившее в переговоры с ООП в 1993 году, на мой взгляд, поспешило. Если бы у власти оставались мы, уверен, мирный процесс продолжался бы. В политике выдержка, терпение крайне необходимы. А политику обмена территориями на мир едва ли можно рассматривать как единственный выход для достижения мира. Это когда-то придумал господин Кисинджер. Он умный еврей, но и умные иногда ошибаются. Что значит отдавать территории? В 1948 году, когда было создано государство Израиль, на крохотной территории, значительную часть которой составляли пустыни, мы были счастливы и тому. Войну в 48-м начали не мы, это арабы не захотели, чтобы мы имели свое государство даже на крохотном куске земли. Если сегодня мы за сомнительный мир (шолом афн папир – мир на бумаге. – Именно так выразился по этому поводу Шамир. – М.Г.) отдадим территории, не будет ни мира, ни государства Израиль. Вдохновленные победой на дипломатическом фронте, арабы, которые в начале 90-х годов были близки к договоренности с нами в рамках автономии, выдвигают сегодня непомерные требования. Израиль, победивший во всех войнах с арабами вправе если не диктовать, то предлагать реальные условия мира. Если идти по пути Рабина, то после каждой новой территориальной уступки арабы потребуют следующую уступку. Сегодня речь идет о части Иерусалима, но вы же понимаете...

М.Г. В России говорят: «Аппетит приходит во время еды». Хочу заметить, что первые территориальные уступки сделал не Рабин, а ваш предшественник и учитель Менахем Бегин. Это он подписал Кемп-Девидские соглашения, приведшие к миру с Египтом. За этот мир он «расплатился» Синайским полуостровом.

И.Ш. По его мнению, и это действительно так, Синай никогда не был частью Израиля. Другое дело, мы пытались оставить за собой маленький кусочек Синая – Табу, буквально один-полтора квадратных километра. Но отставка нашего правительства привела и к этой уступке. Однако это не Хеврон, не Иерихон, ни тем более Иерусалим...

М.Г. То есть вы решительно возражаете против плана Клинтона и многих других, ведущего к созданию в Палестине двух государств.

И.Ш. Клинтон – хороший гой, он не относится к Израилю, к евреям плохо. Немало евреев и среди его друзей. Он искренне желает мира между евреями и арабами, но ближневосточную проблему Клинтон понимает и воспринимает с «другого берега». Уж если мы возродили государство Израиль, так надо его беречь.

М.Г. Один мой знакомый, выдающийся русский актер, сказал, что поверил в Б-га в тот день, когда государство Израиль было воссоздано на своей исторической земле.

И.Ш. Кто знает, кому известно, что хочет Б-г. Надо делать то, что надо делать. Надо жить в мире с арабами в одном государстве, но что делать, если они этого не хотят?

М.Г. Получается, мир надо добывать только силой?

И.Ш. Если нет другого выхода, то надо отстаивать наше право на существование любой ценой.

М.Г. А если бы сегодня во главе правительства был не Барак, а Нетаниягу?

И.Ш. Нетаниягу я не люблю.

М.Г. Тогда Шарон?

И.Ш. Сегодня это было бы многим лучше.

М.Г. А если останется Барак?

И.Ш. Ну этот вопрос, как Вы понимаете, я не решаю. Я поддерживаю движение «Ликуд». Но на выборы пойду как каждый гражданин Израиля, имея право на один голос. Барака теперь в Израиле, мягко говоря, недолюбливают.

М.Г. Почему? Истинный герой Израиля, руководивший операцией «Энтеббе».

И.Ш. Быть хорошим солдатом и руководителем страны – не одно и то же (ныт эйн мелухэ – не одна профессия. – М.Г.). За короткий период Барак допустил слишком много ошибок и просчетов. Он не знает, в каком направлении надо вести большую политику.

М.Г. То есть вы категорический противник формулы «территории в обмен на мир»?

И.Ш. Да. Я уже об этом вам говорил. Не могут существовать два государства на одной земле. Мы сильны и своей армией, и духом.

М.Г. И все же как быть с требованиями арабов? Их руководители – Арафат и другие – могут рассуждать с точностью до наоборот?

И.Ш. У арабов много государств, огромные территории, богатства недр, а у нас одна маленькая страна, любимая земля, где много песка и камней. Мы любим ее не за богатство недр, а потому, что она наша, обетованная, и отстаивать свое право на существование будем до конца.

М.Г. Но куда девать палестинских арабов? Поступить с ними так, как они предлагают поступить с евреями?

И.Ш. Упаси Б-г! Им надо предоставить автономию. Я верю в то, что мы можем вместе сосуществовать.

М.Г. А если снова возникнет война, и все арабские страны окажутся втянутыми в нее?

И.Ш. Не думаю. В первой войне 48-го года против нас воевали 7 арабских стран, а нас было тогда немногим более 600 тысяч, и у Израиля почти не было оружия. Исход этой войны известен. В 1967 году против нас воевали уже не 7, а 3 страны, и нас к тому времени было уже около 3 миллионов. Зачем об этом говорю? Я думаю, что большой войны между Израилем и арабскими странами не будет.

С Ариэлем Шароном.

М.Г. Неизвестно, что страшнее: интифада на такой маленькой территории, как Израиль, или большая война...

И.Ш. Я думаю, можно прекратить интифаду и избежать большой войны. На иврите Вы не говорите, но слово «совланут» знаете? В Израиле говорят: чтобы был «беседер» (в порядке. – М.Г.), нужно иметь «совланут» (терпение. – М.Г.). Еще раз хочу сказать: если бы «Ликуд» оказался монолитным, он не потерпел бы поражения на выборах в 1992 году, и сегодняшнее положение Израиля было бы совсем иным...

Тогда, на выборах в 92-м, нас, к сожалению, не поддержали репатрианты из России. Вы спрашивали о трагических событиях в моей жизни. Так вот, не поражение «Ликуда» тогда на выборах, а то, что многие репатрианты из России не отдали свои голоса «Ликуду», причинило мне и боль, и разочарование. Поверьте, в том, что стала возможной большая алия в конце 80-х, в начале 90-х годов, есть и моя заслуга.

За многие годы в моей жизни не было ни одного дня, когда бы я переставал думать о судьбе евреев СССР, не чувствовал бы их чаяний и страданий. Все эти мысли не давали покоя ни голове, ни сердцу. Я не только думал о советских евреях, но ежедневно предпринимал все возможные действия, чтобы привести их в Израиль. Везде, участвуя в переговорах и в качестве и министра иностранных дел, и премьер-министра, я настойчиво просил, убеждал своих коллег во всем мире помочь евреям Советского Союза вернуться на историческую родину.

И когда началась репатриация, моему счастью не было предела. Не думайте, что я не учитывал трудности, реально ожидающие их в Израиле. Знал, что будет им нелегко, но верил, что со временем положение улучшится. И горько мне было оттого, что ни я, ни «Ликуд» не завоевали их сердец. Как видите, эти переживания со мной до сих пор. Для меня это был удар, от которого трудно было оправиться еще долго после этих выборов.

Я не буду называть имена русских писателей и актеров, откровенно агитировавших репатриантов из России и СНГ голосовать за «Аводу». Среди тех, кто поддался антиликудовской агитации, много молодых людей, и они еще успеют убедиться в том, что были неправы, голосуя против «Ликуда». С другой стороны, я понимал, что они голосовали не столько против меня и «Ликуда», сколько против тех трудностей, с которыми столкнулись в новой стране. Многие из них поняли, что в отличие от Советского Союза, где во все времена от Ленина до Горбачева результаты выборов в высшие органы власти не зависели от людей, здесь, в Израиле, от их мнения это зависит.

О чем Шамир не сказал

Сегодня, когда результаты выборов известны, я могу признаться, что мы говорили с Ицхаком Шамиром об их исходе. Он почти с точностью предсказал не только победу Шарона (альтернативы по существу не было, в сложившейся ситуации Барак ему не соперник), но и процентное соотношение голосов.

О многом мы еще успели поговорить. Надеюсь, еще расскажу об этом читателям. Свою книгу «Подводя итоги» Шамир заканчивает словами: «Если имя мое останется в истории, то я надеюсь, что это будет память о человеке, который любил Эрец-Исраэль и стоял на страже ее всю жизнь». Он вправе на это надеяться.

Свой рассказ об этой встрече с Ицхаком Шамиром хочу закончить тем, о чем он в нашей беседе умолчал.

В талантливой книге Леонида Млечина «Моссад. Тайная война» я прочитал об угрозе, быть может, самой реальной за все годы, которая когда-либо нависала над современным Израилем, – это в начале 60-х. Речь идет о том, что немцы построили в Египте секретные заводы, производящие двигатели, корпуса и все необходимое для запуска ракет средней дальности. Что ж, похоже на правду, потому что не только в Южной Америке, но и в Азии оставались последователи фашизма, мечтавшие об «окончательном решении еврейского вопроса». Как утверждает автор упомянутой книги: «...Тридцать ракет уже было построено... Директор Моссад Харел предложил премьер-министру Бен Гуриону обратиться напрямую к канцлеру ФРГ Конраду Аденауэру с просьбой прекратить сотрудничество немецких ученых с Египтом... Насер рассчитывал иметь собственные боеголовки. Над Израилем нависла смертельная

угроза. Правительство приняло решение во что бы то ни стало сорвать ракетную программу Египта...

Руководить операцией директор Моссад назначил Джо Ренаана. Другой ключевой фигурой в этой операции был Ицхак Шамир. До создания Израиля он возглавлял подпольную боевую группу, сражавшуюся против англичан. Шамир был политическим противником Бен Гуриона и его Рабочей партии. Харел привлек Шамира на работу в Моссад в 1955 году, когда искал людей с опытом успешной подпольной деятельности... Шамир был потрясен, когда ему предложили работу в Моссад, и никогда не жалел, что принял это предложение. По натуре это человек, который наслаждался тайными операциями. Позднее он скажет: «Это были прекрасные 10 лет опасности, приключений и трудных испытаний, которые тем не менее давали чувство полнейшего удовлетворения...»».

В Египте, как известно, в ту пору ракеты так и не были созданы. И в этом есть несомненная заслуга героя нашего рассказа – истинного патриота Израиля. Он вправе был сказать о себе: «Вся моя жизнь, после того как я впервые покинул Рожданы много лет назад, была большим счастьем. Я счастлив, что был участником великих исторических событий, самым великим из которых, без сомнения, стало рождение еврейского государства в Эрец-Исраэль...».

ГЕРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Герою Советского Союза, члену Союза евреев-инвалидов и ветеранов войны Натану Борисовичу Стратиевскому исполнилось 80 лет. Он – единственный стрелок-радист среди евреев-Героев Советского Союза, получивших это звание во время Отечественной войны. На его счету более 300 боевых вылетов,

5 сбитых истребителей и 7 самолетов, уничтоженных на земле. В военной жизни этого человека было много эпизодов, которые ни стереть, ни изгладить времени не под силу. Вот только два из них.

Звену бомбардировщиков, а мы летали тогда на пикирующем «Пе-2», в октябре 1941 года было поручено обнаружить и атаковать танковую колонну генерала Клейста, как доложила разведка, двигавшуюся по шоссе Таганрог-Ростов. К сожалению, танков в этом районе не оказалось, и два самолета звена, отбомбив единичные объекты, вместе с истребителями прикрытия повернули обратно, а мой командир, лейтенант Алексей Смирнов, решил поиск продолжить.

Через некоторое время, обнаружив «хвост» колонны Клейста, мы успешно его атаковали. Израсходовав бомбовый боезапас, взяли обратный курс, но тут из облаков на нас вывалилось 5 истребителей противника: 2 «мессершмита» и 3 «хейнкеля». Они хотели посадить нас на свой аэродром. Один «мессер» зашел вперед, показывая курс, которому надлежало следовать.

Неожиданно для противника мой командир вошел в пике почти до самой земли и оторвался от вражеских самолетов, а я, находясь в выгодной позиции, открыл огонь из своего «шкаса». Несколько мгновений – и первый «хейнкель» задымил, потом загорелись второй и третий. «Мессершмиты» повернули обратно, а мы, поднявшись в облака, благополучно вернулись на свой аэродром. Правда, самолет был настолько изрешечен вражеским огнем, что пришлось его списать.

Второй случай произошел в том же году, в сентябре. Однажды уже в конце летного дня, а летали только днем, – к стоянке «Пе-2» подъехал командир полка и приказал лететь в тыл противника. В окруженную у Борисполя нашу группировку войск, с которой была потеряна связь, следовало немедленно доставить специальный выпел с данными по радиосвязи. Зная, что в дневное время нам не обернуться, полковник разрешил на обратном пути выброситься на парашютах.

Аэродром в Борисполе, а это под Киевом, весь был перепахан снарядами. При подлете к месту назначения на нас, летевших на бреющем, обрушился шквал пулеметного и ружейного огня со стороны своих: они никак не предполагали, что самолет свой. Все же, сделав три круга над окруженными, на третьем мы сбросили выпел, но на земле его приняли за обычную авиабомбу.

В поле зрения командира оказалась полоска земли, на которую можно было посадить самолет. Только приземлившись, мы увидели, как он изрешечен. Бензиновые баки были прострелены, запасы горючего катастрофически уменьшались, из трубопроводов фонтанировало масло...

Сразу к нам подъехал командир окруженной авиадивизии истребителей, ее самолеты были уничтожены на земле уже в первые дни войны. Он приказал своим людям залатать дырки в корпусе, баках и дал нам ночлег. Утром, еще затемно, у самолета собрались оказавшиеся в окружении летчики-истребители. Они стали просить хоть кого-то из них взять с собой. В конце концов после раздумий и советов наши парашюты остались на земле, на их месте разместились три летчика, еще двоих Смирнов взял к себе в кабину, а шестого пришлось привязать ремнями в бомбовом отсеке. Залезая в свой отсек, я обнаружил там еще одного летчика, он заявил, что просидел в машине всю ночь и не вылезет ни за что. Пришлось взять и его. Самолет взлетел. На линии фронта нас снова обстреляли немцы. Ответить им было нечем, на последних литрах бензина мы все же дотянули до своего аэродрома. Топливо кончилось на середине взлетно-посадочной полосы. Комиссия признала, что самолет не подлежит восстановлению.

Семеро летчиков, доставленных из окружения, были настоящим подарком. К сожалению, имена и фамилии мы их не узнали, да и спасенные не знали своих спасителей. На сборе бывших летчиков 16-й воздушной армии, посвященном 35-летию со Дня Победы, один из присутствующих рассказал, как в войну какой-то самолет, чудом прилетевший к окруженным войскам, взял его на борт, в отсек стрелка-радиста, и вывез из окружения. Кто-то ему подсказал, что этот стрелок-радист здесь же, в зале.

Натан Борисович не собирался быть военным. Его призвали в армию в 1939-м, когда он учился на первом курсе Московского железнодорожного института. Больше всего тогда не хотелось оказаться в военно-морском флоте, где служили 4 года, надо было поскорей вернуться в институт. Но судьба распорядилась по-своему: Стратиевского направили в школу младших авиаспециалистов (ШМАС) в группу

стрелков-радистов. Учили ускоренно. По окончании школы он попал в формируемый авиаполк.

Свое счастье, что за всю войну не пришлось быть ни разу сбитым, бывший стрелок-радист объясняет так: никогда он не выполнял устаревших инструкций, требовавших стрелять по противнику только на дистанциях эффективного огня. Как только тот оказывался в поле его видимости – немедленно открывал огонь. Кроме того, оружие к бою готовил только сам, не доверяя это никому – ни техникам, ни инженерам. Натан Борисович даже собственноручно сделал некоторые усовершенствования, не позволявшие боезапасу застревать при подаче в патронник.

Первый раз его представили к званию Героя в 1942-м, второй – в 1943-м, а присвоили только на третий раз – в 1945 году. Награду получал в Кремле у Калинина.

Потом был военный институт иностранных языков, после которого Натан Борисович Стратиевский преподавал в военном училище. Через какое-то время он был назначен директором курсов иностранных языков при Мосгорисполкоме.

Натан Борисович – человек удивительной скромности. И это качество, пронесенное через всю жизнь, есть величайшее из сокровищ. Званием Героя он никогда не кичился, но по праздникам и в День Победы надевает ордена и Золотую Звезду – что заслужил, то заслужил – этого не отнимешь.

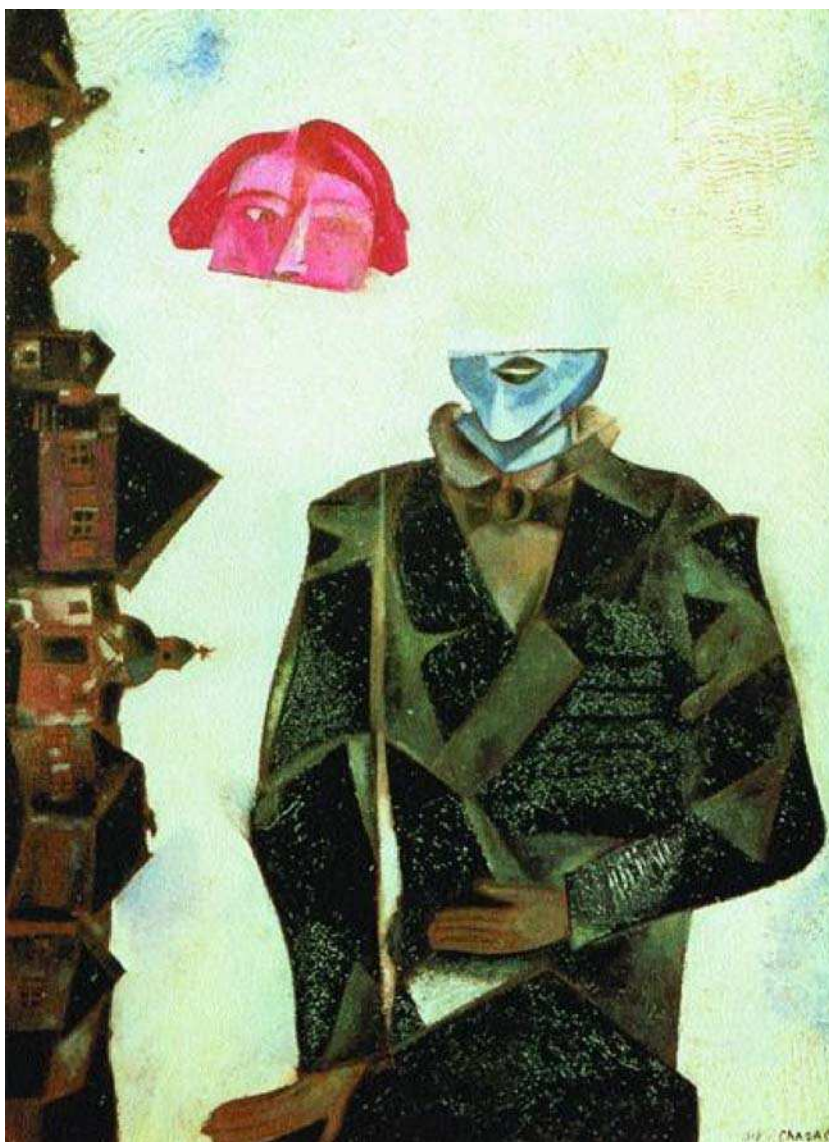
Аннотация

Аннотация ОI eöiä

ЛЕХАИМ МАРТ 2001 АДАР 5761 – 3 (107)

ЕВРЕЙСКАЯ КРАСОТА

איִתּוֹתֵינוּ עֵצָה

Давайте немного пофантазируем. Представьте себе, что вы – художник-иллюстратор и вам надо создать рисунок для обложки новой книги, неважно какой, но непременное условие издателя – изобразить поединок христианина и иудея.

Задача, прямо скажем, не такая уж сложная. Одеваем христианина в кольчугу и шлем. Это могучий детина вроде Ильи Муромца. Что он делает? Заносит пудовый меч над головой противника. А теперь надо изобразить иудея. Тоже проще простого. Это такой же, теперь говоря, «крутой» малый, косая сажень в плечах, тоже в шлеме и кольчуге, и его тяжеленный меч предвещает нелегкую схватку, исход которой предугадать просто невозможно.

Устроит ли такой рисунок издателя? Вряд ли. Где вы видели богатыря-еврея, спросит издатель, да еще способного поднять боевой меч и, судя по всему, готового одолеть противника?

Издатель вздыхает, достает с полки несколько популярных книг и брошюр. Вот они – рисуночки, изображающие еврея в подлинном его виде: во-первых, он мал ростом, едва ли не карлик, к тому же сутуловат, почти горбат, нос, как у Бабы-Яги. Да, еще непомерно длинные руки – ухватистые, как у обезьяны, цепкие, чтобы хватать все, что плохо лежит. Зачем терзать всех невинных, бедных, бездомных и честных? А

ножки – кривые, коротенькие, но бегать этот монстр умеет, как заяц, евреи ведь ужасно трусливы!..

Стоит ли удивляться, что мы – пионеры 30-х годов ушедшего века, brave тимуровцы, воспринимали подобные художества, которыми пестрели все без исключения советские газеты, как нечто нормальное? Хаим и Мойше были постоянными героями всех анекдотов, Рабинович был обязательно жаден, труслив, коварен, но глуп, жалок, грязен и смешон. Точно так же была потешна его Сара, которая постоянно жаловалась на жизнь, кричала, охала и кляла своего идиота-муженька.

Да что анекдоты! Много ли среди окружающих нас евреев красавцев-мужчин и красавиц-женщин?

Как это ни стыдно, но мне приходится напрягать память, чтобы ответить на этот вопрос. Красавцев? Что-то не припомню. Смешных? Сколько угодно. Это были казавшиеся нам комичными наши бабушки и дедушки. Как забавно звучали их имена – Исачок, Пиня, Ципа, Двося, Бася, Нюня... А Сруль! Русские школа, язык, литература, кино, театр, радио – все это образовывало такой вкус, что мы, мальчишки, влюблялись не в какую-нибудь соседскую Лиечку или Софочку, а в ослепительных Любовь Орлову, Валентину Серову. Предметом наших мечтаний, которым посвящались первые стихи, были чаще не еврейские, а русские, украинские, польские девушки.

Я хорошо помню, с какой иронией слушал тирады дяди Яши – мужа моей тетушки Ани, когда он восхищался красотой еврейских невест:

– Ах, какие были девушки в нашей Доманёвке! Пальчики оближешь. Это было что-то! Эпес! Зефир в шоколаде! Эх, молодежь, ничего вы не понимаете! Где ваши глаза?

А нам было просто смешно. Нет, к еврейским девочкам мы отнюдь не питали отвращения. Мы могли с ними дружить, общаться, но, как бы это объяснить... Это было похоже на чувство, которое испытываешь к сестре. Они не заставляли нас трепетать, как русские девчонки. Теперь-то я прекрасно понимаю, почему. Во-первых, неевреек было намного больше, и среди этого русско-украинского океана легче было заметить обаятельных и привлекательных. Во-вторых, еврейские девушки, за редким исключением, были более скромными, не так раскованными...

Огромное число еврейских парней не просто сходились с русскими женщинами, но и с легким сердцем брали их в жены, наплевав на яростное противодействие собственных родителей.

Любопытно, но и русские, и украинские женщины совсем не брезговали евреями, и что, что антисемитизм! Я много раз наблюдал в таких смешанных браках занятную особенность: чем ярче у мужчины выражены типичные еврейские черты, тем привлекательней он для русской женщины. А евреям, как правило, были более всего симпатичны женщины с выраженной «деревенской» внешностью: вздернутый нос, непременно голубые или серые глаза, светлые волосы, широкие скулы, грубоватые, простонародные манеры и хватки. Физиология!

Кстати, отвечая на поток яростных, непримиримых откликов на мою статью «Абраша и Даша», хочу задать всего лишь один вопрос: можно ли строить такое

великое и священное здание, каким является СЕМЬЯ, в первую очередь на плотской, сексуальной основе? Разве каждый, прожив несколько лет в браке, не убеждается, что место пылкой страсти занимают совсем другие чувства и отношения? Я еще раз повторяю: среди своих братьев, племянников, друзей вижу смешанные браки, и ни один – ни один! – к старости не выглядит райским союзом. Не надо изыскивать тысячу оправданий, приводить сотни примеров счастливых брачных союзов типа «Абраша и Даша». Как удачно выразился мой брат, у которого жена нееврейка, по поводу писем в редакцию: «Чему тут удивляться? Ты тронул больное место. И спорить не о чем».

Меня удивляет упорство евреев, которые стараются любыми способами оправдать свой смешанный брак. Оглянитесь. Почему башкиры женятся на башкирках, корейцы на корейках, японцы на японках, армяне на армянках, зулусы на зулусах и только евреи буквально выворачиваются наизнанку, чтобы доказать, что смешанный брак – благое дело?

Я прекрасно понимаю, что причин этому юношескому заблуждению было немало: и атеизм, который насаждался сверху донизу. «Церкви и синагоги – это зло!» – твердили мы чуть ли не с пеленок. Старик в полосатом талесе, молившийся за окном в нашем дворе, где мы играли в футбол, казался таким же диковинным существом, как индийский факир, глотающий шпаги в цирке.

Дома у нас никто не молился. Отец и мать, хоть и родились до Октября, никогда не соблюдали религиозных правил и обрядов: в коммунальной квартире, где за любой стенкой мог притаиться добровольный стукач, это было смертельно опасно.

Добавьте к этому постоянно воспитывавшиеся в школах, кино, театре, книгах идеи интернационализма: «Все люди равны, одинаковы независимо от национальности!» – и вы получите ту питательную среду, в которой смешанные браки становились обычным явлением.

Однако вернемся к незадачливому художнику, пытающемуся изобразить еврея как былинного витязя. Уверен, этот живописец знает о Давиде, победившем могучего Голиафа и высеченном из монолитной глыбы мрамора великим Микеланджело. Еще в пятом-шестом классе мы уже с упоением зачитывались Куприным, где особое восхищение вызывала бесподобная легенда «Суламифь».

«Невыразимо прекрасно ее смуглое и яркое лицо. Тяжелые, густые темно-рыжие волосы, в которые она воткнула два цветка алого мака, упругими бесчисленными кудрями покрывают ее плечи и разбегаются по спине и пламенеют, пронзенные лучами солнца, как золотой пурпур. Самодельное ожерелье из каких-то красных сухих ягод трогательно и невинно обвивает два раза ее темную высокую тонкую шею»...

Вот как обращается к Суламифи царь Соломон:

«Солнце сделало тебя еще красивее, прекраснейшая из женщин! Вот ты засмеялась и зубы твои, как белые двойни-ягнята, вышедшие из купальни, и ни на одном из них нет порока. Щеки твои – словно половинки граната под кудрями твоими. Губы твои алы – наслаждение смотреть на них... Глаза твои глубоки, как два озера... О. Как ты красива! Шея твоя пряма и стройна, как башня Давидова!»

А вот как описывал автор самого царя Соломона, не достигшего еще сорока пяти лет:

«Бледно было его лицо, губы – точно яркая алая лента: волнистые волосы черны иссиня, и в них – украшение мудрости – блестела седина, подобно серебряным нитям горных ручьев, падающих с высоты темных скал... седина сверкала и в его черной бороде, завитой по обычаю царей ассирийских, правильными мелкими рядами. Глаза же у царя были темны, как самый темный агат, как небо в безлунную летнюю ночь, а ресницы, разверзавшиеся стрелами вверх и вниз, походили на черные лучи вокруг черных звезд... Руки царя были нежны, белы, теплы и красивы, как у женщины, но в них заключался такой избыток жизненной силы, что налагая ладони на темя больного, царь исцелял головные боли, судороги, черную меланхолию и беснование...»

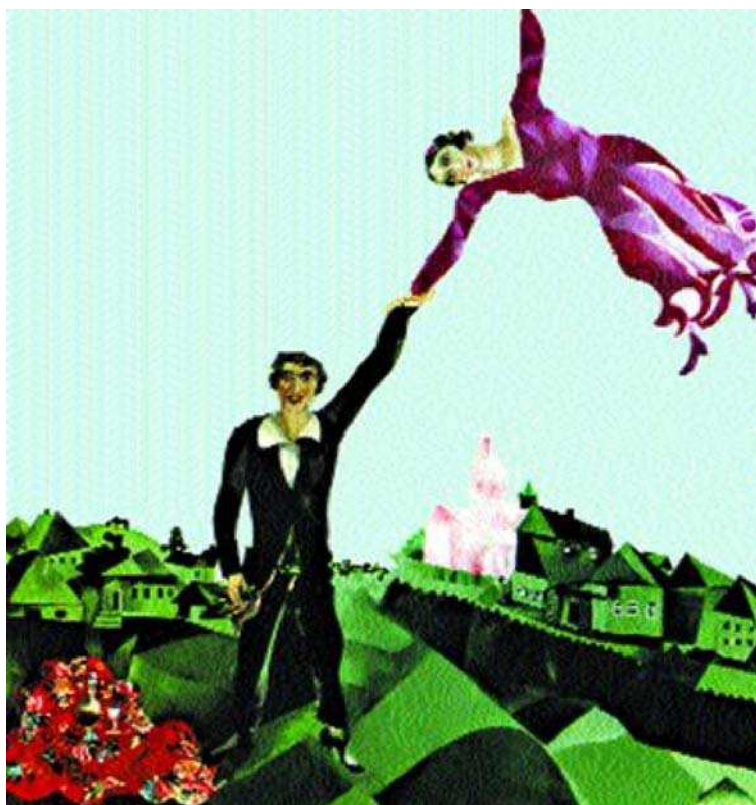
Все это мы читали и перечитывали с неподдельным восхищением, но спроси нас, отождествляем ли мы этих красивых мужчину и девушку с нашими родными или соседями, то мы просто пожали бы плечами: что за чепуха? Соломон и Суламифь – это там, где-то в книжке, в туманной истории.

Точно так же, помню, прочитав волшебные строки о прекрасной любви Рейзл и Лейбла, в «Блуждающих звездах» Шолом-Алейхема, я был восхищен, растроган, взволнован, но в то же время вокруг себя ничего и никого подобного не видел. Только с годами я стал более пристально вглядываться в лицо своего народа и обнаружилось, что люди моего племени бывают также мужественны, красивы, достойны восхищения.

Разве не свидетельство этому Майя Плисецкая – воплощение грации, изящества и, главное, огромного артистического таланта? Разве Элина Быстрицкая случайно была выбрана среди массы претендентов на роль красавицы Аксиньи в знаменитом фильме «Тихий Дон»? Или уродливы Аркадий Райкин, Марк Бернес, Александр Ширвиндт, Игорь Костолевский, Вениамин Смехов, Эммануил Виторган, Михаил Козаков?

Известное место в истории мирового кинематографа занимает «Спартак» американского режиссера С. Кубрика. Роль легендарного гладиатора, предводителя рабов, чье восстание потрясло в свое время могучий Рим, была доверена Керку Дугласу, сыну семьи Демских, еврейских эмигрантов из России. До сих пор еврейка Катрин Денев (Дорлиак) – одна из популярнейших кинозвезд Франции, остается женственной, красивой, обаятельной, несмотря на пожилой возраст. А Анук Эме, стройная, хрупкая, прекрасная, сыгравшая роль героини в фильме Клода Лелюша «Мужчина и женщина»? Золотоволосая Симона Синьоре (Каминкер) стала символом французского кино середины XX века! Великие Сара Бернар и Рашель... Красавцем был Амедео Модильяни – итальянский еврей, представитель парижской школы живописи, покоривший в свое время сердце нашей Анны Ахматовой. Олицетворением мужественности стал американский еврей Джин Хэкман – звезда Голливуда 60-х–70-х годов. Прославлен в мировом кинематографе изящный, волевой красавец – спортсмен американский еврей Пол Ньюмен...

Но оставим артистов. Разве не прекрасен Моисей – величественный старец, с посохом и скрижалями в руках – фигура мощная, целеустремленная? Его скульптурные и живописные изображения дают право евреям гордиться этой легендарной фигурой.

«Променад». М. Шагал. 1917 год.

Только повзрослев, я совсем по-иному оценил слова того же А. Куприна в его рассказе «Жидовка».

«Он никогда не только не видел такой сияющей, гордой, совершенной красоты, но даже не смел и думать, что она может существовать на свете... Глаза огромные, черные, до того огромные и черные, что кажутся подрисованными. Какой прямой благородный нос и какие тонкие гордые ноздри! Удивительный, непостижимый еврейский народ! Сквозь десятки столетий прошел он, ни с кем не смешиваясь, брезгливо обособляясь от всех наций, тая в своем сердце вековую скорбь и вековой пламень. Сколько тысячелетий ее народ должен был ни с кем не смешиваться, чтобы сохранить эти изумительные библейские черты».

А теперь еще раз вернемся к письмам читателей в «Лехаим»: сторонники смешанных браков, не жалея эмоций, отстаивают и одобряют такой брачный союз, защищая его от автора этой статьи. В «Абраше и Даше» я изложил все, о чем, на мой взгляд, надо помнить еврейку или еврейке, выбирая себе спутника жизни. Может быть, русский писатель Александр Куприн в приведенном выше отрывке делает это более убедительно?

А впрочем, женитьба – это частное дело. Хотите – женитесь на мусульманке, стороннице буддистской или конфуцианской веры, не говоря уже о христианках-лютеранках, протестантках или православных. Последствия – ваши. Здесь можно поступить только, как Минздрав, который предупреждает: «Курение опасно для здоровья», а курить или не курить – дело каждого.

Вернемся однако к еврейской красоте. Вспомните, как описывал еврея Достоевский, имя которого произносится нашими «патриотами» с особым придыханием. В «Записках из Мертвого дома» есть такой персонаж – «жидок» Исай

Фомич. Фигура убогая, жалкая. Автор с презрением описывает и внешность, и поведение несчастного арестанта. Рассказчику даже забавно, как молится «жидок». Этот процесс по субботам подается, как забава для арестантов. Обитатели острога приходят понаблюдать, как он «кричит, оплевывается,.. делая дикие и смешные жесты».

Я не встречал иллюстраций к «Мертвому дому», но именно портрет Исаия Фомича в описании Достоевского как раз и подошел бы нашему издателю.

Не могу забыть вопрос одной антисемитки:

— Вот ты, еврей, объясни мне: кто в Израиле пашет? Там же одни евреи. Здесь для них пахали русские. А там?

— Видишь ли, — стараясь быть хладнокровным, ответил я, — там пахут и косят, и сеют, и строят, и воют только евреи. Других нет.

Секунду она была в шоке. Потом нашлась:

— Ага, понимаю. Значит там какие-то другие евреи!

Смешно утверждать, что по улицам израильских городов и селений ходят только Венеры Милосские. Но известно, что жительницы Израиля становились королевами красоты всей планеты. Случайно ли это? Уверен – красивых мужчин, женщин и детей в Израиле не меньше, чем в других странах, а, может, и больше. А вот уродцев-карликов походи поищи. Там живут свободные, неуниженные люди любого роста, и ни один не напоминает заказанный нашим издателем портрет.

Впрочем, представление о красоте и мужественности к началу XXI века сильно изменилось. Мужчина может быть привлекателен благодаря уму, таланту, умению трудиться. Если в прошлом веке воин отличался ловкостью в наматывании портянок, в силе удара штыком и выносливостью на марш-броске, то современный десантник, моряк, летчик – это прежде всего профессионал, специалист своего военного дела, свободно владеющий электронными машинами в танке, самолете, субмарине. Тем и особенно красив.

Поэтому художнику, взявшемуся нарисовать поединок двух бойцов, волей-неволей придется призадуматься. Старое не пройдет. Не те времена.

СОФЬЯ, НОЙ И СОНАТА БЕТХОВЕНА

Аאעע'א אאע'אאדע'אאע'א

-До полудня прошу меня не беспокоить, даже министра культуры!

Это правило известно всем, кто знаком с Софьей Викторовной Девенишской. Она и педагог по классу фортепиано в школе имени Гнесиных, и методист, и руководитель исполнительской группой учителей музыкальных школ уже много лет. Конечно, чтобы всегда оставаться в отличной форме и блестяще справляться со всеми обязанностями, надо как следует подготовиться к трудовому дню. Гимнастика, душ, легкий макияж, завтрак аскета, – и к двенадцати часам она готова для своей сверхактивной жизни.

Но в этот весенний день все, как один, словно забыли о традиционном запрете. Телефон звонил с раннего утра и до глубокой ночи: на Софью Викторовну буквально сыпались поздравления со всех концов страны и из-за рубежа – от друзей, учеников, знакомых... Ей присвоили звание «Заслуженный работник культуры», и эта весть тут же облетела всех, кто ее знает и любит!

Конечно, присвоение такого звания педагогу музыкальной школы явление достаточно редкое, и все же при заслугах нашей героини это событие, думается, могло произойти и ранее, не будь Софья Викторовна «еврейской национальности», возможно,

не пришлось бы ей дожидаться официального признания до седьмого своего юбилея при том, что педагогической и творческой деятельности за плечами без малого полвека. Как бы то ни было, 15 марта 1997 года в Гнесинке состоялся юбилейный вечер С.В. Девенишской, посвященный сорокалетию ее педагогической и творческой деятельности, приуроченный к присвоению звания.

Еще раньше познакомившись с Софьей Викторовной, в тот вечер я вдруг открыла для себя новую и совершенно, казалось бы, неожиданную для данного случая ее грань: это была Женщина! Обнаружилось, что ее жизнь по сей день озарена необычайной любовью, а рядом преданный, самозабвенно влюбленный в эту Женщину человек.

Торжество проходило, как по нотам. Выступали ученики С.В. Девенишской – от малышки Кати до известного пианиста, профессора Академии имени Гнесиных Владимира Троппа. Эта встреча с Троппом у Софьи Викторовны за день была уже второй, а первая состоялась утром в эфире. На радио «Орфей» профессор вел музыкальную передачу, и сегодня он говорил об учителях, конечно же, рассказав и о своей первой учительнице, которую собирался вечером поздравить. В это время в студии прозвенел звонок и раздался голос Софьи Викторовны: «Спасибо, Володенька, за память. Я тебя слышу, жду, целую». Оказалось, она всегда старалась не пропускать этих передач. Так диалог учительницы и бывшего ученика услышала страна, и это вспоминали на юбилее.

Звучала музыка, ей вторили слова, и благодаря им еще выразительней и трогательней воспринимались музыкальные фрагменты. Владимир Тропп сыграл мазурку А. Скрябина, которую готовил еще к выпускному школьному экзамену вместе с Девенишской. «Живите вечно», – говорили благодарные родители ее учеников, складывая к ногам Софьи Викторовны букеты весенних цветов. Подумать только: приходит маленький человек к своему первому педагогу, и от того, как сложатся их отношения, во многом зависит его человеческая судьба – проснется ли в нем хотя бы потенциальный музыкант или мелодии души так и останутся не востребуемыми, запертыми...

Сколько поздравлений прозвучало в этот замечательный вечер; серьезных, шуточных, – очень дорогих, но, на мой взгляд, самые бесценные все же от мужа. Редкий мужчина скажет, что его жена уникальный человек, большей частью над мужчинами довлеет их собственная уникальность. Впрочем, даже если кто-то и скажет, то вряд ли так искренно, как он, этот обаятельный джентльмен с библейским именем Ной. Много интересного я потом узнала об этом человеке.

Ной Александрович Шпунтов родился в традиционной еврейской семье в Днепропетровске. У его бабушки Рохл-Леи была маленькая бакалейная лавка, где между тем продавалось все - от теплых вкусных булочек до гвоздей любого размера. Сама выросшая в бедности, бабушка хорошо понимала проблемы бедняков и давала им продукты в долг. Кто мог, расплачивался, ну а кто не мог, Б-г с ним. Рохл-Лею считали самой умной женщиной в городе. И однажды произошел с ней такой случай. Дом, в котором жила семья, стоял на крутом берегу Днепра. В один прекрасный день неподалеку от него остановилась шикарная повозка коммерсанта. Что богатому человеку надо? Оказалось, у него неожиданная прихоть. «Кто отгадает мою загадку, – объявил богач, – дам сто рублей». Тогда это были большие деньги! И бабушка Рохл-Лея отгадала загадку, получив и «гонорар».

За роялем Софья Девенишская.

Отец Ноя был помощником Котовского, который после революции в Молдавии и на Украине организовал совхозы для военных. В основном они выращивали зерно, помогая кормить армию. Заработав денег, отец купил маленькую квартирку в Киеве. «До переезда туда у нас дома говорили на идише, – рассказывал мне Ной Александрович, а в Киеве пришлось перейти на украинский, чтобы общаться с соседями и горожанами. Но национальные традиции мама свято соблюдала, особенно во время еврейских праздников. Кстати сказать, она была достойной дочерью своей мамы, и тоже была очень умна, хотя образование имела всего четыре класса. В 26-м году мы переехали в Москву, и мама все твердила: “Сын мой, учись”. И я учился».

Ной окончил школу, ФЗУ (приобрел специальность наладчика токарных автоматов), затем авиационный институт, что для еврея было тогда большой редкостью. Он верил в «светлое будущее»: был комсомольцем, потом членом партии. А когда подошли 30-е – седьмой, восьмой, девятый, и начались массовые аресты, громкие процессы, стал смутно догадываться: что-то не так, не может быть виновным такое количество людей. Тогда от осуждения системы он был далек, думал, что происходящее – результат борьбы группировок. Потом началась война. «Антисемиты любят говорить, что евреи во время Великой Отечественной были в стороне. Я всегда расстраиваюсь, когда слышу такие разговоры, – признается Ной Александрович, – многие евреи, мои близкие знакомые, погибли на фронте. В тылу же оставались не по собственному желанию, а по приказу свыше. Я имел бронь, потому что работал на авиационном заводе, испытывал двигатели штурмовика “ИЛ-2”, который называли “черной смертью”. Брюхо его было из брони, поэтому он мог летать низко, и любая цель была для него доступна».

После войны Ной Александрович Шпунтов продолжал заниматься конструированием, и до сих пор считает, что «авиационные двигатели – самое сложное, что есть в мире».

Встреча «физика» и «лирика» – Ноя Александровича и Софьи Викторовны произошла, когда оба пережили неудачу в личной жизни и весьма скептически были настроены в отношении своей дальнейшей судьбы... К тому самому юбилейному вечеру, с которого начался мой рассказ, они пришли рука об руку, представляя собой самую красивую и счастливую семейную пару. Какая женщина не мечтала бы о том, чтобы после долгих лет супружеской жизни муж посвятил ей такие строки:

Люблю тебя, как много лет назад.

Ты молода, блистательно красива.

Огонь души, как миллион карат,

И творчески исканья, и порывы...

Восторженные милые стихи, написанные не только им, но и ею, переполняют толстые альбомы. С тех пор, как познакомились, и по сегодняшний день Софья Викторовна и Ной Александрович посвящают их друг другу. Интересно, что до встречи, подстергшей этих людей уже в зрелости, ни один из них стихов не писал.

Софья Викторовна считает себя максималисткой. После неудачного брака она твердо решила: если суждено снова выйти замуж, то только за идеал: человека порядочного, умного, независимого в суждениях, ответственного, чуждого пошлости, честного и искреннего. Она понимала, что вероятнее всего такая мечта и останется мечтой. Но встреча состоялась! И память о ней связана с сонатой Бетховена. Спустя некоторое время Ной Александрович напишет жене:

Í õïøëí èèøü âíñîí üéàò, èàé ñàâüíáò íò ùâñàèè.

Òàé òðâí àò í í ü âñí îí èí àð ÿò ó äàò ó!

È âñýèèé ðàç âí ì í á íñí í ü í üéààò,

Èí ñà èâñàøü ò ú Áàò õí âáí à ñí í àò ó

К 40-летию творческой деятельности близкие и друзья Софьи Викторовны подарили ей альбом автографов. Это собрание дифирамбов и признаний в любви. Только один, например: «Тонкому музыканту, неисправимому романтику, который говорит меньше, чем знает, а делает больше, чем возможно». Работает она самозабвенно – когда занимается с учениками и когда выходит на сцену и садится за инструмент.

После юбилея.

Мне нравится, как Софья Викторовна о себе говорит: «Сколько бы не было во мне недостатков, достоинств больше». Она обожает принимать гостей, сервировать стол, готовить вкусные блюда. Муж говорит, что «погибает» от уюта, чистоты и вкусной пищи. Она любит получать подарки, а еще больше – их делать. Любит красиво одеваться, носить украшения. В ее семье устойчивые традиции: отмечают еврейские праздники, кроме того день знакомства супругов в Марфино, день свадьбы, дни рождения. Муж и сама она – оба интересуются политикой и в шутку «борются» за право первого прочтения полученных газет... Но главное для Софьи Викторовны – ученики. «Я живу, чтобы работать, а не работаю, чтобы жить», – такое у нее кредо.

... Как-то проведя у нее в гостях несколько часов, перед уходом я попросила: «Софья Викторовна, сыграйте что-нибудь на прощание». Она села за рояль, задумалась и, улыбнувшись, стала тонко и вдохновенно импровизировать...

Сколько чудесного, удивительного открылось мне благодаря знакомству с этим человеком, вернее с двумя этими людьми! И уже в который раз я убедилась, что всех нас «на плаву» держат любовь и любимое дело, и никогда не стоит терять надежду: если сегодня нет рядом любимого человека, надо верить: он непременно появится завтра... И еще много-много всего...

Мои герои, как и свойственно им, отважно сражаются – с жизненными проблемами, тревогой, болезнями, потерей близких, но по-прежнему держатся за руки и посвящают друг другу стихи. У Софьи Викторовны все прибывает учеников, они занимают ее мысли, сердце, душу. Ной Александрович все тот же джентльмен и очарованный рыцарь... «Чудаки? Святые?» – возможно, кто-то задастся вопросом, прочтя мой рассказ. Не знаю, но оттого, что такие на свете есть, на душе становится теплее.

СУДЬБА ДВУХ ЭТИНГЕРОВ

יְעֹבֵב אֵינְיֵס

Однажды, выходя из редакции «Лехаим», я столкнулась у двери с незнакомым мне мужчиной. Он спросил, работаю ли я здесь. Узнав, что я автор, поинтересовался как читатель этого журнала моей фамилией.

Я назвала ее, фамилия показалась ему знакомой: когда-то, когда он болел туберкулезом, известный в то время фтизиатр, профессор В.Л. Эйнис, порекомендовал ему, чтобы пневмоторакс делал доктор Аспиз.

– Не ваш ли он родственник? – спросил мой собеседник.

– Мой отец, – сказала я.

Он назвал себя: Этингер. Вы, может быть, слышали эту фамилию?

И я сразу вспомнила то далекое, но незабываемое «дело врачей», в котором одним из обвиняемых был известный кардиолог

Этингер.

– А это мой отец.

Пока мы вместе шли с Яковом Яковлевичем Этингером до метро, я узнала, что мой попутчик – ученый-историк, был узником и гетто, и ГУЛАГа. Мы обнаружили общих знакомых и оказалось, что мы сходимся в оценке ряда публикаций, касающихся «дела врачей».

Я.Г. Этингер.

И я решила написать о двух Этингерах – сыне и отце. Яков Яковлевич одобрил мое намерение, попросив, чтоб в основном я писала о его отце, а не о нем. Он снабдил меня многими материалами, которые и использованы в этом очерке.

Поначалу меня удивило, что у них одинаковые имена (поскольку у евреев не принято давать ребенку имя живущего родителя). Но, погрузившись в чтение биографии сына, все поняла.

Родился Яков Яковлевич в 1929 году в Минске. Его отцом был Лазарь Яковлевич Ситерман – известный в Белоруссии профессор-терапевт. В 1916 году он окончил медицинский факультет старейшего в Восточной Европе университета в Тарту. Во время первой мировой войны служил военным врачом в русской армии, а потом в Красной Армии. Он много лет был ассистентом в терапевтической клинике медицинского факультета Белорусского университета, а затем заведовал кафедрой пропедевтики внутренних болезней Минского медицинского института. Он получил звание профессора, был доктором медицинских наук, заслуженным деятелем науки БССР. Его перу принадлежат книги и статьи, главным образом по сердечно-сосудистым заболеваниям.

Мать Якова Вера Соломоновна была из состоятельной семьи – ее отец, Соломон Лифшиц, был известным филантропом, в Минске на его средства была построена больница для бедных. Она закончила высшее учебное заведение для женщин в дореволюционной России – Бестужевские курсы в Петербурге.

Единственный ребенок Ситерманов рос в атмосфере любви не только со стороны родителей, но и еще одного члена семьи – няни, которая была в доме со дня рождения Якова.

Когда 22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на нашу страну, никто не предполагал, что неприятельские войска будут так быстро продвигаться вглубь советской территории. Уже 28 июня Минск был захвачен ими. Семья профессора Ситермана эвакуироваться не успела.

Вскоре после оккупации города гитлеровские власти объявили о создании гетто для еврейского населения. И Ситерманы оказались в нем уже 12 августа. А в сентябре глава семьи был арестован. О публичных издевательствах над известным в городе профессором подробно написано в «Черной книге», подготовленной сразу после войны Ильей Эренбургом и Василием Гроссманом, но издающейся у нас только с начала 90-х годов. В минской тюрьме Л.Я. Ситерман был убит.

Минское гетто просуществовало более двух лет. В нем поначалу находилось свыше 100 тысяч человек, которые планомерно уничтожались. Последняя акция была проведена 21 октября 1943 года, когда гетто и перестало существовать. Уцелели лишь единицы, кому удалось сбежать и спрятаться.

Удалось это 7 мая 1942 года и тринадцатилетнему Якову с помощью его няни Марии Петровны Харецкой, простой белорусской женщины. С помощью доктора М. Владысика, который поддерживал связь с партизанским подпольем и его агентурой в городской управе, Якова вписали в паспорт няни в качестве сына и сделали фальшивое свидетельство о его рождении. Так Яков Лазаревич Ситерман стал Яковом Кастусевичем Харецким. Более двух лет, рискуя жизнью, няня укрывала мальчика в

деревянном домике на окраине города. Он не выходил из него до того дня, когда 3 июля 1944 года Красная Армия штурмом взяла Минск.

Мать Якова погибла в гетто при очередной акции в конце июня 1942 года, когда нацисты впервые использовали газ для уничтожения евреев – так называемые душегубки.

М.П. Харецкая

Летом 1944 года пятнадцатилетний Яков приехал в Москву, где остановился у родственников. Через некоторое время он, как советовала ему мама при прощании, позвонил знакомому их семьи Я.Г. Этингеру (как потом выяснилось, его отец и дедушка Якова со стороны мамы были добрыми друзьями) и стал часто бывать у него. Яков Гиляриевич Этингер и его жена Ревекка Константиновна Викторова очень тепло и сердечно принимали Якова, и вскоре он поселился у них. Своих детей у них не было, и в 1947 году они усыновили его. Яков в знак признательности к ним взял новые отчество и фамилию. Вот и разгадка одинаковых имен отца и сына!

Через какое-то время в Москву пригласили и няню, которая до своей смерти в 1961 году жила у них. Похоронена она на Востряковском кладбище, где ее воспитанник, обязанный ей жизнью, установил памятник с надписью «Дорогой и любимой нянечке... Ты всегда вместе с нами».

В 1997 году М.П. Харецкая решением комиссии по присвоению звания Праведника народов мира, созданной при Национальном институте памяти катастрофы и героизма Яд Вашем в Иерусалиме, удостоена посмертно звания праведницы мира и награждена медалью Праведника народов мира за то, что в годы фашистской оккупации рисковала своей жизнью ради преследуемых евреев. Ее имя высечено на Стене почета в Аллее праведников Яд Вашем.

Яков Этингер закончил в 1948 году с серебряной медалью среднюю школу, но его как еврея не приняли на очное отделение исторического факультета МГУ, и он стал студентом-экстерном.

В октябре 1950 года прямо на улице он был арестован, через месяц арестовали его приемного отца, а летом следующего года – и мать.

Приемная мать Якова Ревекка Константиновна была врачом. В период первой мировой войны она сначала работала в подмосковном госпитале, а потом на Юго-западном фронте в инфекционном отделении военного госпиталя. После революции, будучи батальонным врачом в Витебске, она вышла там замуж за

Я.Г. Этингера и вместе с ним приехала в Москву, где работала терапевтом. Забегая вперед, скажу, что она была приговорена к 10 годам лишения свободы, но после реабилитации участников «дела врачей» была освобождена в октябре 1954 года, проведя в заключении три года.

Яков Яковлевич Этингер находился в Лефортовской тюрьме, причем почти полгода в одиночной камере, неоднократно подвергался избиениям. За антисоветскую деятельность он был приговорен к 10 годам заключения в особый лагерь. Сначала его отправили этапом на Колыму, но из одного из пересылочных лагерей возвратили в Лефортово, где снова начались допросы. Если раньше в ходе следствия предъявляемые ему обвинения типа «клеветнические измышления в адрес Сталина», «сравнение сталинского режима с гитлеровским», «осуждение борьбы против космополитизма и квалификация ее как проявление государственного антисемитизма, идущего непосредственно от кремлевского вождя», базировались на записях прослушиваемых в их семье разговоров (в телефонном аппарате было прослушивающее устройство), то теперь главные обвинения сводились к тому, что ему должно быть известно о преступном лечении его отцом крупных деятелей Советского государства. На этом основании Я.Я. Этингер понял, что готовится грандиозное дело по такому обвинению. И не ошибся! Но это было позже.

После пребывания в Лефортовской тюрьме Яков был отправлен в Вятлаг (Кировская область), где в тяжелейших условиях работал на лесоповале.

Он был освобожден в конце 1954 года только через полтора года после официального сообщения о реабилитации всех проходящих по «делу врачей», восстановлен на историческом факультете МГУ, который закончил в 1956 году и сразу поступил в Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР, где проработал 33 года до ухода на пенсию.

В 1961 году Я.Я. Этингер стал кандидатом, а в 1970-м – доктором исторических наук, имеет звание профессора.

За годы работы в институте им было опубликовано 10 книг и большое количество статей по политическим и национально-этническим проблемам развивающихся стран.

В 1988 году он вошел в инициативную группу по созданию «Мемориала», был членом правления этого общества. В конце 80-х – начале 90-х гг. – сопредседатель Московского объединения жертв политических репрессий. Он является членом Международной федерации прав человека (штаб-квартира в Париже), а также членом правления созданного А.Д. Сахаровым общественно-политического клуба «Московская трибуна» и заместителем председателя правления ассоциации «Гражданский мир». Кроме того, он член совета Международного союза общественных объединений евреев – бывших узников фашизма. Как мы видим, общественная деятельность Я.Я. Этингера чрезвычайно многообразна. Хотя он никогда не был членом партии и в течение многих лет был «невъездным».

Надо сказать, что Я.Я. Этингер подготовил к печати и скоро должна выйти в свет его книга, главной темой которой является «дело врачей». Этой темой он начал заниматься сразу после освобождения, когда стал изучать историю этого дела, его подготовку, ход следствия, цель создания дела, а также возможные последствия как для евреев Советского Союза, так и для развития политической ситуации в стране в целом. Он не только собрал и систематизировал огромный фактический материал, работая в российских и зарубежных архивах, изучал мировую прессу тех лет, но и встречался и беседовал с крупными политическими деятелями нашей страны, обладающими информацией по «делу врачей», такими, например, как бывший член Политбюро и глава Советского правительства Н.А. Булганин и бывший Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. О «деле врачей» Я.Я. Этингер опубликовал много газетных и журнальных статей и в нашей печати, и за рубежом.

Он ведет активную работу в рамках Международной ассоциации историков по изучению корней, причин и последствий сталинизма в СССР и других странах, а также является экспертом по проблемам межнациональных отношений в СНГ. Он участвовал и в создании научно-просветительного центра «Холокост», занимающегося изучением преступлений нацистов в годы второй мировой войны в отношении еврейского населения и много пишет об опасностях, связанных с активизацией фашистских и профашистских кругов, с растущей деятельностью ряда организаций экстремистского толка, создающих в обществе атмосферу тревоги и страха. Он постоянно выступает против публикаций и открытой продажи антисемитской литературы.

Деятельность Я.Я. Этингера высоко оценена за рубежом – он почетный член семи зарубежных академий. Его приглашают с лекциями в научные центры Западной Европы, США, Израиля. Он выступал в Совете Европы в Страсбурге. О себе он пишет, что в меру сил пытается внести вклад в борьбу против угрозы фашизма в стране, где он живет.

Такова судьба Якова Яковлевича Этингера. Теперь о судьбе Якова Гиляриевича Этингера.

Родился Я.Г. Этингер в 1887 году в Минске. Он происходит из известного в еврейской истории рода, многие представители которого были общественными деятелями, писателями, искусствоведами. Один из его родственников, еврейский писатель Соломон Эттингер (фамилии некоторых из этого рода пишутся с двумя «т»), был широко известен в первой половине XIX века. Он разработал жанр остроумных и поучительных басен, придав им народную форму, понятную широким слоям еврейского населения. Двоюродным братом Я.Г. Этингера был широко образованный, знающий многие европейские языки художественный критик П.Д. Эттингер, который общался с Л.Н. Толстым и переписывался с ним, а также с А. Франсом, Р. Ролланом, К. Гамсуном, А. Швейцером, М. Ганди.

Родители Я.Г. Этингера были состоятельными людьми. Отец его, купец первой гильдии, имел возможность, чтобы сын получил высшее образование за границей. В 1909 году он окончил естественно-математический факультет Кенигсбергского университета, а через четыре года – и медицинский факультет Берлинского университета и сразу получил степень доктора медицины. Учась в Германии, он интересовался политической жизнью страны и был знаком с рядом видных деятелей германской социал-демократической партии. В годы учебы, во время каникул, он много путешествовал, в частности побывал в Египте и Палестине. Он проявлял интерес к еврейскому вопросу, изучал историю еврейского народа. Во время первой мировой войны служил врачом в русской армии, а потом в Красной Армии; с 1918 по 1920 годы был начальником крупного госпиталя. После демобилизации заведовал терапевтическим отделением витебской городской больницы. В 1922-м он переехал с женой в Москву и стал сначала ассистентом кафедры пропедевтики внутренних болезней медицинского факультета МГУ, а потом приват-доцентом этой кафедры.

В 1932 году было решено создать такую же кафедру на педиатрическом факультете 2-го мединститута. Ее организацию и заведование ею поручили уже известному в то время 45-летнему клиницисту-терапевту Я.Г. Этингеру, зарекомендовавшему себя опытным педагогом и администратором.

С 1929 года он одновременно с работой на кафедрах заведовал терапевтическим отделением московской городской Яузской больницы им. Медсантруда. Той самой, на территории которой спустя много лет было обнаружено тайное захоронение. Из архива больницы стало известно, что там закопано около 1000 трупов главным образом молодых мужчин, расстрелянных «за подозрение в контрреволюционной деятельности» или «за участие в контрреволюционной организации». В 1999 году на средства бывшего заключенного колымских лагерей М.Б. Миндлина там был открыт памятник жертвам политических репрессий.

В 1935 году Я.Г. Этингер получил звание профессора, а через два года – степень доктора медицинских наук. С 1941 по 1949 годы он заведовал кафедрой

факультативной терапии того же педиатрического факультета. Его авторству принадлежат 40 работ, посвященных разным вопросам кардиологии.

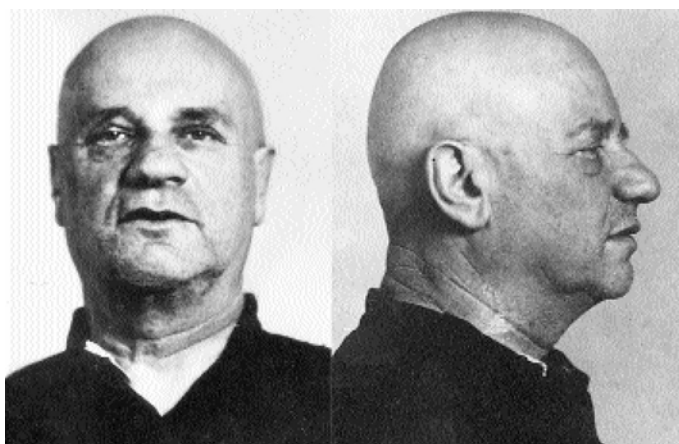
Я.Г. Этингер был широко образованным человеком. Он свободно владел немецким, французским и английским языками, прекрасно разбирался в литературе и искусстве. В его доме бывали известные артисты, художники, писатели. Поэт С.Я. Маршак на книге переведенных им сонетов Шекспира сделал надпись:

Í ðèøèè ìíí àò ù á ÑÑÑÑ

Ñéãçí äí èãá äíèà

Òíí ó í ðè:èí í é Ýòèí äü

Èá:èáøèé Í àðøàèà

Я.Г. Этингер, Р.К. Викторова, Я.Я. Этингер. Фотографии сделаны во внутренней тюрьме МГБ СССР на Лубянке в дни арестов.

В течение многих лет Я.Г. Этингер был консультантом лечебно-санитарного управления Кремля. И естественно, что его пациентами были крупные государственные деятели, представители высшего военного командования, известные работники науки и искусства. Лечил он и видных деятелей Коминтерна.

В начале 1949 года в квартире Я.Г. Этингера органы госбезопасности установили, как уже говорилось, прослушивающее устройство, и в течение почти двух лет все достаточно откровенные домашние разговоры фиксировались и передавались министру госбезопасности, который, в свою очередь, передавал их руководству страны и лично Сталину.

В 1949 году по личному указанию Сталина Я.Г. Этингера не только лишили кафедры, но вообще изгнали из мединститута. Он «устроился» консультантом в поликлинику Миннефтьпрома.

В это время в стране была организована борьба против космополитизма, был закрыт Еврейский антифашистский комитет и арестованы многие известные еврейские писатели. Я.Г. Этингер прекрасно разбирался в сложившейся ситуации, которая вызывала у него тревогу; он считал, что в стране происходит усиление государственного антисемитизма. В ноябре 1950 года через месяц после ареста сына он был арестован.

Помимо основного обвинения во вредительском лечении, ему ставилась в вину и критика им «учения» Лысенко, и его высказывания о том, что политические процессы в СССР в 20-е и 30-е годы были сфабрикованы. Серьезным обвинением было и систематическое слушание зарубежных «голосов».

Дома со своим сыном студентом-историком, с которым у него были доверительные душевные отношения, а также с проходящими в гости друзьями Я.Г. Этингер вел достаточно откровенные разговоры на разные, в том числе и политические, темы и делился с ними содержанием зарубежных радиопередач. Прослушивающее устройство оправдало себя!

Арест Я.Г. Этингера и положил начало последней политической провокации сталинского режима – «делу врачей».

В марте 1951 года после пыток и издевательств Яков Гиляриевич Этингер скончался в Лефортовской тюрьме, перенеся во время заключения 29 сердечных приступов, десять из которых происходили в кабинете следователя.

Я.Я. Этингер.

13 января 1953 года под рубрикой «Хроника» все центральные газеты напечатали сообщение ТАСС – «Арест группы врачей-вредителей», которая ставила своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активных деятелей Советского Союза. Среди других назывался и Я.Г. Этингер, умерший почти за два года до этого. Ему, как и некоторым другим арестованным, инкриминировали также связь с международной буржуазно- националистической еврейской организацией «Джойнт».

В мою задачу не входило подробное освещение «дела врачей». Как уже было сказано, эту тему детально разрабатывает Я.Я. Этингер.

Я хотела рассказать о двух Этингерах, судьба которых отражает определенный исторический период нашей страны.

Пусть простит меня Яков Яковлевич за то, что не удалось выполнить его просьбу – уделить в очерке ему меньше места, чем его отцу, погибшему в Лефортовской тюрьме. Так получилось.

Я благодарна судьбе, что случайная встреча дала мне возможность познакомиться с интересным, так много пережившим человеком – Яковом Яковлевичем Этингером.

ВСЯ МОЯ ДУША – В КОЛОКОЛАХ»

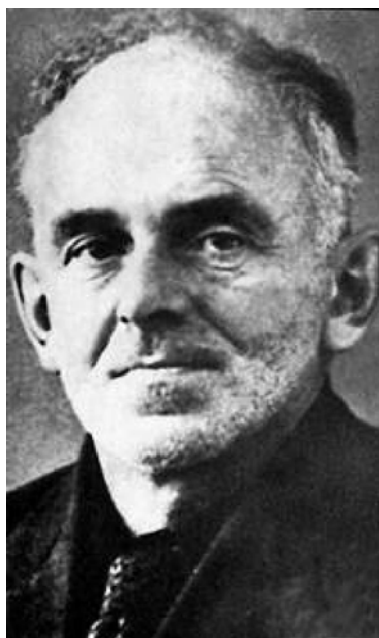
Àëääèì èð Î íçí àí ñèé

На стекла вечности

уже легло

Мое дыхание,

мое тепло...

Осипу Эмильевичу Мандельштаму в январе исполнилось бы 110 лет. А жить ему из них довелось заметно меньше половины – 47: именно в этом возрасте в одном из учреждений ГУЛАГа завершились дни гениального поэта

À èèòì ì îðíçó ŷ æŷæó îæèí -

Îí - íèéää, ŷ - íèíòéää -

È àñ óðæèòñŷ, íèíèòñŷ áç ì îðùèí

Ðàáí èí ù àùèàùáá : óáí.

À ñèí óà ù óðèòñŷ á èðàòì àèùí íé

íèùàòá -

Ἄν ἰδὲ ἰὸδ ἢ ἰέται ἐ ὀδασαί...

Ἄν ἰὸδ ἐσί ἀ-ί ἰά ἐάτῃ - ἰί-ὀε ÷ ὀί ὀά..

Ἐ ἢ ἰὸδ ἰὸδ ἐὸ ἰ ἰῶσῶ, ἐἰε ÷ ἐἰὸ ἰε

ὀεἰἰ, ἰῶσῶσῶ.

Читая эти строки, словно качаешься на легких волнах их ритма, дивясь причудливым образам, всплывающим то здесь, то там. Как хочется приблизиться к обостренно-чувственному восприятию мира поэта! «Слабых звезд я осызаю млечность», – предсмертный бред Батюшкова, запечатленный в стихах Мандельштама, предельно точно это восприятие передает. Именно осызая млечность слабых звезд, а не различать, не ощущать, дано только гению.

Стихотворение о «безгрешном снеге» написано в 37-м – за год с небольшим до гибели поэта. Незадолго до трагедии он еще делает отчаянные попытки вернуться в свой творческий мир, подальше от жестокой действительности. Получается это далеко не всегда, и его стихи, ранее светлые, безмятежные, ненавязчиво философские, иногда мастерские стихи-зарисовки с натуры, с каждым годом становятся все трагичнее. «Мы живем, под собою не чуя страны...» – эти роковые строки перо Мандельштама начертало в ноябре 1933 года.

Были ссылки – в Воронеж, в Чердынь. Однако на этом мстительная власть не успокоилась. Поэта сгноили в лагере – те, включая «героя» крамольного стихотворения, кто не стоил и мизинца этого человека.

Осип Мандельштам читает стихи в кабаре «Привал комедиантов». Среди зрителей К.Д. Бальмонт, А.А. Ахматова, Г.В. Иванов.

Рисунок С. Полякова, 1916 год.

... È äÿ ì îÿ äóà -

â êîêîêîëã

Í î ì óúèà îò áááí ú

í à ñ àñò...

За этими строками так и видится яркое закатное солнце, неумолимо погружающееся за опасно алеющий горизонт. А ведь оно могло бы светить вечно!

И светит...

Еще в начале пути осознавший свой творческий потенциал, Мандельштам восклицает: «Разменяйте мне мой золотой!» Щедрая, простодушная юношеская радость: у меня есть сокровище – вот оно! И кажется, весь мир должен радоваться, что ты такой богач... Спустя тридцать лет человек по-своему трагической судьбы, Александр Галич, полемизируя с самим собой и этой строчкой, с горечью напишет:

Û äëóí ÷ èé, äóðàé, î õîñò î ó èëÿ, À î äëÿ,

Çà ÷ àí ò ù äÿçàèÿ ä ÷ óæíá î îò àëüà?

Í à ÷ ò î ò ù èñòðàòèé ñàè çíéîóá?..

Мандельштам не хотел ввязываться в «чужое похмелье». Но его, обостренно внимающего жизни, впитывающего ее всеми фибрами души и не способного хоть как-то устраниваться от ее пагубы (как драматична, как пагубна та пора!), оно неумолимо вовлекало в свою воронку. И он предчувствует свою судьбу, ее надвигающуюся неотвратимость.

À î íãáú æèçíü î õîñò

πὸ ἀὐτῆς ἀπὸ τοῦ ἰσχυροῦ,

ὡς ἀπὸ τοῦ ἰσχυροῦ ἀπὸ τοῦ ἰσχυροῦ

ἰσχυροῦ.

Ἄν ἀπὸ τοῦ ἰσχυροῦ ἰσχυροῦ..

А мог бы?.. Нельзя никак? Что за принужденность, фатальная необходимость? Обойдемся без гражданственного пафоса. Мандельштам не был ни героем, ни борцом. Просто в силу всех своих качеств и свойств он не мог – не мог! – наступать «на горло собственной песне». К чему бы в противном случае это могло привести?

К творческой, то есть личностной деградации? Но в иные моменты он все же пытался обуздать свой собственный голос:

Ἄν ἰσχυροῦ ἀπὸ τοῦ ἰσχυροῦ

ἰσχυροῦ ἀπὸ τοῦ ἰσχυροῦ ἰσχυροῦ..

Г.И. Чулков, М.С. Петровых, А.А. Ахматова, О.Э. Мандельштам. 1933 год.

Не смог? Не захотел? И все же в том, что он этого не сделал, и обнаруживается его героизм – героизм не изменить себе в то время, когда за личностное, за право голоса взималась очень высокая плата. Он рано ушел, но оставил в наследство миру – нет, не только приумноженный свой золотой, а целый мир, удивительнейший, без которого сегодня уже трудно представить поэзию.

Другой гениальный мастер – Марк Шагал, искренне недоумевал, когда кто-нибудь спрашивал, почему на его картинах написано то, чего «не бывает», – влюбленные летают над еврейским местечком или козлик играет на скрипке. Художник создал свой мир, в котором всегда есть место чудесному, и чтобы понять его полотна, нужно войти в этот мир, приняв его как возможную реальность. То же можно сказать о поэзии Мандельштама, а потому ее бессмысленно поверять бытовой логикой.

Попадая в поле Мандельштама, начинаешь испытывать острую потребность как можно глубже проникнуть в таинство его метафор, вообще стиха, в загадочность все еще недораскрытой личности, ее феномена.

Ф

1.

Радикалы стремительны
На бой бегут девятимесячные
А не боятся воевать и воевать
Неравномерно в футбол

9

Летят в небо, истребители -
Камни в воздухе в воздухе
Кто знает, кто знает, кто знает
Кто знает, кто знает

Могуте ли вы сказать, кто знает
Кто знает, кто знает, кто знает
И в небе, кто знает, кто знает
Кто знает, кто знает, кто знает

Тогда кто знает, кто знает
Кто знает, кто знает, кто знает
Кто знает, кто знает, кто знает
Кто знает, кто знает, кто знает
Кто знает, кто знает, кто знает
Кто знает, кто знает, кто знает
Кто знает, кто знает, кто знает
Кто знает, кто знает, кто знает

В. Яковлев

Рукопись стихотворения «Второй футбол». 1913 год.

В Главное Управление лагерей. 7/8 39.
Име известно, что мой муж (заключенный)
Мандельштам Семь Эмилевич умер во
Старобобоке (С.В.21.Т.1. 11 бараки. 5 лет КРД),
п.к. мне быль возвращен немецкий перевод "за
смерть адресата". Дата смерти определяется
между 15/12 38 и 10/1 1939.

Прошу управление лагерей проверить мои
сведения и выдать мне официальную
справку о смерти О.Э.Мандельштама.

Надежда Мандельштам.

Ответ прошу сообщать по адресу:
Москва Старосадский №10 кв 3

Александру Эмилевичу Мандельштаму

У меня в данное время адреса нет, в.и:
квартира моя находится в Москве конгломерат
в я улицу помещенная под Москва.

О творчестве поэта мне довелось беседовать с известным
«мандельштамоведом» Юрием Фрейдиным. Вот что он рассказал.

Валентин Катаев считал, что Мандельштам и Пастернак подняли поэзию на новую высоту. Вы согласны с этим?

Это справедливое суждение, но оно относится не только к Мандельштаму и Пастернаку, а ко всем большим поэтам. На новую для своего времени высоту поэзию подняли Ломоносов, Державин, Жуковский, Батюшков, Пушкин, Баратынский, Тютчев, Фет. Я перечислил далеко не всех. Но чтобы качественно изменить поэзию, потребовались усилия не только корифеев, но и менее известных поэтов. Все вместе они готовили поэзию к подъему на новый уровень. История сохранила несколько наиболее достойных имен. В первой трети XX века это Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Гумилев и, может быть, Кузьмин, Клюев, Клычков, Есенин.

Вообще же, говоря об очередной ступеньке мастерства, создании того или иного художественного направления, необходимо помнить, что новое искусство в известной степени сохраняет традиционное. И что пропорции старого и нового должны находиться в определенной гармонии. Иначе новаторство не будет понято и усвоено. И если мы считаем, что Мандельштам поднял поэзию на какую-то новую ступень, значит, видим всю лестницу, то есть оцениваем достижения поэта достаточно отстраненно, как бы издалека. А при таком взгляде мы ничего не поймем в творчестве Осипа Эмильевича. Ибо сам поэт этой лестницы не видел, он находился внутри процесса, внутри событий, дел и задач, очевидцем и участником которых был. Да и вряд ли он ставил перед собой цель – поднять планку поэзии...

Тогда поставлю вопрос иначе: что отличало Мандельштама от его современников? И как они оценивали творчество Осипа Эмильевича?

Современники Мандельштама в первую очередь считали (и писали об этом), что Мандельштам как бы вторичен, то есть он – поэт для поэтов, который пишет стихи о стихах. У него действительно были стихи о греческих и римских поэтах, о Батюшкове. Но и о Бетховене, Бахе. Однако все, что он писал о древней, средневековой и современной поэзии и поэтах, музыкантах и художниках, вообще о культуре и искусстве, пропущено сквозь призму очень острого и непосредственного восприятия и переживания. А потому его стихи не вторичны, они – часть души самого поэта. В этом и есть сущность его творчества: литература, поэзия, культура сливаются в непосредственно воспринимаемые элементы жизни, входят в ее поток. Уникальность опыта Мандельштама в том, что он сумел превосходно передать в стихах подобную конструкцию бытия. И найти для такой передачи нетривиальную и интересную форму. При этом позаботившись, чтобы форма укоренилась в русской поэзии и внесла в нее нечто новое. Эту огромную задачу Осип Эмильевич решил очень успешно.

Смысл усложненного образного строя стихов Мандельштама порой ускользает даже от искушенных ценителей поэзии...

Образы Мандельштама – это некий особый опыт, которому он научился у других искусств, – к ним поэт был весьма восприимчив и чувствителен. Научился прежде всего у музыки, потому что Осип Эмильевич был музыкально одаренным человеком (его в детстве учили игре на фортепиано, и, будучи уже взрослым, он мог музицировать, но для этого не было подходящих условий). Мандельштам более глубоко, чем многие из нас, судил о музыке. Мы воспринимаем ее непосредственно, хотя в содержании музыки мало что понимаем. Мандельштам писал стихи, которые воспринимаются помимо их непосредственного содержания.

То есть его стихи, как и музыка, дают нам некоторую свободу трактования?

Безусловно. Кроме того, Мандельштам тонко разбирался в современной ему живописи и авангардной поэзии, в частности футуристов и Хлебникова. Он был ближе к этому направлению в поэзии, чем, скажем, Ахматова или Гумилев. В этом смысле его можно сравнить с Пастернаком, который вышел из футуризма. Мандельштам создавал довольно сложные для понимания и трактовки поэтические тексты, и мы не всегда можем переложить в простые понятия то, что написано в его стихах, и не всегда можем понять мотивы и найти внутренние связи в его произведениях. Более того, одна из характерных особенностей поэтики Мандельштама в том, что во многих стихах содержится нечто, позволяющее трактовать их по-разному, но при этом какую-либо из версий нельзя назвать точной. Если перевести эту особенность на язык живописи, можно сказать, что Мандельштам мог написать пейзаж, который одновременно и натюрморт. Все это значительно расширило возможности поэзии.

В писательском клубе на вечере, посвященном юбилею Мандельштама, о нем говорили известные поэты и литературоведы.

И каждый в его поэзии, как в Библии, нашел свои, открывшиеся только ему смыслы. Вот фрагменты некоторых выступлений.

Александр Кушнер

110 лет – не вековой юбилей. Тем не менее, в новом веке и новом тысячелетии это первая большая поэтическая дата, которая отмечается в нашей стране.

Мне представляется, что где-то там, в заоблачной вышине, собрались корифеи поэзии и сказали: «Начало новой эпохи надо отметить чествованием одного из нас. Конечно, это должен быть Пушкин». «Нет, друзья, – ответил Александр Сергеевич. – У меня недавно было двухсотлетие. Давайте по-честному: чья очередь подошла, того и отметим. Осип Эмильевич, пожалуйста сюда».

И это правильный выбор. Потому что в нашей поэзии, где столько замечательных имен, имя Мандельштама – одно из любимейших и самых драгоценных. У него, как и у Пушкина, нет слабых стихов. Хотя даже величайшие поэты иногда пишут стихи проходные, необязательные и просто неудачные. Двадцатилетний Мандельштам вышел на страницы журнала «Аполлон» уже сложившимся поэтом:

Êàé êîí è ì ääéáí î î ñòõ'âðò,

Êàé ì äêî á ôîí äðÿõ î äÿ!

×óæ è ä èðäè, ääðî î, çí âðò,

Êóüà äîçòò îí è ì äíÿ.

Помню, как впервые прочитал эти стихи. Как будто все понятно, но о какой поездке идет речь? Куда и зачем?

À ÿ ääðÿðîü è õ çáíî ä

Ì íá õîëîáíí, ÿ ñ àòü õî÷ó

Ì íááõîñëëí íá ì íáíõî ò á

Ì ááñò ðá: ó çáçáí ì ì ó ëó: á

Ослепительные стихи, их образный строй поражает!

С тех пор как Мандельштам вернулся к читателям, он, казалось бы, изучен вдоль и поперек, о нем написаны блестящие статьи, с их помощью лучше понимаешь поэта. И все-таки самое большое удовольствие – каждый раз читать Мандельштама, будто впервые.

В середине 50-х мое поколение с жадностью впитывало каждое переписанное от руки или перепечатанное на машинке стихотворение Осипа Эмильевича. Мы представить себе не могли, что могут быть такие прекрасные стихи! Поразительная речь, поразительные интонации, каких никогда не было! В стихах Мандельштама русское слово еще раз зазвучало по-новому, его невиданный доселе вес и объем стали откровением. Еще раз, потому что и прежде крупным поэтам (в числе которых Батюшков, Баратынский, Пушкин, Некрасов) удавалось найти в родном языке скрытые резервы.

Среди произведений Осипа Эмильевича немало написанных пятистопным анапестом:

çîëî ò ëñò íáí ì ááá ñò ðóÿ èç áóò ñëëë ò áëëá

Òáë ò ÿá: á è áñëñ, ÷ ò ì ì íëáë ò ü

õîçÿëëá õñ áëá:

- çááñí, á í á: áëññ í é ðááðëáá, éóáá í áñ

ñáññá çáí áñëá,

Ì ù ñáññí í á ñëó: ááí, - è ÷ áðáç í ëá: í

ì íá ÿááëá

Это настоящий античный барельеф. И еще – Мандельштам дал новую возможность гекзаметру странным образом существовать в русском языке. Его строка тянется медом из бутылки, полученной как античности далекой послание, выловленное в море времени.

Евгений Рейн

Мандельштам – самый таинственный, самый загадочный из всех русских поэтов XX века. Вероятно потому, что он прошел по той невероятно таинственной линии, которой жизнь связана с поэзией. Классический «Камень» и революционные вопли в «Tristia», и бытовизмы («Я человек эпохи Москвошвея»), и его политические стихи и есть эта нить. «Мы живем, под собою не чуя страны» – не политиканство, а чистая поэзия, ибо самый воздух жизни был и околосталинским, и одновременно

пропитанным зощенковским юмором. И все это вошло в поэзию Мандельштама. Поэтому ответить на вопрос – почему для меня Мандельштам наиболее привлекательный и наиболее загадочный поэт века – я могу только по аналогии со старым анекдотом про еврейского портного, который, если бы стал императором, жил бы даже лучше, чем глава государства, потому что «еще немного бы шил». Отгадка секрета Мандельштама в этом: он «еще немножечко шил»...

Итак, место Мандельштама в поэзии, собственно, и в истории так или иначе очерчено легким пунктиром. Тем не менее имя поэта увековечено лишь в скромных мемориальных досках и единственном памятнике – в далеком Владивостоке.

Yò î èàèäÿ öèèöà?
Öèèöà Î àí ääëüö ò àì à
× ò î çà ò àì èèèÿ ÷ äò ò î à à!
Èàé áá í è äî ääò ù äàé,
Êðè äî çàò: è ò, à í á î ðÿ î í.
Î àè î á í àì äüè î èè í àé í î ä,
Í ò ä ä ä í í í á äüè èè ä ä é í î ä,
Àèè î í í à öèèöà È ä í è í à
È î î ò î î ó ÿ ò à öèèöà
Èèè, ä ä ð í ä é, ÿ ò à ÿ ò à
Ò à é è ç í ä ò ð ÿ ÿ î î è ò ä í è
Yò î ä Î àí ääëüö ò àì à

В нашей столице есть улица Газопровод, несколько Кабельных улиц и еще ряд подобных шедевров могучей чиновничьей фантазии. Но ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге, ни в местах ссылки Осипа Эмильевича – Воронеже и Чердыни – улицы имени гениального поэта до сих пор нет. В отличие от несоизмеримых с ним по личностным масштабам деятелей культуры и политических авантюристов.

Однако в этой несправедливости есть и позитивное зерно. Потому что я с трудом представляю себе улицу Мандельштама рядом с улицей Ленина, на которой поэт жил в воронежской ссылке...

Сергей Аверинцев

Я затрудняюсь ответить на вопрос о моих любимых стихах Мандельштама. Легче сказать, какие, будучи не менее прекрасными, в этот список не вошли. Но любимую строчку назвать могу. Она – из черного варианта стихов о немецкой речи – дивная трансформация известных слов Лютера: «Hier stehe ich – ich kann nicht anders...» В первоначальном варианте это изречение трактуется очень торжественно: «Здесь я

стою – я не могу иначе». Потом появился другой вариант: «Вот я стою – и нет со мною сладу». Эта категоричность – назидание нам, потомкам: нельзя капитулировать ни при каких обстоятельствах. Ни тех, что были при жизни поэта, ни – тем более – сегодняшних.

Владимир Леонович

Когда читаешь Мандельштама, ощущаешь потребность в некоем углубленном и развернутом комментарии, которого достойны его могучие, отчаянно, головокружительно смелые стихи. Зачем ему баррикады, когда он владел таким пером?

Мандельштам вошел в нашу жизнь как явление, которого мы так долго ждали. Можно по многу раз перечитывать его стихи, и с каждым чтением они воспринимаются по-иному.

В России не было института рыцарства, но были дворянство и офицерство, сознающие свое положение и имевшие свои кодексы чести. Добавлю: был еще Мандельштам, который мог дать пощечину большому классическому советской литературы. У Осипа Эмильевича была достаточная и глубоко эшелонированная мотивация для короткого и звонкого звука удара по щеке. Поэтому когда мы читаем: «За гремучую доблесть грядущих веков...», должны воспринимать эти стихи как заповедь.

Павел Нерлер

Десять лет назад в Колонном зале Дома Союзов справляли 100-летие со дня рождения Мандельштама. Пышное официальное мероприятие было украшено портретом Осипа Эмильевича, как будто он – член Политбюро: организаторы представляли себе эту акцию как коммунистический праздник, очевидно, государству наконец решило приветить загубленного им поэта.

В тот же день тогдашний министр культуры Евгений Сидоров открыл мемориальную доску Мандельштама на здании Литературного института. По окончании речи министра грянула музыка... гимна Советского Союза. Присутствовавшие вздрогнули от неожиданности, не оценив искренность и широту душевного порыва организаторов действия.

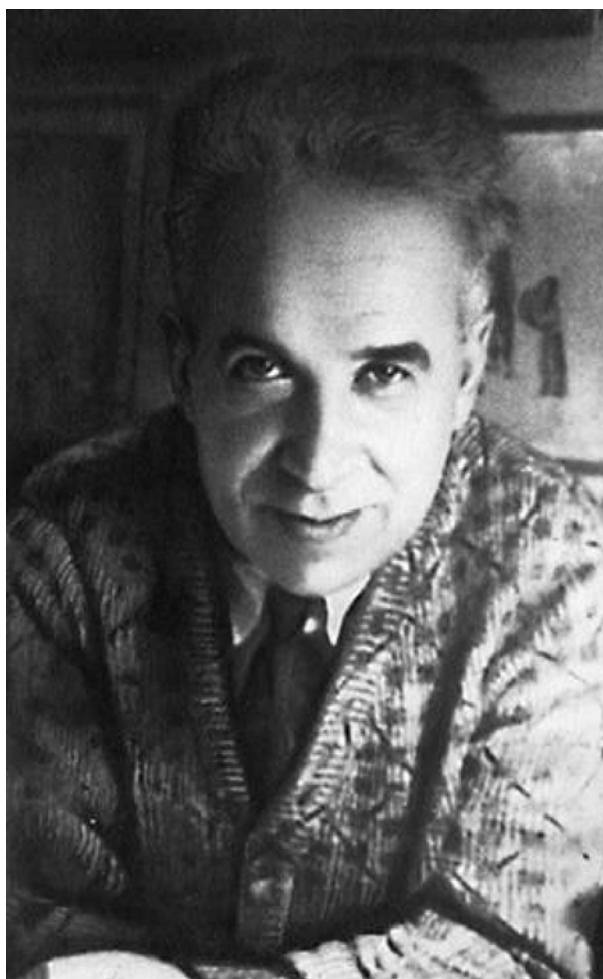
Нынешний юбилей прошел без государственной поддержки. Министерство культуры и другие организации федерального уровня почтили некоторые мероприятия своим присутствием, и не более того... И это, по-моему, хорошо. Хорошо также, что вечер памяти Осипа Эмильевича прошел в клубе писателей, в зале, переполненном истинными почитателями Мандельштама.

ПРЕОБРАЖЕННЫЙ СВЕТ ЧИСТОГО ХУДОЖЕСТВА

Áðéãðéé Áíéñéí íá

Èáí è õááíæíéèè ñàí è èç'ëðäéé æá

(Í ðíðíé Èñéý)

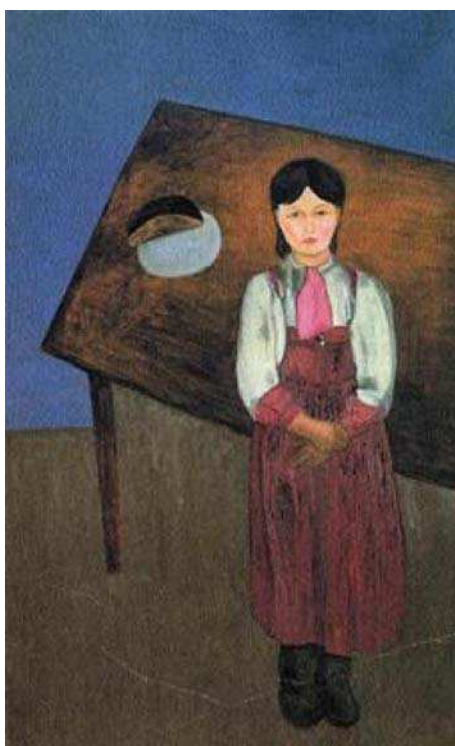
В 2001 году исполняется 120 лет со дня рождения Давида Петровича Штеренберга – большого художника, яркой творческой индивидуальности, одного из признанных лидеров, определявших политику в области культуры молодого советского государства. Разносторонне одаренный человек, живописец, график, художник книги, мастер театральной декорации, Штеренберг работал в Государственном еврейском и Московском драматическом (бывш. Корша) и других театрах.

Изобразительное искусство он изучал в Вене и Париже. В 1912 году жил в знаменитом «Улье», общался с Модильяни, Сутиным, Шагалом, Кислингом.

Выставлялся вместе с Матиссом, Утрилло, Озанфаном на Весеннем и Осеннем салонах, в Салоне независимых. Знал Пикассо и Брака.

Именно в Париже в 1914-м состоялось его знакомство с молодым А.В. Луначарским. В 1917 году заняв пост наркома просвещения, в декабре Луначарский предлагает Штеренбергу, в ту пору художнику в Московском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, новое назначение, «связанное с активной организаторской работой», которой, по словам художника, «он до этого никогда не занимался». Все же решившись принять это предложение, Штеренберг становится правительственным комиссаром по делам искусств, и здесь обнаруживается его блистательный организаторский талант, отзывчивая, заботливая душа.

С одной точки зрения, его жизненный путь успешен: семейная жизнь устроена, таланты раскрыты, достоинства оценены. И все же... Путь этот не был легок, напротив, оказался очень крут. Давид Штеренбергерг переделал столько всякой работы, столько всего пережил, превозмог, что другому хватило бы на несколько жизней. Нужда, лишения, голод, слезки, преследования, борьба за свои убеждения. А учиться мастерству – разве было просто? Однако все пережитое не ослабило, а закалило его. Сил, правда, поубавило, но злобы и ожесточения не породило. Он многое в своей жизни успел. И на все это ему было отпущено 67 лет – до 1 мая 1948 года...

Аниська. 1926 год.

Штеренберг считался художником авангарда и вел себя как последователь этого направления. И по сей день во всех изданиях, посвященных русскому авангарду, Давида Штеренберга относят к лучшим представителям левого искусства. Штеренберг горячо поддерживал радикальных художников – Малевича, Татлина, Филонова, Кандинского, Ларионова, Лентулова, Фалька, Попову. За это на него потоком шли

жалобы, полные враждебности со стороны противников нового искусства. Но Луначарский в обиду его не давал.

Видный критик Абрам Эфрос в своей книге «Профили», изданной в 1930 году, построил свой очерк о Штеренберге мастерски: он как бы задает читателю загадку – а кто же такой этот самый Штеренберг? Откуда он взялся? Вы видели его картины? Говорят, что он фотограф из Парижа... За какие же заслуги его поставили руководить всем изобразительным искусством России? Ответы на все эти вопросы Эфрос не спешит давать, исподволь подводя читателя к самой сути художественной личности Штеренберга.

Пользуясь случаем, хотелось бы коротко сказать здесь и о самом Абраме Эфросе. Личность эта была неординарная, значительная, крупная. Эфрос окончил юридический факультет МГУ, но правоведческой деятельностью не занимался. После февральской революции 1917 года он был назначен помощником хранителя Третьяковской галереи. Потом был председателем комиссии по внешнему благоустройству Москвы.

Много сил отдал Абрам Маркович Эфрос, работая в Комитете по охране художественных и научных ценностей России. Сегодня такой должности не существует, как и самого Комитета. Давно нет в живых и Эфроса, он умер в 1954 году, осуществляя перевод латинского трактата Данте.

Цветы и гипс. 1908–1909 годы.

И вот к какому выводу пришел Абрам Эфрос в своем очерке в книге «Профили»: «...Штеренберг выставил свои работы напоказ не скоро. Он упорно не торопился. Я бы сказал теперь, что он спокойно и даже солидно сживался с русской

художественностью. Он приглядывался и привыкал к ней так же, как она привыкала и приглядывалась к нему. Он выступил со своей живописью только тогда, когда счел, что все готово внутри и вовне. Действительно, то, что мы увидели, было неожиданностью. Прежде всего, его искусство предстало совершенно зрелым. Во-вторых, оно оказалось совершенно своеобразным. Перед нами готовая,вершенная, продуманная, точная всеми своими деталями система».

Пройдя хорошую профессиональную школу, Штеренберг стремился не только к ремесленной «сделанности», но и к духовности, поэтическому звучанию, одушевленности живописи. Его уроки усвоили многие художники, которые учились в мастерской профессора Штеренберга во ВХУТЕМАСе и ВХУТЕИНе.

В 1919 году в Москве открылась выставка еврейских художников – Натана Альтмана, Марка Шагала и Давида Штеренберга. Эта выставка, мне кажется, впервые дала ясное представление о Давиде Штеренберге как о сложившемся и необычном мастере. В последующие годы он будет достойно представлять русское искусство на многих зарубежных смотрах. Штеренберга не забыли, но в его биографии воцарился антракт.

На многие годы творческое наследие было задвинуто в дальний угол – среди других авангардистов 20-30-х годов Штеренберг не составлял исключения. Кличка или прозвище, а возможно и политический ярлык «формалист» надолго прилепилась к Штеренбергу. Слава Б-гу, что он не стал лагерником, не прошел сталинские «курорты». В рецензии на выставку трех еврейских художников отмечалось, что Штеренберг умеет разлагать вещи, как Достоевский души. Что эффекты Штеренберга беспримесны и механистичны, отмечалось умение мастера соединить неожиданный экспрессионизм, рельефную лепку формы свинцовыми белилами и формальные взаимоотношения плоскостей и цветов.

Автопортрет. 1915 год.

Один из влиятельнейших и авторитетных художественных критиков Яков Тугенхольд писал, что натюрморты Штеренберга было бы неправильно рассматривать как чисто эстетские упражнения, как некое сплошное гурманство. «Помимо этого чисто вкусового сладострастия цвета, — писал Тугенхольд, — Штеренбергу свойственен и чисто рационалистический, своего рода объективный подход к вещи. С помощью своей разной фактуры (гладкой, блестящей и шероховатой) он хочет

внушить нам ощущение материальности и структуры изображенных им вещей – дерева, мрамора, скатертей, фруктов, мяса. Равным образом для того, чтобы показать “объективную” форму предметов, он ломает иллюзорную перспективу и показывает их как бы с двух точек зрения (например, округлость стола – сверху).

В этом стремлении к объективности парижанин Штеренберг, наш изощренный современник, соприкасается с наивным “примитивом” далекого прошлого».

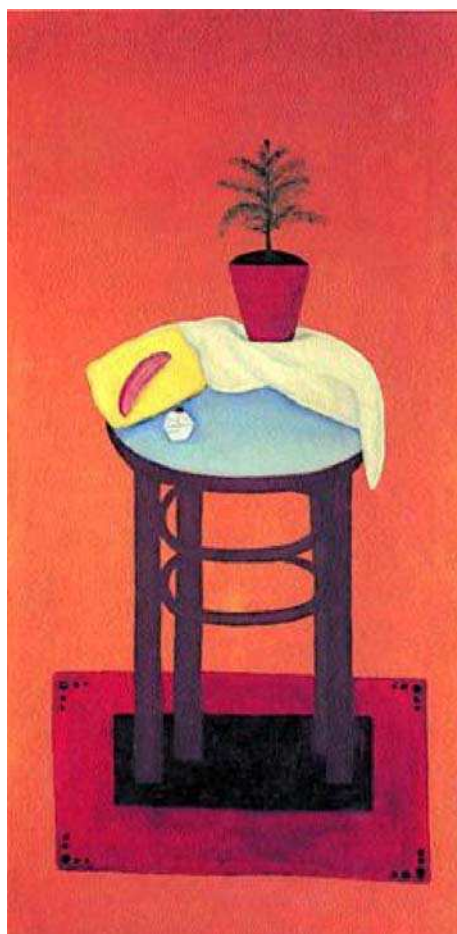
Почему на выставке были показаны только натюрморты? Не обедняла ли эта экспозиция представление о мастере? Оказывается – нет!

Ведь Штеренберг – один из крупнейших мастеров этого жанра.

Гармония форм, внутреннее движение, контрасты цветовых масс составляют штеренберговские образные миры. Они полны любви к жизни, к человеку. Они полны доброты, чего нет в современном искусстве.

Своим отношением к миру, дыханием, глазами, всем своим существом Давид Петрович Штеренберг был художником. Он был за себя спокоен – его жизнь прожита честь честью, спину ни перед кем он не гнул, на сделки с совестью не шел, за выгодой и славой не гнался.

А в его натюрмортах жизнь отнюдь не напоминает нечто застывшее, холодное, бесчувственное. Какой-нибудь зеленый стебель в горшке поет и звенит, торжествующей жизнью своей вселяет в человека веру.

Оранжевый натюрморт. 1916 год.

Когда-то скульптор Николай Никогосян на собрании художников предложил оригинальное и остроумное решение: пусть каждый художник, выступающий с трибуны, поставит перед собой свою работу. И тогда сразу будет ясно – что он говорит и что делает в искусстве. Если мысленно представить себе Штеренберга на фоне его картин, то мы увидим лицо порядочного, добрейшего, значительного человека, знающего себе цену и не умаляющего других. Это лицо человека, который хочет обрести, а не нахватать.

Недавно я читал письмо Казимира Малевича из Витебска к Д.П. Штеренбергу с просьбой о выдаче пайка, который ему полагался как профессору. А в следующем письме Малевич благодарил Давида Петровича за полученный паек. Штеренберг помогал многим – устраивал выставки, приобретал работы для музеев, хлопотал о выезде за границу.

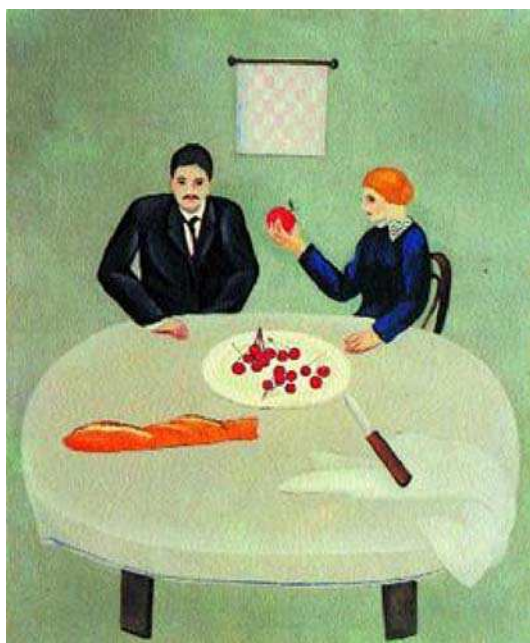
И делал все без шума и помпы. Он отстаивал право каждого художника на новаторство и не всегда разделял крайний радикализм левых художников, которые требовали зарыть «красных передвижников» поглубже.

Почти четверть века прошло со времени большой выставки Штеренберга. Ее долго откладывали, переносили, отменяли. Наконец открыли. Мы пошли туда с Юрием Осиповичем Домбровским, который знал искусство глубоко, любил его и всегда живо интересовался теми процессами, которые происходят в нем. После открытия был стол. Домбровский произнес блестящую речь о художнике, которого он прежде не знал. Свои впечатления он резюмировал коротко: в раю картины Штеренберга

бессмысленны, в аду они попросту невозможны. Они могут быть только в Чистилище. Тудаходишь грешным, мутным, неубедительным. А выходишь чистым, свежим, просветленным. И картины Штеренберга способствуют этому.

Чистилище крайне важно для живых. Именно для живых. Слова писателя имели тем больший вес и значимость, что он прошел все круги ада – застенки, лагеря, три ареста по пятьдесят восьмой статье – за антисоветскую деятельность.

Осень своей жизни художник Давид Петрович Штеренберг встречал невесело. Воодушевленные верховными чиновниками укротители искусства – разных мастей угодники, льстецы, холуи, неистовые ревнители чистоты стиля и метода – не молчали. Штеренберг как мог держался в осаде, но штурм не стихал: художника дергали, нервировали, – и печатно, и устно, вызывали на различные обсуждения, диспуты, разборы и требовали объяснений, ставили в повестку дня «вопрос о Штеренберге». Скорбная мысль наталкивала его на самый простой выход, но жена, сын... Нет, нужно быть терпеливей, набраться домоседской мудрости.

Завтрак. 1916 год.

Бывший председатель художественной коллегии отдела изобразительных искусств, начальник ИЗО наркомпроса Д.П. Штеренберг чудом избежал участи А. Древина, В. Голицына, А. Щипицына, В. Антощенко-Оленева и многих других художников, ставших жертвами сталинских репрессий. Возможно, сыграло тут свою роль покровительство наркома А. В. Луначарского, с которым до поры до времени как-то считались.

Много лет назад я впервые увидел штеренберговскую крестьянскую девочку «Аниську» и сразу полюбил ее автора, еще не зная, кто он. Картина художника поразила меня радостной свободой восприятия мира, искренностью и простотой. Она напоминала песню любви, которая ошеломляет не мелодией, не словами, не голосом певца, а той восторженностью бытия, которая рождается в чистой, щедрой душе.

И названа картина была просто – «Аниська», словно мастер нашел точное имя времени, о котором он хотел поведать.

У стола стоит девочка в малиновом сарафане, в грубых катаных валенках. Она о чем-то глубоко задумалась, традиционно по-крестьянски сложив руки на животе. В ее позе, выражении лица и взгляде есть что-то сиротливое, одинокое, неустроенное. Но жалости Аниська не вызывает. И сострадания не просит. Ее нежный, чистый, типично русский облик с выложенными на лбу темными волосами будто освещен изнутри. Эта девочка несет в себе свет. В ней живет трезвая и суровая вера в добрый мир, живет надежда на то, что все образуется, устроится к лучшему. Вся картина согрета огромным сердечным теплом художника, который спрессовал время в комок. Острый ракурс стола подчеркивал главное – драгоценный хлеб.

«Аниська» Штеренберга очень походит на икону – и по лаконизму, и по выразительности, и по особой пронзительной, щемящей человечности. Живое ощущение красоты и гармонии, пленительность просветленного и собранного облика девочки запоминаются, впечатляют. Художник всеми возможными изобразительными средствами добивается того, чтобы его персонаж воспринимался в реальной исторической среде. Смотришь на Аниську и понимаешь: итак, мы в России, в 20-е годы XX века.

Точный, правдивый, пронзительный документ эпохи оставил нам Давид Штеренберг.

Когда я впервые попал в Москву, Давид Петрович Штеренберг жил на Верхней Масловке с женой и сыном.

Каждый день, когда утро было в разгаре, если не был болен, он отправлялся к себе в мастерскую, которая помещалась на Рождественке. Часть пути он проделывал пешком, потом садился в трамвай. В мастерскую Давид Петрович всегда спешил – ему хотелось поскорей очутиться у мольберта, продолжить начатое или затеять что-нибудь новое. Недостатка идей, замыслов, чувств, которые требовали воплощения на холсте, он пока что в себе не замечал. А потому путь свой проделывал споро, с наслаждением.

Штеренберг любил узкие московские улочки, на которых теснился народ и скрежетали, мелодично позванивая, уютные трамваи, освещенные полосами желтого солнечного света. А больше всего любил детей. С каждым из представителей этого племени он охотно заводил разговор, который становился интересным для них обоих.

– Малыши – вот настоящие люди! – говорил Давид Петрович.

Танец. 1913–1914 годы.

Дети всегда чувствуют искренность, доброжелательность – обмануть их невозможно. Черствых и злых людей они стараются обойти стороной, зато к добрым так и льнут. А Давид Петрович по природе своей был очень добрым, открытым, чистосердечным человеком. Это чувствовали не только дети.

На своем крутом и нелегком жизненном пути он проделал столько всякой работы, столько всего пережил и превозмог, что другому бы и на три жизни хватило. Нужда, лишения, голод, слезки и преследования за политическую деятельность в годы самодержавия, скитания, борьба за свои убеждения – все это не ослабило, а закалило. Сил, правда, поубавило, но не сломило, не родило злобы и ожесточения. Штеренберг был опытейшим мастером художества, владел он своей профессией в совершенстве и отдавался любимому делу с наслаждением. Своим ученикам во ВХУТЕМАСе он говорил:

– Вы не думайте, что я вам все расскажу, покажу – и вы сразу станете художниками. Нет! Учитесь сами, подражайте, пожалуйста, кому угодно, только не мне. Я буду помогать вам своими советами и замечаниями. Главное – это увидеть своими глазами. Добиться «сделанности». Никто не убежит от жизни, которая ему определена. Ищите динамизм, фактуру, цвет. Больше работайте.

Ученики ВХУТЕМАСа в мастерской профессора Д. П. Штеренберга чувствовали, что их зовут к активному пониманию мира.

Больше всего в искусстве Давид Петрович не любил надутых и бездарных дураков, посредственностей, делег, гонящихся за деньгами и легкой славой.

Профессия всегда накладывает отпечаток на облик человека. У Давида Петровича на всех фотографиях лицо добрейшее и значительное, без всякого «наигрыша» и рисовки. Это лицо художника. Человека, который хочет обрести, а не нахватать. Ведь чувства и мысли художника, еще когда он без кисти в руке, концентрируются в формы, в краски, в нечто, чего прежде не было и быть не могло, ибо каждая картина – это представление данного художника о том, что он выбрал из окружающего мира сам. Он нашел композицию плоскости, цветовое решение. И это избранное, выхваченное из видимого мира стало живописью. А в ней-то Штеренберг был к себе абсолютно беспощаден. Он мог целые дни проводить в кропотливой ювелирной отделке и шлифовке каждой своей картины.

Набережная Сены. 1907–1912 годы.

Это умение он воспитывал в себе с юности.

Он ремеслом своим гордился необыкновенно, любил свои простые орудия производства – кисти, краски и понимал, что чисто ремесленническое производственное качество его живописи имеет весьма определенную ценность.

Как мастер он отвечал за каждое свое детище.

Я смотрю на людей, которых писал Давид Петрович, на очень простой и поэтичный мир в его натюрмортах. В самом заурядном цветочном горшке с зелеными стеблями растений у Штеренберга слышится «музыка сфер», ощущается аромат мироздания. Самые обычные папоротники, поднимающиеся к синему небу, скромные парижские дворики – серые, голубоватые, фиолетовые, стена дома, перспектива улицы, распахнутое окно – во всем обостренная зоркость мастера, его повышенная человеческая чуткость, его душевная отзывчивость. Динамичность композиции, контрасты объемов, плоскостей, цвета – в этом Штеренберг неповторим.

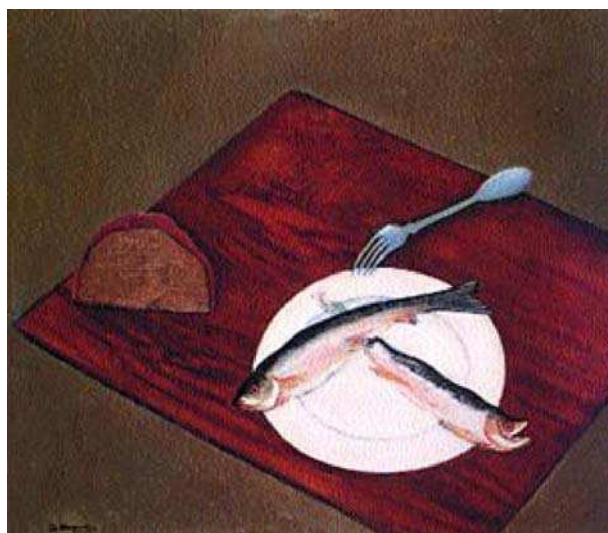
Каменщики. Эскиз к картине. 1913–1914 годы.

Когда кто-то говорил о его работах, Давид Петрович всегда внимательно слушал. Но слушался он только самого себя и делал то, что подсказывала ему совесть художника. Его картины открывают новое понимание формы, пространства и цвета, ритма, музыкальности каждой линии. Он был наследником русской традиции в живописи и преклонялся перед мастерством французских художников. Глядя на живопись Штеренберга, видишь, что мир у него живой, он движется, дышит, пульсирует. Плоскости внезапно наклоняются, взлетают вверх. Формы целесообразны, они накладываются друг на друга, разбегаются, а цвет становится устойчиво духовным и как будто единственным жизненно необходимым. В картинах Штеренберга нет ничего лишнего, изыска. Это всегда особая кристаллическая ясность, радующая глаз.

С самого раннего возраста Давид Петрович проявлял склонности к живописи, все время рисовал и писал красками. По признанию самого художника, обучаться искусству всерьез он начал поздно, с 23 лет. Он совмещал учебу в Академии Витти в Париже и работу за кусок хлеба. В «Автобиографии» Давид Петрович вспоминает: «Настоящую школу художества я прошел в Париже с 1906 по 1912 год под руководством профессора Анри Мартена и испанца Англада Камароза. В 1912 году представил на жюри Весеннего национального салона портрет. Он был принят и получил хорошие отзывы».

Родился Д.П. Штеренберг 14 июля 1881 года в большой и бедной семье в Житомире. Отец его был служащим на постоялом дворе.

Мне довелось быть на родине художника – в Житомире в 1945 году, вскоре после Дня Победы. Город был опрятный, зеленый, безлюдный. Редко проходил по улице человек, еще реже проезжала машина. Большую часть городского населения фашисты угнали в Германию. Мы остановились переночевать у знакомых. Они жили в небольшом деревянном флигеле на бывшем постоялом дворе. Где-то здесь бродил будущий художник Давид Штеренберг. Каким был Житомир в те далекие времена его юности, представить себе не так трудно. Можно, к примеру, перелистать подшивки двух небольших газет – «Житомирский вечерний листок» и «Житомирская минута». Они хорошо и полно отражают атмосферу провинциального города. Житомиру конца прошлого и началу этого века отнюдь не чужды были запросы духовного порядка: впервые в городе шла опера Мусоргского «Борис Годунов», в газетах выражалась радость по поводу улучшения здоровья Льва Николаевича Толстого (это сентябрь 1908 года). Газеты восторженно шумели и о приезде в город Патэ-сына, владельца известной парижской фирмы по производству кинофильмов, и о гастролях комика Зингер-Таля.

Селедки. 1917–1918 годы.

И все же город оставался захолустным. Андрей Платонов писал про такие города, что народ в них существует без спешки, служит с усердием, но ярости в труде не знает. А через 10 лет уроженец Житомира – Давид Петрович Штеренберг станет правительственным комиссаром по делам искусств, войдет в плеяду художников, которые с революционной страстью и яростью будут закладывать основы новой художественной культуры.

Можно вполне представить себе радость Анатолия Васильевича Луначарского, когда в поле его зрения попал молодой живописец Давид Штеренберг в бытность его в Париже, в начале нашего века. Обладатель редкого художественного таланта, повышенной жизненной стойкости, человек острого ума, предельно скромный и даже застенчивый, Штеренберг покорила будущего наркома. Ему очень понравились работы художника, среди которых не было ни одной без пластической идеи, без поэзии и озарения. А узнав, что Штеренберг – выходец из провинциальной ремесленнической среды, Луначарский проникся к нему еще большей симпатией – ведь он и сам был таким же. В милом юноше он увидел одного из тех молодых русских людей, которые ведут в Париже отчаянную материальную и идейную борьбу с жизнью.

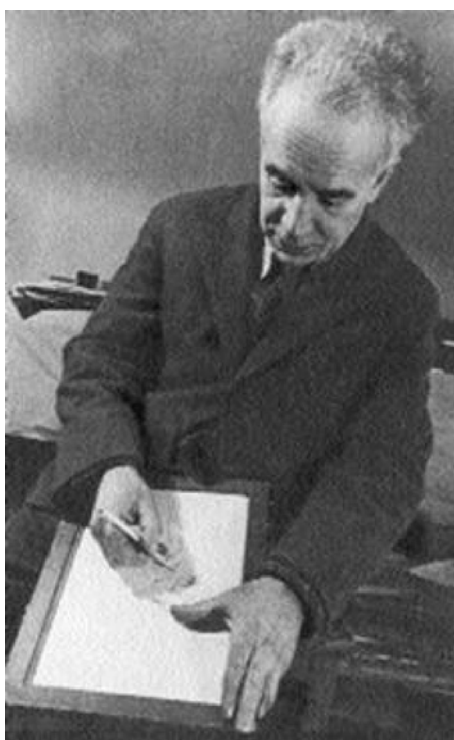

Д.П. Штеренберг. Париж. Конец 1900-х годов.

Я разглядываю старинную фотографию. Это Париж первого десятилетия нашего века. Вот Штеренберг того времени – высоколобый, худой, с густыми черными усами. Веселый, открытый, в белой рубашке, кареглазый, полный планов и сил – таким он запечатлен на той фотографии. Тогда Париж называли «столицей мира». Там мужал талант не одного Давида Петровича. «Он бедствовал, но каждый день я видел его с мольбертом и ящиком – он шел писать пейзажи», – так вспоминает Штеренберга той поры И. Эренбург в своей книге «Люди, годы, жизнь» (И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. М., 1961. Кн. 1-2. С. 214).

Первая жена Давида Петровича – Н. Д. Штеренберг рассказывала, что жили они с мужем в Париже предельно скромно, бедно, нередко голодно. Но от этого мало унывали. Были чисты, бескорыстны и никогда не знали чувства собственной неполноценности оттого, что не имели постоянного жилья, вещей, достатка. Жили дружно и счастливо, потому что были молоды и полны надежд.

Как художник Давид Штеренберг созрел медленно. Он осваивал опыт импрессионистов. Ему нравились светлые и нежные красочные сочетания, радость и ясность образных открытий этих мастеров. По душе ему была и кристалличность формы у кубистов с их прозрачной чистотой тона. У них он учился разворачивать пространство как соотношение предметов, следующих один за другим.

Д.П. Штеренберг. 1930-е годы.

В ранних работах его волновала и проблема передачи движения, что особенно заметно на его картинах «Танец» и «Ночной кабак». Пробуя различные методы изображения, художник больше всего стремился к тому, чтобы пространство в его картинах не было повторением внешнего мира, а становилось новой средой. Штеренбергу важно было истолковать соотношение предметов по-своему: если он рисовал стол, то он распластывал его крышку по плоскости, если изображал чашку или

пирожное, ему важно было передать их выпуклость, фактуру, шероховатость или гладкость.

В своих привязанностях, симпатиях и антипатиях художник никогда не был сектантом – он восхищался Рембрандтом, Матиссом, любовался силой и простотой Домье, Курбе, Милле. Ему были по душе все новейшие завоевания в области искусства. Возможно, больше остальных современников он любил француза Озанфана и голландца Ван Донгена. Это были учителя, товарищи, единомышленники.

После долгих скитаний маленькая семья Штеренберга – он сам, жена и маленькая дочка обрели более или менее постоянное место жительства. Это был знаменитый «Улей» на улице Данциг. Там жили поэты, художники, литераторы из многих стран мира.

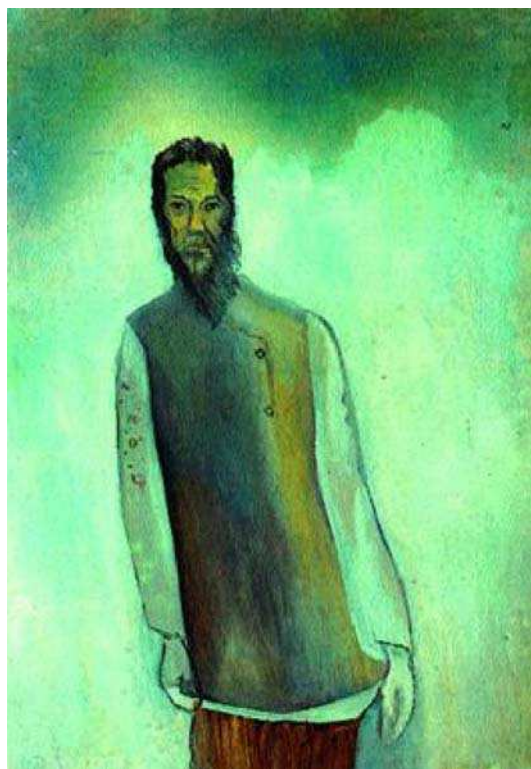
Ничего показного, фальшивого, мертвящего в «Улье» не познавали. Атмосфера чистейшего вдохновения царил там во всех «сотах», а пчелки, как их ласково называла консьержка, были людьми странными, непоседливыми, беспокойными. Эти художники, которых называли поначалу «монмартрской бандой», а потом более уважительно – «Парижской школой», обогатили искусство нашего века. Обитатели «Улья» умели проказничать, шутить, смеяться, сидеть до утра за скромным дружеским столом. В работе они были беспощадны к себе, скидок не делали. Потому в их мастерских и было полным-полно законченных холстов. Это были картины сомнений и открытий, озарений и ошибок, вдохновений и провалов. В каждом авторе были отвага, живая жизнь, мужское начало.

Уже написаны книги о художниках «Улья» – там бывал Модильяни, который умел передать трепет времени и высокую правду человечности. Поразительно праздничный, грустный, нежный художник. Сказочно живописный Сутин, уроженец небольшого местечка Смиловичи, о работах которого мечтают крупнейшие музеи мира. Осип Цадкин, родившийся в Смоленске, – создатель одного из лучших памятников XX века – «Разрушенный Роттердам», ставший символом протеста против насилия, деспотизма, войны, фашизма. Неподалеку от этих гордых, талантливых, независимых художников снимал мастерскую неистовый испанец Пабло Пикассо – их

друг и соратник. Утрилло, Паскин, Ларионов, Гончарова, Руо – все они приходили в кафе «Ротонда», которое стало генеральным штабом мечтателей, художников, поэтов. Владелец «Ротонды» – кабатчик Либион искренне полюбил своих необычных посетителей. Часто кормил и поил их бесплатно.

В те времена А. В. Луначарский писал небольшие статьи в газету «Киевская мысль». В них он рассказывал о художественной жизни Парижа. Такое явление, как «Улей», он не пропустил, назвав его «коллективным гнездом художников и местом наиболее сильного прибоа и наиболее безумных парадоксов». Ставшая уже персонажем нескольких книг, консьержка «Улья» мадам Сегондэ сокрушалась: «Мои дорогие детки, мои милые художнички, почему у вас ничего не покупают, почему вам ничего не платят?»

Заброшенный среди пустырей, окруженный трубами небольших фабрик, «Улей» был расположен неподалеку от скотобойни. Там постоянно слышался вой обреченного на убой скота. И под эту раздирающую душу мелодию в тенистом саду возле дома у мольбертов и каркасов для скульптур трудились молодые художники, которые прославились во всем мире.

Старик. 1928 год.

Марк Шагал в книге «Моя жизнь» вспоминал обстановку «Улья»: «Из мастерской какого-нибудь русского художника слышались, бывало, рыдания разобиженной натурщицы, у итальянцев пели песни и играли на гитаре, у евреев бесконечно спорили, а я сидел один в своей мастерской при свете керосиновой лампы. Тут было полно картин, холстов, то есть, собственно, не холстов, а разорванных на куски моих простыней, полотенец, рубашек. Без сна проходили целые ночи. Горела моя лампа, и я горел вместе с ней. Никто не покупал моих картин. Я даже и не думал, что это вообще возможно». А рядом с Шагалом на втором этаже «Улья» жил Давид Штеренберг. Часто к ним в гости приходил поэт Блэз Сандрар и вел их завтракать.

В книге Жанины Вернод об «Улье» рассказывается: как-то в «Улей» пришел поэт Гийом Аполлинер. Он прошел по коридору, где по стенам сочилась вода, было темно и можно было легко сломать голову в темноте кромешной. Шаггал показывал поэту картины. Их еще мало кто видел. Штеренберг, углубляясь в себя, тихо сидел в углу. Его глаза лучились теплом. Он очень любил Гийома и его поэзию, дружил с ним и был рад каждой встрече. Аполлинер разглагольствовал по поводу живописи, а потом вдруг вопросительно взглянул на Штеренберга и сказал:

– Ах, что я вам морочу голову, давайте я лучше прочту стихи... – И он стал читать:

Ī ū cĭāāī ēbāīāī, ēīōīōāy òāé æá

ēāé māò,

īāīīēīyāò īōīñòōāīñòāī...

B ēbāēb āāī ōāīāēīēē, ēāé òyæāēōp

ēēñòū āēīīāāāā,

ēāé mēīōā, ēāé mī āāē nāūū

cĭēīòēñòīā ōāāòā

Ēbāēp!

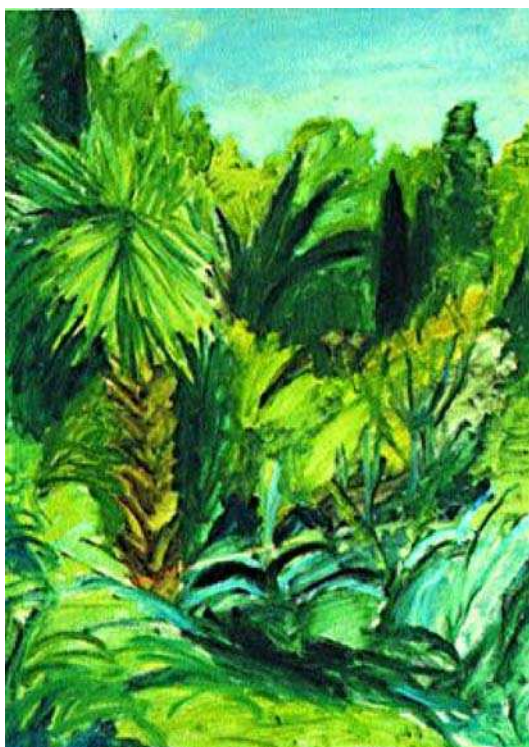
Īāī īīāīā, īīāīā, īīāīā cāōēē īōēīū

īīcāōā;

÷ōīā ēāæāy āōēā āīāīyòē īāōāē

cāó:āēā,

nēīāīī ōāāō ēīēīēīēīū ūé...

Парк. Батум. 1930 год.

Поэт перевел дух, вытер ладонью потный лоб. Шагал мельком взглянул на Гийома, подбежал к нему, обнял.

– Ты умница, Аполлинер, умница, – повторил он с нажимом, – ты пишешь о том, что всех нас волнует. И краски наши тоже должны звучать как удар колокольный – тогда мы выживем! Но нам сейчас помимо стихов нужны статьи в газетах. Нужен покупатель, он сам не идет, его нужно тащить на веревке. Дай хотя бы в разделе хроники что-нибудь про нас. Тогда зашевелятся маршаны... Мы должны продавать свои вещи... Сделай, Гийомчик, благое дело!

Поэт дал слово наладить рекламу...

... Лето в Париже кончалось. Дни еще стояли теплые. Но желтые яркие языки осени уже лизнули деревья. Настроение у художников было светлое, радостное: много солнца, воздуха, трепетных теней под деревьями. У Давида Штеренберга и Марка Шагала приняли работы в Осенний салон. Для Парижа каждое открытие Салона было событием немалым – праздник искусства, встречи, смокинги, цветы, прелестные женщины, охваченные волнением дебютанты, кипящие от злости авторы, которых отвергло жюри.

А.Г. Тышлер в квартире Д.Штеренберга на Рождественке. Конец 1920-х – начало 1930-х годов.

Давид чувствовал себя победителем. Он попал наконец на большие смотрины живописи – все знаменитости будут там! Все к черту! Ура! Пора держаться наравне с великими!

На выставке к нему на всех парах подлетел Аполлинер.

В руке он держал газетный лист.

– Я о вас тут написал, черти, про обоих – про тебя и Марка! Где он?

– Там в толпе, – неопределенно махнул рукой Штеренберг. – Дай хоть взглянуть. – Он нетерпеливо развернул газету. Там была заметка и две репродукции – с его картины «Набережная Сены» и Шагала – «Влюбленные». Когда Штеренберг увидел свою картину – клише вышло не слишком-то удачно, но все равно здорово, – сердце у него радостно прыгнуло. Под маленькой заметкой, где упоминались их имена, были помещены стихи Аполлинера.

Штеренберг, которого кто-то хлопал по плечу, здороваясь, кто-то толкал и теснил, стал с трудом вчитываться в лесенку поэтических строк:

āī ūōēāpūōp ī āēāī ūēēī ē

ōāī īōāōōī ūī ē īāī ūēāī ē.

В.Е.Татлин. 1930-е годы.

Штеренбергу стихи Аполлинера показались необыкновенно нежными. Лирический огонь так и рвался из них. Как это у него? Про разноцветные огоньки Европы? Здорово! Образ нашел какой! Художники в этом мире – тоже огоньки. Погаси их – и наступит крошечная тьма на земле... Настанет пора тупого, скучного благоразумия.

... Внезапно надвинулась война. Ее жесткое леденящее дыхание и безумный лихорадочный жар ощущались повсюду. Во Франции была объявлена всеобщая мобилизация. Мир перевернулся. К сборным пунктам маршировали люди в штатском с вещмешками, узлами, чемоданами. Патетика, свойственная французам, возбуждала всех, даже русских. Раскатывался и набирал силу вой барабанный грохот официального патриотизма. Ушли в армию художники Кислинг, Брак, Дерен, Купка, Фернан Леже, поэт Блэз Сандрар. Они верили, что нужно выполнять солдатский воинский долг. «Кто бы поверил, что людоедство может дойти до такого предела?» – напишет впоследствии Аполлинер, а пока что и он отправился служить в артиллерийский полк. Даже Модильяни побежал на призывной пункт, но его отправили обратно. Только Пикассо видел будущее лучше, чем если бы оно было настоящим, – он уехал в Авиньон, подальше от угара войны и убийства. Сплоченная семья парижских художников, поэтов, дерзких новаторов и единомышленников понемногу распадалась.

Давиду Штеренбергу война была отвратительна. От большевиков он усвоил, что эта война не «освободительная», не «за отечество», не «национальная», как ее пытались представить те, кто ее разжег. Все лозунги были простыми побрякушками для одурачивания людей. Война войне рознь. Пройдет 27 лет, и в 41-м Давид Петрович отправится на призывной пункт в Москве. Военком устало взглянет на него красными, воспаленными глазами:

– Идите домой, папаша. Вам сколько? Шестьдесят? Домой, домой, не мешайте. Вы кто? Художник? Вот и хорошо, воюйте пока кистью. А понадобится – вызовем!

И Штеренберг будет воевать кистью. В «Окнах ТАСС», в Иркутске.

Актер японского театра «Кабуки. 1928 год.

Когда сегодня смотришь на картины Давида Штеренберга, написанные три четверти века назад, или на его натюрморты 20-30-х годов, на ум невольно приходят слова Экзюпери: «На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы». Несмотря на изощренность, изобретательность, сложность пространственных построений, в работах Штеренберга ощущается какая-то земная ось, вокруг которой вращаются созданные художником миры. Главное в штеренберговских мирах – любовь к жизни, к человеку, бесконечная доброта. Жизненная позиция автора полна достоинства, благородства, в ней много бесстрашия. Вся живопись Давида Петровича необыкновенно одухотворенна.

Еще в годы парижской жизни художник написал портрет отца. Это образ высокой человечности и душевной силы. Художник изобразил реального человека, отрешенного от быта и жизненных волнений. Луначарскому, который видел этот портрет в «Улье», лицо отца напомнило лица дожей, а высоко застегнутый пиджак показался костюмом эпохи Ренессанса.

Суперобложка к «Рассказам» И.Э. Бабеля. 1932 год.

«Цветы и гипс», «Цветок у окна», «Ирисы» – в этих натюрмортах того же периода художник персонифицирует духовную сущность видимого мира, любя каждый сантиметр холста. Он пишет этюды обнаженной модели, любясь гармонией форм, внутренним движением, контрастами цветовых масс. В этих работах Штеренберга есть и здоровая чувственность, и жажда любви, и поэтическое обобщение жизни. Художник любит красоту, и, когда пишет обнаженную модель, он думает, что красота есть обещание счастья. Нечего и говорить, что парижские улочки, дворики, набережные, пейзажи юга Франции, воспоминания о Киеве и Житомире – все это обретало в работах художника живую гибкую экспрессию, порой замедленную и выверенную, порой неистовую и темпераментную.

Как-то Роберт Фальк в письме из Парижа обмолвился: здесь каждый шаг нужно отвоевывать, стиснув зубы. Штеренберг это понимал очень хорошо. Он работал упорно, настойчиво, ставя перед собой все более сложные задачи и решая их. Парижские каталоги тех лет дают представление о том, с кем выставлялся Давид Штеренберг. Это П. Боннар, А. Альтман, А. Озанфан, М. Утрилло, А. Матисс, А. Мерке, С. Валадон, К. Ван Донген. Дело совсем не в наборе громких имен – каждый художник идет своим путем. Но сама атмосфера художественной жизни Парижа оказывает на Штеренберга влияние самое плодотворное. Он учится у всех, но не подражает никому.

Портрет М. Гранавцевой. 1930 год.

«Париж стал очень большим центром русской живописи, – отмечал Луначарский в статье “Молодая Россия в Париже” (“Киевская мысль”, 1914, № 37), – к нему притягиваются со всех сторон юноши, жаждущие красоты и творчества. Больше всего притягивает их Париж не своим великим искусством прошлого и не признанным искусством настоящего, а кипением всевозможных, безудержных и безоглядных исканий». Одним из первых среди тех, кто сразу же попал на твердую дорогу и с радостным волнением пошел по ней, Луначарский называл Давида Петровича Штеренберга.

– Вы не только живописец, Штеренберг, но и поэт, мне нравится ваш уверенный вкус, ваша уверенная рука, вы отбрасываете ненужные детали, мне нравится конструктивность в вашей живописи, – так сказал однажды Луначарский, познакомившись с новыми работами художника.

– Это еще не совсем то, – ответил Давид Петрович, – я совсем не такой уверенный, как вам кажется. Я всегда считаю, что написанное мной – только первый шаг к чему-то настоящему. Мне страшно думать об успехе и славе. Я хочу сомневаться и думать только о том, что мне предстоит сделать.

Штеренберг попадает в обойму тех, кого начинают хвалить парижские газеты. Это Сутин, Пикассо, Брак, Модильяни. Штеренберг держится в тени. Возможно, большой успех был бы для него тяжким, губительным бременем, но его талант замечен.

Из «Автобиографии Давида Штеренберга»: «В 1917 году я был приглашен для участия на выставке у Бернгейма в группе лучших художников Франции. В том же году меня пригласили оформить пьесу Гийома Аполлинера – сатиру на империалистическую войну. Работал я вместе с художником Сера и Ирен Лягу. Пьеса и оформление имели большой успех.

Д.П. Штеренберг. 1930-е годы.

После Февральской революции решил вернуться в Россию, несмотря на хорошее положение мое во Франции.

С первых дней моего возвращения стал работать в Московском Совете у Малиновской. Затем был назначен комиссаром Петровского дворца и членом комиссии по охране памятников старины. Но вскоре Луначарский вызвал меня в Петроград, где я был назначен и утвержден В.И. Лениным Правительственным комиссаром по делам искусств.

В первые месяцы шла усиленная работа по сближению художественной интеллигенции с Советами. Дел было по горло: охрана памятников, организация на новых началах художественных школ – от высшей до низшей. Я начисто лишен был возможности заниматься живописью. В 1917 году участвовал на выставке в галерее Добычиной своими прошлыми работами. Первая выставка в России моих работ состоялась не то в 1915, не то в 1916 году. Там было три вещи – портрет и две композиции. Их выставили в Союзе русских художников. Работы прислал из Парижа. В 1919 году участвовал на групповой выставке – Шагал, Альтман, Штеренберг».

Итак, в Россию Давид Петрович вернулся уже вполне сложившимся мастером. Одиннадцать лет, прожитые в Париже, завершили процесс художественного формирования. Иной живописец считает себя мастером, понимая под этим чисто ремесленную сторону дела. По многим высказываниям Давида Петровича видно, что мастерство для него – категория нравственная. А. Эфрос с удивлением отмечал, что Штеренберг оказался вовсе не шумным, не старался давать себя чувствовать, не красовался на виду: если он и лидерствовал, то где-то за занавесом, внутри, неосязаемо.

Выступать с речами Давид Петрович затруднялся, но слушала его любая аудитория всегда с большим вниманием.

Я перелистал некоторые стенограммы выступлений Штеренберга. Мне захотелось услышать его голос. Устами Давида Петровича заговорило само время: «У нас много разговоров о новизне. Спорить о первенстве и принципах мы будем потом. Сейчас у нас общий враг. Вы все знаете – буржуазия развратила художника, сделала его своим наемником, поденщиком, рабом. Мы должны стряхнуть с себя костлявые объятия старой буржуазной культуры. Старое надоело, опротивело. Хватит! Мы создадим новое пролетарское искусство. Каким оно будет – мы еще не знаем. Посмотрим... Не все, что буржуазно – то плохо. И старое искусство знало эпохи расцвета. Демократические элементы принимали участие в создании художественных ценностей, большое участие. Мы видим это участие широких народных масс в искусстве Египта, Греции, в искусстве Древней Руси, наконец, в тех художественных памятниках, которые были созданы в эпохи великих старых коммун Италии, Франции, Фландрии».

Живопись Давида Петровича, появившаяся на выставках в 20-е годы, для многих была новой, неожиданной, своеобразной. Это была законченная, продуманная, точная во всех своих деталях система. Язык его полотно был прост и отчетлив.

– Я считаю, – говорил Давид Петрович, – что художник, который любит кого-нибудь или что-нибудь сам, располагает и нужными средствами выражения. А я начал искать другие средства. Почему? А просто потому, что мне приходилось самому работать, бороться против мертвечины в искусстве, против того, чтобы вещи писались не сердечно, не внутренне. Я не утверждаю, что сделанное мной хорошо. Только набитый дурак может стоять на такой точке зрения. Мой путь может быть неправильным, но это мой путь. Я стремился к простоте, к композиции, к ясности.

Почему я не могу, если мне захочется, дать крестьянскую девушку, еще в начале голода? Мне захотелось дать этот драгоценный хлеб. Я считал правильным такой способ работы. Я считаю нужным сказать, что я сделал большую ошибку: мне следовало бы продолжить, несмотря на все нападки, свою «Аниську». Но меня в известной мере сбили, и я начал делать вещи другого порядка – из хороших чувств, из желания пойти на доходчивость. Я считаю, что мои первые вещи были значительно лучше...

Любое выступление Давида Петровича по вопросам искусства – это исповедь, разговор начистоту, искренний, бесхитростный.

В одном из писем к своей жене – художнице М. С. Гранавцевой Давид Петрович писал: «... Полетим с тобой и сыном обязательно, это чудесное ощущение, и вид земли мой, штеренберговский. Очень интересно... Если бы я мог написать мечту, ведь только это и стоит писать. Я сегодня смеясь глядел на закатные облака: они напомнили мне жженую сиену, которую ты увидела на Волге и так тепло передала. Их было много, и чем ближе к солнцу – тем пылающе они желтели. В них все розовело, и казалось, что гнался петух за быком, загоняя его прямо в солнце». Штеренберг был трезв и точен даже в своем романтизме.

Я разглядываю листки петроградской газеты «Искусство Коммуны». Она пропитана лирикой новой жизни, честной страстью ее коренного переустройства. Статьи А. Луначарского, В. Маяковского, Н. Пунина, К. Малевича. Вот номер от 9 февраля 1919 года. В нем статья Д. Штеренберга «Критикам из Пролеткульта»: «Вы кричите о пролетарской культуре. Вы взяли на нее монополию. Но что вы сделали за все это время в области школы, театра, поэзии, художества, музыки? Ничего.

Вы – пустое место. И если мы, группа молодых художников, создали школы, в которых каждый пролетарий может получить технический навык и, выявив свое лицо, создать новое, то мы имеем право говорить, что мы что-то сделали. Мы, ломая старые формы человеческой культуры, создаем новые, соответствующие новому содержанию. И мы имеем право утверждать, что мы делаем большое революционное дело». В той же газете художник К. Малевич писал: «Наше время огромно – сильно трепещет в нервном беге... Наш двадцатый век нельзя засунуть в кафтан Алексея Михайловича или надеть на него шапку Мономаха».

В то же время, как всякий и значительный и сложный художник, Давид Штеренберг претерпевал определенные изменения. Если сравнить его композиции парижского периода «Эмигрант-рабочий», «Завтрак», «Наш двор», «У реки» с работами «Селедка», «Простокваша», «Женщина на диване», созданными в первые послеоктябрьские годы, станет очевидно, что из картин Штеренберга постепенно уходят элементы кубизма. Его мало интересует точное и прямое отображение эмпирического мира. Художник относится к форме как к результату мощного взаимодействия материала, цвета, пространства. Штеренберг считает, что картина – это своего рода изобретение. Написать ее – значит мобилизовать все элементы. Нужно максимально использовать материал – поверхность, фактуру, упругость, плотность, вес и другие качества материала. Нужно использовать цвет – насыщенность, силу, чистоту, прозрачность и другие качества цвета. И, наконец, нужно использовать пространство – объем, глубину, измерение и другие его свойства. Также нужно использовать время в его пространственном выражении и в связи с цветом, материалом, композицией.

Давид Петрович работал в разных жанрах. Любил он портрет. И говорил, что если нет лица у художника, нет индивидуальности, то не может быть вопроса о портрете. Он приводил в пример Рембрандта и Сезанна, которых сразу можно отличить. Ведь портрет, в конце концов, настаивал Штеренберг, – это биография человека, а не явление момента. У Рембрандта Давид Петрович ценил умение организовать светом формы так, что им подчиняются и руки, и ноги, и голова, и фон.

Никто и никогда не видел Штеренберга грубым, резким, вспыльчивым даже в периоды жизни трудные, переломные. За свои убеждения он стоял до конца. В тяжелые для себя времена не впадал в состояние растерянности, а его привыкшие к работе руки не опускались в безволии.

Давид Петрович обожал Тинторетто и говорил, что этот художник как солнце и сияние его отразилось на многих живописцах.

– В искусстве, – подчеркивал Давид Петрович, – непременно должна жить мысль художника, если этого нет – искусство становится мертвым.

Штеренберг восхищался портретом Эль Греко «Инквизитор» и говорил, что не знает в искусстве портрета ничего более выразительного, более замечательного. Он замечал, что искусство часто развивается вопреки вкусам окружающей среды. Вкусам, которые явно устарели: так было с Рембрандтом, импрессионистами, Пикассо. Его любимцами были Веласкес, Гойя, Ван Донген. И сам Давид Петрович был творцом новых методов живописи. Он нашел собственное положение объема в пространстве. Как художник он представляется явлением совершенно уникальным, не имеющим прецедента ни в русской живописи, ни в европейской. У него был свой собственный метод образных характеристик, свой стиль, свой язык. Ему всегда был присущ дух поиска.

Штеренберг открыл свои формы условности, скрытой символики, подтекста так же, как Ларионов, Петров-Водкин, Шагал, Филонов. Он пользовался художественными приемами, непривычными для реалистической живописи.

Д.П. Штеренберг с сыном Давидом. 1932 год.

В то же время живопись Штеренберга удивительно органично продолжает русскую традицию знаменитых натюрмортов – «обманок». Художника влечет предметный мир, он волнует мастера как некая новая реальность в пространстве. Штеренберг любил жизнь необыкновенно, и в каждой своей работе он ошеломительно нежен. Если бы Штеренберг писал только натюрморты, он вошел бы в историю искусства как мастер глубинного проникновения в скрытую человеческую теплоту предмета. «Натюрморт с вишнями», «Натюрморт со спичками», «Натюрморт с капустой», «Яйцо в рюмке», «Столик и елка», «Натюрморт с сухарями», «Белая ваза на красном фоне» – десятки сюжетов, простых, скромных, будто второстепенных и необязательных, но сколько в каждом из них новизны, свежести, философской и психологической содержательности! И при этом мастер добивается ощущения материала, передает зернистость хлеба, скользкость рыбы, аромат цветка, шероховатость дерева. Одним словом, неповторимую жизнь каждого предмета. Художник любит каждую вещь в натюрморте и хочет добиться уважения к ней зрителя.

Каждая картина, считал Давид Петрович, должна быть замкнутым целым, ее нужно создать средствами контраста цвета, контраста тонов и света.

Когда в 1927 году открылась персональная выставка Д.П. Штеренберга в Москве, искусствовед Я. Тугендхольд в статье, помещенной «Известиями» на видном месте, писал: «... Забота о качестве, о формальном совершенствовании у него на первом плане. Штеренберг – один из самых культурных и тонких наших мастеров» (Известия, 1927, № 65).

Тот же Тугендхольд в другой своей статье, опубликованной в «Новом мире» (1926, № 4), пронизательно заметил, что искусство всегда двигалось вперед не безропотными исполнителями заказа, а бунтарями, ниспровергателями старых вкусов, разрушителями признанных кумиров, отрицателями канонизированных форм. Все это в полной мере относилось к Давиду Петровичу. Открывать новое в каждой картине – с таким девизом Штеренберг прожил жизнь. Он обладал аналитическим умом, острой интуицией, даром прозрения. Это было большое, природное, первоклассное дарование.

В 30-е годы Д.П. Штеренберга упрекали в тяготении к формализму. На одном из обсуждений говорилось, что чайный совхоз, куда Давид Петрович ездил работать, для него такой же безразличный материал для красочного экспериментаторства, как и его «простокваши», «селедки» и прочее. Художника обвиняли в пристрастии к «товарному фетишизму», в тяготении к примитиву. Слышать и читать подобное о своей работе Давиду Петровичу было горько и обидно. Ему, который с восторгом принял Октябрь и был выдвинут в число активнейших деятелей новой революционной культуры.

«А что остается от нас, смертных, – писал Давид Петрович в письме к жене, – как не наши усилия воспеть быстро уходящую жизнь, небо, звезды и любовь к людям?». Сознание своей высокой миссии творца и любовь к людям – вот объяснение многого в живописи Давида Петровича.

А теперь перенесемся из тех лет в наше время. В апреле 2000 года на Неглинке в Центре искусств была открыта большая выставка натюрмортов Д. Штеренберга. Русский музей, ГМИИ им. А.С. Пушкина, провинциальные музеи и коллекционеры сообща составили многокрасочную картину творческого наследия художника, которая не скоро будет повторена. Зрителю была предоставлена счастливая

возможность увидеть лучшее, что создал Штеренберг. А для многих это было истинным открытием. В таком объеме работы художника не собирались никогда.

Для новых поколений людей имя Штеренберга говорит не так много, но художник не забыт, известен на Западе, экспонируется в Третьяковке, в Русском музее, в Музее личных коллекций. Радость и ясность образных открытий, прозрачная чистота тона, духовное наполнение его живописи, необычность зоркого влюбленного взгляда на мир всегда будут приносить зрителю радость постижения окружающего мира.

Картины Штеренберга доносят до нас обаяние личности этого человека, его редкостную доброту, душевную щедрость. И вот я думаю: протяженность человеческой жизни во времени почти ничтожна. Окончилась ли биография Д.П. Штеренберга в 1948 году, когда его не стало? Продолжается? В жизни его картин, в жизни его сына и внука, которые пошли по пути отца и деда?

ПРОЩАНИЕ С ЭРАЗМОМ: ИЛИ БЫЛ ЛИ ЭРАЗМ АНТИСЕМИТОМ?

Øèì ïí Ì àðèèø

Эразм из Роттердама, «король» европейского гуманизма на севере Европы XVI века, или, как его еще принято именовать, христианского гуманизма, был центром моих профессиональных интересов чуть ли не полжизни. Я и переводил его, и комментировал, и писал о нем – и не только для взрослых, но даже для детей школьного возраста. Не стану рассказывать, как и с чего это началось, расскажу лишь о заключительном, по всей видимости, эпизоде этого долгого «романа».

Но прежде чем перейти к заключению, все же немного об истоках.

Эразм очаровал и пленил меня еще в 50-е годы и не навязшей в зубах у любого филолога или историка «Похвалою Глупости», а с совершенно неожиданной стороны – по контрасту с одним гуманистом первой трети XVI века – Ульрихом фон Гуттенем, которого я тоже переводил и который Эразма сперва обожал, а потом ненавидел. Лютому ожесточению Гуттена противостояла прохладная и, как мне казалось, спокойная терпимость Эразма. В 60-е годы я написал очерк о творчестве и мировосприятии Эразма, стараясь, чтобы главным героем моего очерка была все та же эразмова терпимость. Вот почему я был поражен, можно сказать в самое сердце, когда прочитал брошюру базельского историка права Гуидо Киша, изданную к 500-летию со дня рождения Эразма в 1969 году. Киш доказывал, что Эразм был злобный юдофоб, ничуть не лучше врага своих поздних лет Мартина Лютера – сторонника и пропагандиста радикального решения еврейского вопроса в духе нагрянувшего четырьмя веками позже национал-социализма. Вот тебе и апостол терпимости!

Нет, не может быть прав Киш, априори не может! Надо его опровергнуть, а для этого еще раз перечесть всего Эразма, все сочинения и письма, собрать и сопоставить все, сказанное им о евреях, ни на миг не забывая о фоне – об эразмианстве как мировоззрении, столь высоко ценимом немногими лучшими людьми в наш кровавый и подлый век. Я попытался, в меру сил и способностей. Книга «Эразм и еврейство» была написана в 1971-1975 гг. и увидела свет на французском языке в 1979-м в Лозанне и на английском – в 1986-м в Чикаго, в университетском издательстве. На

этом, казалось, все и закончилось: не то чтобы я разлюбил Эразма, но интерес к нему притупился. От XVI-го я перешел к XIX и XX векам, от неолатинской литературы – к литературной продукции российского еврейства на русском языке. С этой последней была связана и тема, под которую я получил стипендию в Будапештском институте продвинутых исследований. В программу Института на 1999–2000 академический год была включена сессия, посвященная Эразму и его роли в интеллектуальном и педагогическом движении европейской цивилизации, и я получил приглашение прочитать годовичную мемориальную лекцию на собрании Эразмианского общества, заседающего каждую осень в конце октября, в день рождения Эразма.

Вот эта лекция и стала для меня почетным прощанием с Эразмом, подведением итога, и о ней я хочу рассказать. Эразмианцы собрались в Нидерландах, но не на родине Эразма, в Роттердаме, а в Лейдене. Поездка в Голландию была своего рода компенсацией за горечь обиды, испытанной больше тридцати лет назад.

Пятисотлетие рождения Эразма праздновалось по меньшей мере три года – с 1966-го по 1969-й из-за недостоверности даты его рождения, но главные торжества прошли в 1969 году в Роттердаме. Благодаря энтузиазму и великодушию, а также и щедрости голландского русиста Карела ван хет Реве я получил персональное приглашение на конгресс в Роттердаме. Тот, кто по возрасту помнит наше постсталинское прошлое, сообразит, что приглашение должно было поступить по официальному каналу, в моем случае – через Союз писателей. Иностранная комиссия этого учреждения велела мне готовиться к поездке. Опять-таки помнящие прошлое, и только они, способны понять мой восторг и возбуждение: увидеть родину Эразма собственными глазами, подышать ее воздухом – это ведь было чудом в 1969-м! Как раз в те дни вышла из печати знаменитая книга Эразма «Разговоры запросто» в моем переводе, полностью по-русски ранее не существовавшая. Я рассказал об этом в инокомиссии. «Вот и замечательно! Принеси-ка нам показать». Я принес. Больше из инокомиссии меня не тревожили: с моим переводом в Роттердам уехал один из самых черных и смрадных антисемитов в писательском союзе – Анатолий Софронов.

С этого эпизода я начал свою мемориальную лекцию, чтобы от антисемитизма XX века обратиться к юдофобии XVI-го. Она была тотальной, не

знающей исключений, нельзя назвать никого, кто испытывал бы к нашему племени мало-мальскую симпатию. Не был исключением и Эразм. Сразу же возникают сомнения и вопросы. Например.

Каждый историк эпохи Возрождения знает имя первого на севере Европы христианского гебраиста Иоганна Рейхлина, старшего современника Эразма, который написал Рейхлину посмертный панегирик. Рейхлин боролся против доминиканцев-инквизиторов, требовавших сожжения Талмуда и других еврейских книг, и эта борьба стала сюжетом прославленного сборника «Письма темных людей» (одним из авторов которого был, к слову сказать, упомянутый Ульрих фон Гуттен).

Так что же, и Рейхлин, заступник Талмуда, ненавидел народ, создавший и Библию, и Талмуд? Да, ненавидел! Его забота о Талмуде была заботой филолога, богослова и христианского каббалиста (Каббала начала привлекать внимание гуманистов еще в предыдущем, XV веке). В остальном же, как утверждают самые авторитетные специалисты и знатоки, Рейхлин мог бы сказать о себе словами одного из Отцов Церкви, также гебраиста не из последних: «Ненавижу народ обрезанных!»

Или вот:

Кто еврей? Ми у Йеуди? Этот вопрос тревожил (и тревожит!) не только раввинов в наши дни и во дни Эразма. Тяжба Рейхлина с доминиканцами была спровоцирована неким наглым выкрестом – так вправе ли гуманисты, защищая Рейхлина, бранить выкреста «дважды евреем» и вообще попрекать его происхождением или крещальная вода смывает все следы еврейства? Можно спросить и по-иному, на более современный лад: еврейство – это религия? Или «раса»? Или то и другое вместе?

Или еще:

Вправе ли мы сегодня, через полвека после Шоа, валить в один адский котел вражду к евреям во все времена, повсюду, без разбора, применяя к XVI веку те же критерии, что к своему XX-му? Или это было бы не просто антиисторизмом, но несправедливостью на грани фальсификации?

Держа в уме все это и многое подобное, я и через четверть века после того как поставил последнюю точку в своей последней книге об Эразме, решаю предложить следующие – все те же! – соображения по вынесенной в подзаголовок теме.

Эразмианство было попыткой осуществления главного принципа Возрождения – «Назад, к истокам!» – на почве религии и, шире, духовной жизни в целом. Истоками же было раннее христианство, которое – всё, полностью! – появилось из противостояния иудаизму. Совершенно естественно, что в диаметральной противопоставлении «философии Христа» у Эразма появляется «иудаизм» – именно в кавычках, потому что этот термин означает в контексте эразмианства не реально существующую еврейскую религию, а некую вневременную абстракцию, основой имеющую антииудейскую полемику в евангелиях и апостольских посланиях, как будто и не было полутора тысяч лет, отделяющих эти тексты от века Эразма. И нацелен этот антииудаизм в кавычках не против евреев-современников Эразма, а против дурных христиан, погрязших в обрядах и пустых церемониях. Можно ли считать эти антииудейские в кавычках выпады проявлением юдофобии? По-моему – нет.

Но, как я уже сказал, Эразм не был исключением, общехристианский дух ненависти к еврею не был ему чужд. Он, этот дух, ведет к юдофобским взрывам, не частым, меньше десятка за всю жизнь, и отразившимся только в письмах, и ни разу – в основных сочинениях. Скажу сразу и без обиняков: взрывы эти мерзки на наш сегодняшний взгляд, по низости и вульгарности вполне отвечают перепалке в автобусе или на коммунальной кухне, но что гораздо важнее – они противоречат самой сути эразмианства: индивидуальному, гнушающемуся «духа» толпы. И каждый из таких взрывов находит себе объяснение в конкретных обстоятельствах момента и в деталях психологической конституции Эразма, далеко не всегда приятных и благостных. Однако о систематическом антисемитизме как важной составляющей мировосприятия (как было у многих современников Эразма, хотя бы у того же Лютера) речи нет и быть не должно.

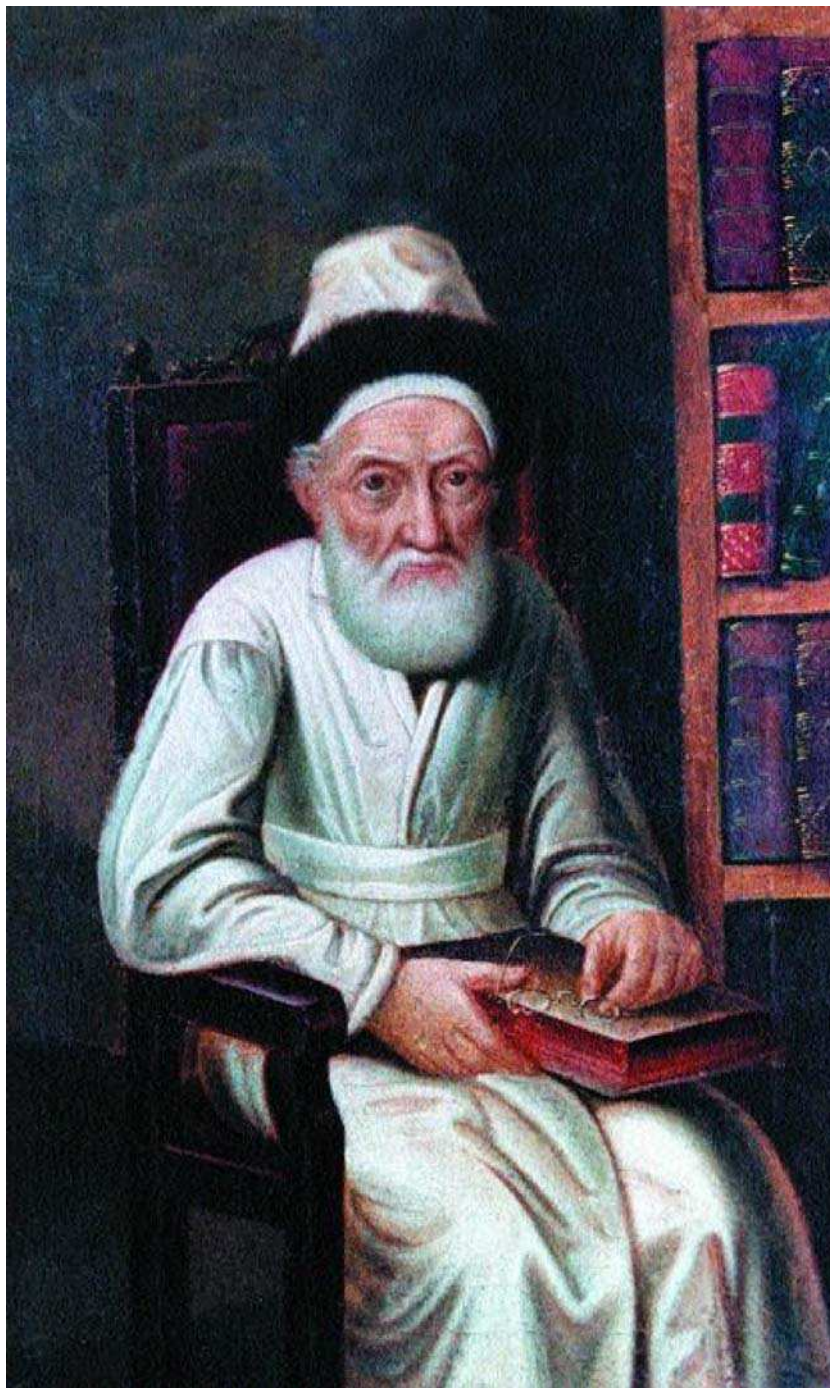
Зато систематически встречаются высказывания – и в сочинениях, и в письмах, где звучит некая отстраненность от евреев-современников: какое, мол, нам, христианам, до них дело, они ничтожно малочисленны и слабы, они не заслуживают нашего внимания, пусть себе живут, как хотят, лишь бы не нарушали законов, которыми мы, христиане, их обуздываем. Что же касается обращения упрямых неверов в истинную веру, Эразм твердо придерживался убеждения, что это дело будущего, дело Б-жественного Промысла, а не человеческих усилий, как предсказано апостолом Павлом в «Послании к Римлянам». Насильственное же крещение, того рода, что учинила инквизиция в Испании, он осуждал категорически.

Получается любопытное сочетание взглядов, несколько напоминающее то, что немцы в конце XIX века называли «асемитизмом», имея в виду холодное невнимание к евреям, исключение их из сферы своих интересов, в противоположность как ненависти, так и симпатии к ним. Нельзя не согласиться, что на фоне раскаленной добела ненависти – доминанты в христиано-еврейском «диалоге» той эпохи, – «асемитизм» Эразма был первым шагом на пути к подлинной терпимости, не только религиозной, но и в более широком смысле признания иного.

Именно в этом смысле мне хотелось бы понимать слова из письма Эразма 1524 года: «Я готов любить и еврея, если только он ведет себя пристойно и не хулит Христа в моем присутствии».

ЦАДИК И АНТИСЕМИТ

Na'ama Aviaeta

В 1976 году в СССР начала выходить многотомная аннотированная библиография «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях». Инициатором и первым редактором этого, несомненно, значительного издания был профессор Московского университета и почетный член Американской исторической ассоциации П.А. Зайончковский (1904-1983). Не ставя своей целью дать углубленную рецензию на это издание, отметим лишь некоторые моменты, непосредственно затрагивающие сюжет публикации.

Нас, естественно, в первую очередь интересует отражение в библиографии истории еврейского народа в России – истории длительной, мучительной и насыщенной. Следует признать, что евреям, как ни удивительно, еще повезло: несмотря на то что принципы составления библиографии и отбора материала носили откровенно великодержавный характер, «еврейская тема» все же иногда возникает, как размытые огни в непроницаемом тумане. Неполнота отбора становится очевидной даже из списка просмотренных составителями периодических и продолжающихся изданий: вы не найдете там ни «Еврейский мир», ни «Восход»... Столь же односторонним представляется отражение в библиографии религиозных проблем, семьдесят лет подряд вызывавших у советских издателей непрестанные пароксизмы неприятия. Как тут не вспомнить слова одного из героев английского романиста Г. Филдинга: «Когда я говорю “религия”, я имею в виду христианскую религию»!

По-видимому, мы имеем дело с исходными установками составителей и далеко не в последнюю очередь – цензурными. Но чуть более детально просмотрев материалы этого издания, мы наталкиваемся на совсем уже странное обстоятельство. Составители пунктуально расписали содержание журнала «Исторический вестник» – одного из ведущих дореволюционных журналов, являвшегося несомненным лидером консервативного направления в исторической периодике на протяжении почти сорока лет. Среди прочих в разных библиографических рубриках мы нашли упоминания публикаций С.С. Окрейца (1836?) – но для его «Цадик Мендель из Любавич» в указателе не нашлось места. А между тем эти воспоминания о встрече мемуариста с рабби Менахемом-Мендлом Шнеерсоном (Цемах-Цедек, 1789–1866) представляют большой интерес. Подобная лагуна имеет вполне однозначный и откровенный характер. Именно поэтому мы предлагаем читателю публикацию этих воспоминаний.

Но прежде следует сказать об авторе воспоминаний. Станислав Станиславович Окрейц занимает в истории русской журналистики, увы, одно из самых отвратительных мест. Чего стоит хотя бы такая деталь: в начале 1887 года наследники Пушкина возбудили против Окрейца уголовное дело, обвиняя его в присвоении чужой собственности – он издал полное собрание сочинений великого поэта в обход финансовых интересов его наследников. Окрейц снискал сомнительную славу «присяжного юдофоба», «пресловутого юдофоба», человека, «в течение многих лет то под собственной фамилией, то под псевдонимом Орлицкого выливавшего в специально создаваемых им органах печати помой на еврейский народ» (Кауфман А.Е. «За много лет», журнал «Еврейская старина», 1913, т.6). Даже Антон Павлович Чехов, не отличавшийся особым филосемитством, называет С. Окрейца «Юдофобом Юдофобовичем», а в шуточной литературной Табели о рангах ставит его на последнее место как «не имеющего чина».

Любопытно, что С.Ф. Либрович, автор книги «Нерусская кровь в русских писателях», считал С.С. Окрейца евреем по происхождению и даже полагал, что тот вырос в еврейской семье. Утверждающий то же самое весьма осведомленный еврейский журналист А.Е. Кауфман пишет, что Окрейц предлагал подвергать евреек принудительным абортам с целью истребления еврейского народа... Сам Окрейц уверял, что он родился в 1836 году в польской семье. Его отец, преподаватель математики в частных учебных заведениях, был в молодости причастен к декабристскому движению, уцелел и навсегда сохранил либеральные воззрения. С детских лет запомнил Окрейц разговор отца с Фаддеем Булгариным: «Ого, друг Христофор (так именовал Булгарин Окрейца-старшего. – С.Д.)! Ты не меняешься и такой же либерал, каким был и в двадцать пятом году». – «Зачем мне меняться? Вот ты так сильно переменялся». Улыбка спала с лица человека, ставшего символом

журналистской продажности. «Ты с Дубельтом (Дубельт – управляющий третьим отделением и начальник штаба отдельного корпуса жандармов. – С.Д.) незнаком?» – «Разумеется, незнаком». – «То-то же! А я как издатель по необходимости знаком. Ну и то, во что верил в двадцать пятом году, прячу подальше».

Для Окрейца-младшего главным жизненным рубежом стало польское восстание 1863 года, к которому он примкнул под влиянием своей невесты – пламенной патриотки. В воспоминаниях С. Окрейца о восстании есть страшный эпизод, рисующий его последнюю встречу с невестой – Аделью Яснопольской. Он потерял ее из виду после подавления восстания. На свои письма к ней он не получал ответа. Однажды Окрейцу на пустынной дороге встретился кортеж – телега с захваченными инсургентами в сопровождении солдат конвоя. И здесь он увидел знакомую фигуру своей невесты, скрывавшей лицо под густой вуалью. Окрейц окликнул ее: «Это вы, Адель? Что же вы молчите? Она откинула вуаль, сдернула белую повязку, закрывавшую один ее глаз, и я отступил в ужасе. Глаз был жестоко выбит, выстегнут, и кровавая рана еще не затянулась. “Что это? Кто это сделал?!” Суровое, как бы застывшее лицо Адели искривилось болезненно, страдальческой улыбкою. Она заговорила... И голос был не тот, не прежний; слова жестки, обрывисты, суровы: “Вы спрашиваете, кто мне выбил глаз? Казак выбил...”».

Любопытная деталь, характеризующая юдофобию нашего «героя»: неудавшийся повстанец Окрейц провалился ночью в болото, и некий «жидок» (по выражению самого пострадавшего), рискуя жизнью, вытащил его из трясины. При этом утопающий не испытал ровным счетом никакой благодарности к своему спасителю. Зато он полной мерой излил свое «остроумие» на евреев, испытывавших чувство страха и перед русскими казаками, и перед польскими жолнерами. Да и вообще везде, где есть евреи, утверждает Окрейц, процветает эксплуатация, жульничество и воровство. В деревнях «холуеватые» белорусы подвергаются еврейскому ограблению, в долговой яме некто Ицко Хапкин обделяет делишки за счет ближних... А уж о пишущей братии – евреях – и говорить не приходится: для них у Окрейца не находится ни единого доброго слова. Вместе с тем следует отметить, что из-под пера даже такого отъявленного антисемита иногда выходили правдивые строки. Так, в автобиографической хронике «Далекие годы» он описывает самодурство польских помещиков, выселявших евреев: «Выселение производилось очень просто: господские люди, под предводительством эконома, шли к еврейскому дому, выводили из него осужденную на изгнание семью... Затем несчастных евреек, детей и стариков со всем скарбом вытаскивали на большую дорогу и оставляли в поле, а дом запирали на замок». Однако таких откровений в творчестве Окрейца единицы.

Возвращаясь к освещению личности р.Менахема-Мендла Шнеерсона в воспоминаниях Окрейца, приведу вначале цитату из письма генерал-губернатора Смоленского, Витебского и Могилевского П.Н.Дьякова шефу жандармов Бенкендорфу; копия переписки хранится в фонде историка С.М.Гинзбурга в отделе рукописей Иерусалимской публичной библиотеки. Вот что писал 9 июня 1841 года генерал-губернатор: «Любавичер (так цадика именовали в документах) проживает с 1813 года постоянно в местечке Любавичах; от роду 50 лет; по слабости здоровья он почти никуда из дома не выезжает; поведения и нравственности хороших; противного правилам в нем не замечают; по-русски он мало говорит и плохо знает этот язык; но занимаясь непрерывно чтением еврейских книг, он так в них сведущ, что евреи секты хоседимов, к которой он принадлежит, и даже миснагиды обращаются к нему с просьбами о разрешении каких-либо сомнений по их вере и поэтому приезжают к нему даже из других мест евреи, которым он изъясняет догматы своей веры и разрешает

встречающиеся сомнения... Он имеет влияние на своих единоверцев, которые питают к нему большое уважение и много доверяют ему из почтения к предкам».

Окрейц на собственном опыте смог убедиться в том, что предсказания р.Менахема-Мендла о его жизни неожиданным образом сбылись, о чем он и пишет в своих заметках. Не пишет Окрейц лишь о том, дожил ли он до глубокой старости, предсказанной ему цадилом. Мы не знаем года смерти Окрейца, но последняя его публикация датирована 1918 годом, когда автору шел уже девятый десяток. Что произошло с ним после революции, неизвестно, хотя как бы то ни было и восемьдесят два года – весьма почтенный возраст. Таким образом, пророчество цадики и здесь сбылось.

Думается, современному читателю будет небезынтересно познакомиться с впечатлениями, которые вынес от краткого общения с цадилом столь одиозный автор.

Этот цадик был если не историческою, то во всяком случае легендарною личностью, известною во всем Северо-Западном крае. Много чудесных рассказов ходило о нем: о его святости, благодаря которой он мог подниматься на целый аршин от полу; о разных исцелениях неизлечимо больных и в особенности о предсказаниях будущего. Губернатору Гамалею он предсказал скорое удаление, а так как Гамалея был братом товарища министра, то это казалось невероятным, однако же исполнилось. Грозный могилевский помпадур внезапно улетучился...

Один из известных в наши дни богачей евреев-железнодорожников тогда (в начале 1860-х годов), рассказывая мне легенду о поездке цадики Менделя к императору Николаю Павловичу в Петербург, с наивным простосердечием добавил:

– Вот вы теперь поедете в Любавичи; может быть, и увидите святого нашего цадики или услышите о нем и сами согласитесь, какой он мудрый и великий человек. Ну, вы знайте: когда святой наш скажет слово, по всей комнате «пах» идет.

Не верите?

– Не верю, чтобы от слова шел аромат. Не верю и тому, чтобы он подымался на аршин от земли. Невозможно это.

– И я не верил. А как он мне сказал, что я буду очень, очень богат и буду жить в Петербурге, а тогда евреям жить в Петербурге не позволялось, и звание такое буду носить, что мне тогда даже стало и смешно, и страшно. А вышла правда. Я теперь очень богат и живу в столице, и мне пишут «ваше превосходительство». Все исполнилось по его слову. Как же тут не верить?!

Мне по делам службы предстояло ехать в Любавичи, и рассказы о цадике Менделе очень заинтересовали меня. В то время я служил в акцизном ведомстве. Подходила еврейская пасха. В Любавичах сын цадика, Залман, устроил завод для выделки пейсаховки, и надо было чаны измерить и пустить завод в ход. Во дни своей пасхи евреи не могут употреблять обыкновенного хлебного вина, а для этого праздника выделывают из изюма или из виноградных остатков так называемую пейсаховку. Даже одна хлебная крошка (хамца), попавшая в пейсаховое вино, делает его трэфным, негодным. По тогдашним акцизным правилам я должен был измерить емкость чанов сперва геометрически шнурком, а потом – водою. Для геометрического измерения надо было влезть в чан, прикрепить шнурок и определить высоту и ширину чана, а потом вычислить. Но в карманах моих могли быть хлебные крошки, лацканы сюртука моего несомненно были подклеены хлебным клейстером, и наконец сам я был трэфной.

– О вей мир! Как же вы это будете влезать в чан и мерить? – с неподдельным ужасом спрашивал меня мой фактор, рыжий Шмуль.

– Так же и буду мерить. Влезу в чан и шнурком...

– Не можно. Вы стрефите все вино. Его приготовляет Залман, сын нашего святого цадика. Как же можно, чтобы у него пейсаховка вышла трэфною? Вы, господин, не должны влезать в чан. Пусть сам реббе Залман лезет и мерит.

Увы, этого не допускал закон. Мерить по правилам инструкции должен был непременно чиновник. В Любавичи я отправился по старой Бабиновицкой дороге, невозможнее и хуже которой, кажется, не найти во всем мире. Довольно сказать, что целых двадцать верст она идет по накатнику, полусгнившим круглякам, вероятно, помнящим еще эпоху, когда по этой местности двигалась армия Наполеона. Справа и слева дороги лежит большею частью непроходимая топь. Местами болото не держит даже собаки. Вы видите в пролесках как бы зеленый лужок. Не доверяйтесь: это окно – бездонная прорва. Сросшиеся корни трав затянули предательское окно слабой плетенкою. Скот, попадающий в подобную прорву, неизбежно погибает. Увязнув в жидком иле, он чем больше бьется, тем скорее выроет себе могилу. Попавшая скотина исчезает, засасывается илом, и предательское окно снова затягивается зеленою плетенкою. Ни следа не остается.

Весна только что начиналась. Был теплый, светлый вечер. Леса казались живыми, столько несло отсюда птичьих голосов и разных звуков; с таким серебристым, веселым журчаньем бежали где-то поблизости невидимые ручейки. Над головою синела бездонная глубина вешнего неба, и по нему мелкие, белые облачка тихо подвигались к закату, полупрозрачные, точно белые крылья гигантских птиц.

–Хороша весна в нашем краю, в верховьях Двины и Днепра, – подумал я и крикнул ямщику: надо было поторапливаться, иначе мы рисковали к ночи не успеть в Любавичи, а ночью еще, того и гляди, могли попасть в проклятое болотное окно.

Взошла луна, зажглись мириады звезд: дорога пошла горой – сухая, и мы последние десять верст проехали довольно скоро.

Но вот и Любавичи – имение князей Любомирских, нестройная куча еврейских домиков, разбросанных по склону отлогого холма. В те дни Любавичи буквально жили своим цади́ком: на поклонение ему съезжались сотни евреев. Добиться аудиенции у святого было нелегко. И многие приезжие жили в местечке недели и даже месяцы, чем и пользовались местечковые еврейчики. Они-то и были главные и самые усердные распространители слухов и целых легенд о мудрости и даже чудотворности цади́ка Менделя. Темная еврейская масса всему охотно верила, но приходило мне в голову: было же что-нибудь особенное в этом человеке, который десятки лет заставлял себе верить? Он рисковал не только учить – это не мудреная задача, но и лечить, и пророчествовать. Как ни легковерна толпа, но одно шарлатанство, одно стремление эксплуатировать темных глупцов не могло бы так долго продержаться...

Дом цади́ка стоял на местечковом базаре, двухэтажный, большой. У Менделя было несколько женатых сыновей и даже внуков. Огромная семья жила и ютилась около и за счет своего чудотворца-главы. Вообще все население местечка составляло как бы его собственность, его гвардию и придворный штат. Местный становой и тот был до известной степени к его услугам. Влияние еврейских крезов в губернии было велико, и не становому по силам было противостоять ему. Акцизное

ведомство было в те поры внове, и мне приходилось действовать против евреев, да еще и в ритуальном вопросе.

Сопротивляться открыто еврею, конечно, не смели, но противодействия я непременно ждал. Я знал, например, что в Шклове, этом застарелом гнезде контрабанды, фальшивых денег и т.п., один очень усердный чиновник особых поручений приехал здоровый, переночевал и на другой день умер от какой-то таинственной болезни. От какой? – этого не мог добиться даже губернатор Гамалея, несмотря на всю свою энергию.

– А в самом деле: лазить ли мне в чан самому и трепать их пейзаховку, или не делать этого? – приходило мне в голову, когда я проезжал по базару и смотрел на ярко освещенные окна палат цадика и на темную, большую толпу евреев, толпившуюся у крыльца. – Ведь это же сила, и с нею придется считаться. А ради чего? Вопрос, как и кому чаны мерить, – почти не затрагивает интересов казны.

– Да вы как-нибудь уладьте, – говорил окружной надзиратель, поручая мне это дело. – Не очень ворошите это осиное гнездо – этих любавицких цадикистов. Ну, конечно, мы не имеем права отступать от правил, а посему...

Посему логически следовало мне игнорировать ритуальную сторону дела и придерживаться чисто формальной. Начальство всегда было и остается сфинксом. Угадывай! Теперь, пятьдесят лет спустя, многим, вероятно, покажется смешным мое колебание. Но тогда время было иное.

Не успел я остановиться на постоялом дворе, как дверь моего номера отворилась, и вошел толстый еврей, в чулках и пантуфлях, в длиннополом черном кафтане, в бархатной ермолке, из которой поэтично вились великолепные локоны-пейсы. У него был большой нос, оседланный серебряными очками, маленькие пронизательные глаза и манеры осторожной кошки, пробирающейся к сливкам.

– Поверенный Залмана Рабиновича и управляющий его заводом пейзаховки, – отрекомендовался мне пришедший.

Я предложил ему сесть. Еврей сел, поправил очки и почему-то вздохнул.

– Вы приехали мерить чаны?

– Приехал.

– И будете мерить сами?

– Разумеется, сам.

– И влезете в чан?

– И влезу в чан.

– Пхе! – произнес еврей и вздохнул на этот раз очень глубоко.

Помолчав немного, он достал из-за пазухи сторублевый кредитный билет, расправил его и положил на стол, слегка прижав тяжелым подсвечником.

– Это что? Зачем вы кладете мне на стол деньги? – спросил я.

– Зачем? Ну, а вы зачем хотите влезть в чан и стрелить нашу пейзаховку?

– Я должен так поступить.

– И я должен положить вам деньги на стол, – невозмутимо продолжал еврей.

– Вон! – закричал я. – Берите ваши деньги и убирайтесь, или... – рука моя протянулась к шандалу.

Поверенный Залмана Рабиновича торопливо схватил свои сто рублей и исчез за дверью.

Я заходил в волнении по комнате: попытка подкупа была груба, дерзка и оскорбительна. Как низко они нас ставят, эти евреи, – думал я.

Увы, с чиновниками тогда не церемонились, и оценка их совести до наивности была проста. Но я был очень молод и посулил толстому еврею в серебряных очках вдогонку дюжину чертей и прочего.

Через десять минут дверь номера снова осторожно приотворилась, показались серебряные очки, толстый нос и пейсы еврея.

– Ну, теперь можно вам сказать?

– Говори.

– Может, вам показалось мало, господин акцизный. Я могу прибавить еще пятьдесят рублей.

На этот раз попавшаяся мне под руку калоша полетела по адресу поверенного и управляющего заводом пейзаховки. Он укрылся за дверью, и я отчетливо слышал, как он с клятвами уверял, что он больше дать не может, что дело и этого не стоит. И какая же выгода гнать пейзаховку, если так платить? Пусть реббе Залман сам идет! Пусть сам говорит с господином акцизным, а я больше дать не могу... Произнеся эти сетования, еще больше меня рассердившие, еврей с серебряными очками и черными пейсами ушел.

Он никак не мог допустить решительного отказа взять взятку в 150 р., а только волновался, приписывая мой отказ жадности и желанию содрать побольше.

Тогда с евреев – и с одних ли евреев! – драли все и за всё; драли маленькие и очень большие чиновники. Даже архиерею в Могилеве один трактирщик пожертвовал несколько сот рублей на бедных, и только тогда законом указанное расстояние между его питейным заведением и собором оказалось достаточным.

Я распорядился, чтобы наутро все было готово к измерению завода, написал отношение к приставу и собрался лечь спать. Но лечь так скоро мне не удалось. Становой в полночь явился сам ко мне и помешал.

Мы были знакомы. Седенький, дохленький, маленького роста, подслеповатый старичок начал без предисловия, с оника:

– У вас был этот дурак Хаим? И предлагал деньги?

– Был и предлагал.

– И вы запустили в него калошей?

– Запустил.

– У него подбит глаз. Жаловаться хочет. Знаете: ваше ведомство внове, подбор служащих редкостный.

Становой поцеловал кончики своих пальцев для выражения, как хорош подбор акцизных чиновников.

– И вдруг побои. Согласитесь: нехорошо. К вам явился управляющий заводом спросить, когда приступите к измерению, а вы его калошей. Это, конечно, вздор. Его не мешает и палкой, этот Хаим такая дерзкая скотина. Но послушайте меня, старика: дело надо уладить.

– Уступить бессмысленному требованию евреев или взять взятку? Так что ли по-вашему?

– Зачем вам брать взятку, коли не желаете? Деньги не пропадут, их возьмут и без вас.

Становой курил трубочку-носогрейку, улыбался очень добродушно и напустил такое облако дыму, что за ним, как за занавеской, скрылась его лисья мордочка.

Он продолжал:

– Завтра у вас будет сам реббе Залман Рабинович.

– Скажите ему, чтобы он лучше не приходил, если думает предлагать мне деньги.

– Будьте спокойны. Он денег не предложит. Я уже объяснил, что господа акцизные чиновники получают такое большое содержание, что денег не берут.

– Только по этому одному и не берут?

– Уж я там не знаю, почему еще не берут. Но Залман хочет с вами переговорить, выяснить вопрос. А Хаима он ругал и за этого дурака извинится.

Залман Рабинович оказался очень порядочным человеком. Пейсы у него были, но маленькие; на ногах не пантуфли, а сапоги, и кафтан больше походил на кафтан русских купцов, чем на еврейский лапсердак. Прежде всего он извинился за Хаима, прибавив:

– Он дурак, но, господин, как же иначе: с нас все и за всё берут. Каждый свой шаг мы оплачиваем. Вот мой отец живет в Любавичах. Старый, ученый он человек, святой жизни, а сколько приходится платить, чтобы его не тревожили. Исправник получает, становой получает, в Могилев посылаем. Недавно оршанский доктор потребовал, чтобы и ему платили, иначе говорит: «Донесу, что Мендель лечит, не имея права». А как он лечит? Разве он дает лекарства? Пхе! Он только помолится и руки кладет на голову болящих.

– И помогает? – не утерпел я спросить.

Залман затруднился с ответом.

– Кто верует, тому помогает. По вере твоей будет тебе. Так, кажется, у вас в писании сказано?

– Именно так. Но вы, Залман, разве знакомы с Евангелием?

– Читать не читал, а слышал.

Скоро мы перешли к главной теме, обоих нас занимавшей: к измерению чанов. Залман поставил вопрос прямо: будет ли нанесен убыток казне, если чаны вымерит еврей в моем присутствии и по моим указаниям? Я должен был сознаться, что никакого тут злоупотребления и от сего убытку казне произойти не может.

– Тогда зачем вы, господин, хотите испортить пейзаховку и влезть в чан сами?

– Правила этого требуют. Наконец это же вздор! Чем пейзаховка испортится, если я влезу?

– Вы сапоги не снимете, не дозволите перетрясти ваши карманы: не осталось ли в них хлебных крошек?

– Конечно, нет, не позволю, – возразил я.

– Все в законе важно, господин. Все важно, или нет закона. Сегодня одно, завтра другое найдут неважным: сегодня один, завтра – другой что-нибудь отбросит, и здание всякого закона начнет разрушаться. Вы не обидитесь?

– Говорите, пожалуйста.

– Ну, вот ваши умные люди говорят, что в ваших церковных обрядах то и другое устарело, можно не исполнять, постов не держать, в церкви образованные у вас не ходят, или если ходят, то не молятся. Вера слабеет... Стали ли ваши от этого лучше? Хуже стали. Мы должны охранять от этого наше еврейство. Наше отечество, крепость нашего племени – наш закон. Зачем его ослаблять? Отбрасывать сегодня одно, положим, пустое, вздорное; завтра – другое, послезавтра – третье, и весь закон поколеблется. Думаете ли вы, что евреи станут лучшими, когда свой закон перестанут исполнять, станут жить без закона?

В свою очередь я затруднился ответить.

– Ну, вот видите, господин, – сказал Залман, заметив мое колебание. – Позвольте же мерить чаны подрабинку. Он уж знает, как надо это делать.

В уме моем родилась идея: не удастся ли мне, воспользовавшись случаем, добиться аудиенции у цадика Менделя? Любопытная личность. Видеть стоит. Года три назад приезжавший в Любавичи вице-губернатор Буцковский хлопотал, да так и не увидел цадика, удовольствовавшись, как рассказывали, каким-то подношением. На мою просьбу взамен уступки при измерении чанов устроить мне свидание с его отцом Залман сперва решительно отказал: «реббе Мендель – столетний старец, больной, в постели, по-русски не говорит. Зачем вам его видеть?». Но когда я дал слово, что никакого глумленья или удовлетворения праздного любопытства не имею в виду, а просто заинтересован личностью знаменитого раввина, Залман обещал поговорить с отцом. Собираясь уходить, очень обрадованный улажением дела с измерением чанов, он после разных оговорок и колебаний сказал:

– Мне надо сказать отцу, зачем вы хотите его видеть. Так только, чтобы посмотреть, это не годится. Старик заупрямится. Я скажу ему, вы позволите? Скажу, что вы хотите знать вашу судьбу.

– Скажите и так. Но я не верю, чтобы для человека существовало предопределение, а потому и предсказать будущее невозможно.

На губах Залмана промелькнула улыбка.

– Многие не верили, и однако пришлось поверить, когда предсказанное сбылось. В истории записаны сбывшиеся предсказания, и в Библии об этом упоминается.

Против этих аргументов спорить я, конечно, не мог.

По окончании измерений на заводе Залман заехал за мною и повез меня к отцу. У крыльца дома цадика толпилась громадная толпа евреев. Если бы меня не сопровождал реббе Залман, пробиться сквозь эту толпу мрачных и озлобленных фанатиков явилось бы делом очень рискованным. Виднелись возбужденные лица и гневно блестящие глаза.

Даже тени насилия над личностью их святого цадика евреи не оставили бы без отмщения. Много лет спустя подобного же настроения толпу я видел в Кронштадте вокруг отца Иоанна. В обоих случаях изуверы ничего не брали в расчет, всему верили и готовы были на все из-за своего идола. Толпа в Кронштадте состояла из христиан, но она, пожалуй, была еще страшнее и свирепее толпы любавицких хасидитов, волновавшихся у дверей цадика Менделя.

Залман провел меня через несколько комнат, переполненных сборной мебелью. Тут были зеркала ампир и еще более древняя венецианской работы мебель, обитая странной, давно вышедшей из употребления волосяной материей; тяжелые кресла красного дерева с жестким, как камень, сидением и новомодные кушетки и лежанки – и все это было не поставлено, а наставлено. С потолка спускались бронзовые люстры работы мастеров давно минувших эпох; стояли по углам канделябры, коим по их редкости цены не было, с воткнутыми в них грошовыми шабашовыми свечками. Не только статуи, которых благочестивые евреи не допускают как идолов, не было на стенах даже картин. На всех косяках дверей приколочены были бумажные сверточки с завернутыми в них заповедями. К каждому сверточку, проходя, Залман прикасался пальцами. За нами шло несколько евреев, старых и молодых, подрабинков, учеников, как я узнал после. Они переговаривались очень тихо. Шли мы по тяжелой ковровой дорожке так, что шагов совсем не было слышно.

У последних дверей, попросив меня подождать, Залман, приотворив их, не прошел, а осторожно проскользнул в следующую комнату. Ждать пришлось сравнительно долго.

– Наш цадик молится, – сказал мне один подрабинок с длинною седою библейскою бородою, на мой вопрос, долго ли ждать.

– А если я попробую войти?

– Ох, как можно! – заволновались евреи. – Пока святой человек не дозволит, мы вас, господин, не пустим. Как можно!

Другой подрабинок, черный, низкого роста, с черными злыми глазами, добавил:

– Не говорите громко. Нельзя. В прошлом году приезжал в Любавичи из Могилева Гирша Цукерман. Знаете: очень большой богач, пуриц (барин) и хотел вот как вы, войти, не дожидаясь позволения. Ну, и знаете, что случилось?

– Что же случилось? Вы не пустили?

– Зачем мы не пустили? Он отворил дверь, а наш святой раввин, как увидел его, махнул на него рукою, и точно ветром сильным оттолкнуло Гиршу Цукермана от двери. Не устоял даже на ногах, а он – такой здоровый, большой. Мы его вывели под руки на крыльцо, отдышался насилу. Так и уехал, не выдав реббе с Менделя, а две тысячи на бедных пожертвовал. Как будете в Могилеве, сами спросите Гиршу Цукермана, он вам скажет.

Но Гиршу Цукермана мне спросить не пришлось: точно ли его за дерзость оттолкнула от дверей комнаты цадика сила, похожая на сильный ветер?

Из полуоткрывшихся дверей показалась голова Залмана Рабиновича, и он вполголоса сказал мне:

– Пожалуйста. Отец вас готов принять.

Ни один из сопровождавших наше шествие подрабинокв вслед за мною не вошел.

Комната – кабинет раввина Менделя, в которой я очутился, была большая, четырехугольная, очень светлая: по двум сторонам ее было прорезано по три окна. Меблировки почти не оказывалось. Стояли только вдоль одной стены простые шкафы с полками, заставленными фолиантами: Пятикнижием, написанным на телячьей коже, собранием талмуда и т.п. Между двумя окнами стоял большой диван. На нем, обложенный бебехами (подушками), сидел маленький старичок. Он был весь в белом, гладкий череп прикрывала шапочка: пейсы были жиденские, пожелтевшие от лет, но лицо не казалось пергаментным, как обычно у стариков, оно только было очень бледно, как бумага, без кровинки. Глаза, когда раввин их устремил на меня, удивили меня: это были не только зоркие, но и молодые глаза.

В противность легенде, что цадик Мендель, при помощи своей святости, поднимается на целый аршин от пола, он очевидно не мог даже сам подняться с подушек. Два подрабинка, безмолвно и почтительно стоявшие у окна, подхватили и приподняли старика.

Цадик посмотрел мне в глаза и что-то проговорил. Один из подрабинков сейчас же перевел мне сказанное:

– Наш святой раввин говорит, что вы будете долголетни на земле.

Затем цадик заговорил отрывистыми, короткими фразами на древнееврейском языке, как я узнал после.

Подрабинки переводили, торопясь и перебивая друг друга.

Я услышал следующее:

– Вы скоро уедете далеко, далеко на север, перемените род занятий; сначала подвергнетесь большой опасности, но счастливо избегнете несчастья. Не женитесь здесь, как предполагаете, а женитесь там и будете жить счастливо и в согласии, и у вас родится двое детей, добьетесь богатства и потеряете его, сделаетесь известным человеком. Идите с миром...

Цадик Мендель умолк, опустился на подушки и закрыл глаза.

– Отец очень утомился. Он стар и слаб, – шепнул мне Залман и, взяв меня под руку, вывел из кабинета цадика.

В столовой мне предложен был завтрак. Мне очень хотелось есть, но воспользоваться предложенными яствами не было возможности: стояло блюдо шуки, приготовленной с шафраном и перцем, цимес (брюква, тоже с перцем и луком), кугель (запеченная лапша); стояли бутылки вин с золочеными ярлыками, но с содержимым, нимало не напоминавшим виноградный сок, а скорее спирт и тот ром, который никогда не видел Ямайки. Было много варений, и между ними редька, варенная на меду. Довольно противное лакомство.

Теперь «цивилизованные» евреи ничего подобного на стол не подают и не едят. Но тогда, полстолетия назад, это было как бы обязательно.

Вечером я уехал из Любавич и, признаюсь, сейчас же забыл предсказания старого цадика. Зачем мне было менять мое обеспеченное положение в акцизном ведомстве? Управляющим акцизом в Могилевской губернии был мой близкий родственник Т.Т. Глу-ий; я был почти жених, влюблен, молод...

Светло и отрадno развертывалась жизнь. Север вовсе меня не манил.

– Нагородил старый цадик вздору, которому могли поверить разве невежественные, темные хасидиты, – решил я.

И, однако же, странные предсказания начали сбываться.

Наступил 1863 год. Я точно подвергся большой опасности и счастливо избегнул ее, но не избегнул разрыва с той, которую любил... Муравьева в Вильне сменил далеко не равный ему по уму и административным способностям К.П. Кауфман, и приказано было всех чиновников римско-католиков уволить.

Я очутился в отставке и волею-неволею уехал на север. В Вильне познакомился с Ад.Карл. Киркором, основателем газеты «Новое Время», переехал в Петербург и сделался русским литератором. Я был первым, по времени, секретарем редакции «Нового Времени».

Добился ли я состояния, как предсказывал цадик Мендель?

Да, добился. У меня было три дома в Петербурге: на Николаевской ул., № 41, на Кирочной, № 37 и на Мещанской; было издание («Луч») с 20 000 подписчиков. Но когда разразилась катастрофа в Кредитном обществе, и воцарился в нем директор Шауман (ныне покойный), господин с почти еврейской бородой и еврейской физиономией, как я писал о нем, мои дома исчезли в том шаумановском водовороте,

который похоронил состояния многих петербургских домовладельцев, державшихся старо-кредитной партии. Журнал «Луч» очень ловким маневром вырвал у меня г. Шендер-Вольф. Состояние мое улетучилось, как дым. Я женился и очень согласно живу уже десятки лет. Здоров и сохранил голову, хотя мне идет уже восьмой десяток лет. До сих пор все предсказания цадика Менделя из Любавич исполнились.

Скажут: случайное совпадение. Может быть. Но совпадение, согласитесь, очень странное, и приходится повторить стих Шекспира:

Есть много на свете, о чем не снилось нашим мудрецам.

Вот еще небольшое добавление к моему рассказу.

В половине восьмидесятых годов мне пришлось платить проценты и менять вексель в банке того самого еврея из Орши, которому цадик Мендель предсказал, что он не только будет богат, но и титул получит весьма почтенный.

В конце пятидесятых годов предсказывать еврею, что он будет «превосходительством», конечно, было более чем смело.

Предсказание сбылось, однако. Когда я встретил в Петербурге в «собственном банке» моего оршанского знакомого, в пышном кабинете, где все было бархат, палисандр и бронза, мы разговорились о старине. А не видались мы лет двадцать пять. Вспомнили цадика Менделя и его предсказания.

– На мне исполнилось все, что он предсказал, – заявил мой знакомый и обвел глазами кабинет.

Ему в эту минуту поднесли на серебряном подносе письма. Очень солидный господин, которого титуловали бароном, стоя, почтительно докладывал ему какие-то бумаги.

– На мне тоже почти исполнились предсказания любавичского прозорливца, – возразил я. – Но заметьте – почти, а не совсем: он мне предсказал, что у меня будет двое детей. Детей у меня не было и наверное не будет. Прореха есть, как видите, и в предсказаниях мудрого Менделя.

Директор банка, si-devant, мой оршанский знакомый, подумав минуту, со свойственной евреям находчивостью заметил:

– Ну, вы ошибаетесь: предсказания исполнились все. У вас от жены нет детей, но Мендель и не предсказывал, что они у вас будут непременно от жены. Можете ли ручаться, что у вас не было побочных? А, как скажете?

Я рассмеялся: евреи вообще мастера на софизмы и на объяснения, если и остроумные, то очень часто рискованные.

Впрочем, я должен повторить: предсказания мудрого Менделя из Любавич на удивление сбылись. Судите, как хотите, но они сбылись...

À îôîðî äáí èè èñîîüçîááí íú

ôîôîãðòèè äðäéîèè ì äîð:äè

D. Àèøíýèà

ГЛЮКЕЛЬ ФОН ГАМЕЛЬН: РАССКАЗ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Продолжение.

Начало в № 103 – 111.

Книжка четвертая

I

Тем временем подросла дочь моя Хана. Это был очаровательный ребенок. Позднее я, возможно, расскажу о ней подробнее.

Примерно в те дни корабль, плывший из Ост-Индии с грузом неограниченных алмазов, попал в руки Короля Датского и был приведен в Глюкштадт. У членов команды карманы были набиты драгоценными камнями, и евреи торопились поскорее купить их по дешевке.

Двум евреям стало известно, что добрая часть драгоценных камней попала в руки некоего бюргера из Норвегии (по-моему, он был булочник). Негодяи задумали ограбить его и отправились за ним вслед. Наведя справки, они быстро выяснили, где проживает бюргер, завязали с ним знакомство и напросились ночевать. Очень быстро вычислив, где он прячет свои сокровища, ночью они изъяли алмазы из тайника, а на рассвете покинули дом, наняли на берегу шлюпку и уже считали, что счастливо завершили авантюру.

Но Всемогущий Г-сподь решил иначе. Проснувшись поутру, бюргер поинтересовался у слуги, что поделявают его гости. Тот отвечал: уехали чуть рассвело. Бюргер, естественно, денно и ночью только и думавший о сокровищах, кинулся к заветному сундуку и обнаружил, что там пусто! Он сразу же заподозрил гостей в подлой краже. Бросившись в порт, он стал спрашивать, не видел ли кто-нибудь двух евреев, нанявших шлюпку и вышедших в море. Да, сказали ему, шкипер такой-то час назад вышел с пассажирами в море. Не теряя времени, бюргер нанял лодку с четырьмя гребцами и пустился в преследование. Вскоре показался ялик с двумя ворами. Заметив преследование, они побросали все драгоценности в море. Бюргер вскорости нагнал их

и невзирая на протесты заставил вернуться на берег. «Что вы делаете? Побойтесь Б-га, что вы делаете? – кричали они. – Мы – честные люди, и у нас не найдут ничего, что принадлежало бы вам, а мы, будьте уверены, сумеем отомстить за это оскорбление». Они полагали, что поскольку сокровища теперь на морском дне, ложь их не откроется.

Однако сказано в десяти заповедях: «Не укради». Поэтому Г-сподь, да благословенно Имя Его, не помог им. В порту евреев раздели и обыскали, но они продолжали утверждать, что непричастны к краже. Тогда их подвергли пытке и пытали до тех пор, пока они не сознались, что сделали и как.

Они все еще думали, что если их обыщут и ничего не найдут, то удастся выпутаться. Но, как я уже сказала, Б-г того не хотел. Обоих приговорили к повешению.

Один из воров, чтобы избежать смертной казни, немедленно принял христианство. Другой всегда был верующим. Сын благочестивых родителей, он происходил из Вендсбека. Не захотев становиться вероотступником, этот еврей предпочел смерть. Думаю, на преступление его соблазнил товарищ, человек, о котором за всю его жизнь никто не сказал хорошего слова. Тогда и был предопределен его злосчастный конец. Ради семьи его я не стану называть этого имени, в Гамбурге всем прекрасно известно из-за случившегося. Несомненно, Б-г принял его жизнь как жертву, призванную прославить имя Г-сподне, – ведь он мог остаться в живых, последовав примеру товарища. Вместо этого он послушался заповеди «Люби Б-га Всесильного всем сердцем твоим и всей душой» и смертью своей, должно быть, искупил совершенный грех.

Из этого следует: нельзя допускать, чтобы любовь к мирским благам сбивала нас с пути истинного. Ибо недостаточно служить Г-споду всей душой, надо любить Б-га всем существом, а это означает: все, чем владеешь, отдай Г-споду...

Разворот книги «Древняя притча».

Германия, XV век.

II

Вернусь, однако, к собственной истории. У меня родился сын Мордехай, да сделает Г-сподь последний день его жизни таким же счастливым, как первый!

В своей третьей книжке я упомянула, как мы надеялись на приход Искупителя. Тогда, уверовав в то, что Шабтай Цви и есть долгожданный Мессия, многие продавали свои дома, земли, другое имущество, дабы быть готовым к Освобождению. Среди них был и мой свекор. Он прислал нам на хранение два сундука, рассчитывая с ними отправиться в Святую Землю, когда там соберется весь Израиль. Убедившись, что надежды не сбылись, он переехал из Гамельна в Гильдесгейм, что всего в 25 милях от Гамельна, где была хорошая и благочестивая еврейская община.

Прошло некоторое время, и мой муж, очень любивший и почитавший своих родителей, сказал мне: «Глюкельхен, дорогая, давай съездим в Гильдесгейм навестить отца и мать. Ведь ты не видела их целых 12 лет». Я была не против, и мы, взяв горничную, слугу и троих из наших детей, отправились в Гильдесгейм.

Мордехай был еще грудным ребенком. Слугу нашего Самуила, красивого парня, мы прозвали «ловким Самом» в противоположность другому слуге, прозванному детьми «Сам неуклюжий».

Итак, мы прибыли в Гильдесгейм. Свекор со свекровью очень обрадовались нам, потому что мой муж был их младшеньким. В то время наши дела, слава Б-гу, шли хорошо, и мы привезли с собой то, что, были уверены, станет отличным подарком. Проведя там три счастливых недели, мы распростились и благополучно вернулись домой.

В день отъезда свекор вручил нам небольшой серебряный кубок стоимостью не более 20 рейхсталеров, но он был нам дорог, как если бы стоил сотню. В то время, следует вам знать, свекор мой был богачом: капитал его превышал 20 тысяч рейхсталеров, и все дети были уже женаты или замужем. Поездка обошлась нам больше чем в 150 талеров. Но мы были вполне довольны подарком стоимостью в 20 талеров в отличие от нынешних деток, которые стремятся выжать из родителей все, что можно... Все наши дети, остававшиеся дома, оказались в добром здравии.

Свекор еще некоторое время продолжал жить в Гильдесгейме. Но спустя 4–5 лет он подсчитал, что проживание там обошлось ему почти в 10 тысяч рейхсталеров, хотя жил он скромно и не позволял себе ничего лишнего. Вместе с женой он пришел к выводу, что нет смысла оставаться там, и они переехали в дом моего богатого свояка Лефмана Беренса в Ганновере, где и прожили до самой смерти. Оба умерли в преклонном возрасте, пользуясь всеобщим уважением и любовью.

Титульная страница в честь коронации прусского короля Фридриха I.

Берлин, 1701 год.

III

Между тем наша фирма процветала. Ципоре, моей старшей дочке, было уже почти 12 лет. Лейб Гамбургер, проживавший в Амстердаме, сын реба Амшеля, предложил выдать ее замуж за Кошмана, сына Элиаса Клеве, да благословенна будет память его (Элиас Клеве, известный также под именем Элия Клевский /Элия Гомперц, принадлежал к видной еврейской семье. Он основал большую банковскую контору в Эммерихе, а позднее банк – и магазин в Берлине. Он был финансовым советником Великого Курфюрста, банкиром голландского правительства и поставщиком для голландской армии. Сын его Кошман, женившийся на дочери Глюкель Ципоре, владел типографией и издательством в Амстердаме. Элиас умер в 1675 году. – Прим. ред.)

Муж имел обычай дважды в год ездить в Амстердам. Написав брачному посреднику, что приедет лично посмотреть, как обстоит дело, он выехал в Амстердам на полтора месяца раньше обычного. (Заключение браков через брачных посредников было обычным делом на германских и польских ярмарках.) – страна тогда вела войну, и Элиас Клеве, бросив свой клевский дом, перебрался с семьей в Амстердам.

Как только муж прибыл туда, по Гамбургу поползли слухи, что дело уже решено. Когда приходила почта, многие вскрывали полученные письма прямо на бирже и тут же читали их. Другие отказывались верить этим слухам, и на бирже было заключено много пари, ибо Элиас Клевский пользовался большим почетом и уважением среди сынов Израиля. О нем говорили, что он «стоит» не менее 100000 рейхсталеров, и это была правда. А муж мой был еще молод, состояние наше было небольшим; мы еще только начинали собирать капитал, а в доме было полным-полно детей. Но чего хочет Г-сподь Всесильный, то и происходит. Известно, что за 40 дней до рождения ребенка принимается решение на небесах: «Сыну такого-то и такой-то будет дана в жены дочь такого-то».

Итак, мой добрый муж заключил брачный договор с богачом Элиасом Клеве и записал за дочерью нашей приданое в 2200 рейхсталеров в голландских гульденах. Свадьба должна была состояться через полтора года в Клеве. Муж обязался также выделить 100 рейхсталеров на расходы, связанные со свадьбой.

Когда приблизился ее срок, я с младенцем, которого в ту пору кормила грудью, муж мой, сама невеста – моя дочь Ципора, раввин Меир (сейчас он раввин Фридберга), горничная и слуга «ловкий Сам» – короче говоря, целый свадебный поезд, отправились на свадьбу.

Мы выехали из Альтоны вместе с Мордехаем Коэном, Меиром Ильясом и Ароном Тодельхе морским путем. Слов нет, какое это было восхитительное путешествие! Наконец мы прибыли в Амстердам.

До свадьбы оставалось еще три недели, и мы поселились у вышеупомянутого Лейба Гамбургера. Это стоило нам свыше 12 дукатов в неделю, однако мы не жалели денег, потому что за время нашего пребывания в Амстердаме муж заключил много сделок, покрывших половину расходов на приданое.

За 14 дней до свадьбы, мы – а это 20 человек – с музыкой и танцами отправились в Клеве, где нас встретили с почетом и разместили в доме, похожем на королевский дворец. Обстановка во всех отношениях была великолепная. Целые дни мы не имели покоя, потому что то и дело приезжали роскошно разодетые дамы и господа, чтобы поглядеть на невесту. Надо сказать, дочь моя была бесподобно красива.

Начались приготовления к пышной свадьбе. В то время в Клеве находился принц Фридрих. Тогда был еще жив его старший брат, курфюрст Карл, а принцу Фридриху было лет 13. Вскоре Карл умер, и курфюрстом стал сам Фридрих. (После смерти старшего брата в 1674 году принц Фридрих стал курфюрстом Бранденбурга, а в 1701-м – первым королем Пруссии. – Прим. ред.).

Принц Нассауский Мориц и другие титулованные персоны тоже оказались тогда в Клеве и изъявили желание присутствовать на свадьбе. Естественно, Элиас Клеве, отец жениха, сделал все, чтобы встретить высоких гостей с почетом. В день свадьбы сразу же после свадебного обряда был накрыт стол со всякими роскошными сладостями, лучшими импортными винами и фруктами. Можете себе представить всеобщую суету и волнение. Элиас Клеве и его родные сами прислуживали знатным гостям. Даже некогда было доставить и проверить по счету свадебные подарки и приданое, как это делается обычно. Свой свадебный подарок – деньги, что давали за дочерью в приданое, – мы зашили в мешочек и запечатали его восковой печатью. Элиас Клеве сделал то же самое, чтобы после свадьбы мы могли проверить сумму.

Когда жениха и невесту повели под свадебный балдахин, оказалось, что в суете забыли написать брачный контракт. Что было делать? Знать уже собралась, и все хотели скорее посмотреть свадебную церемонию. Тогда раввин Меир решил, что следует назначить доверенного человека, который сразу же после венчания напишет брачный контракт. Затем он прочел по книге брачные обеты, и дети были обвенчаны!

После церемонии все видные гости были приглашены в огромную гостиную Элиаса Клеве, где стены были обиты кожей, тисненой золотом. Там уже стоял огромный стол со всякими деликатесами, которыми не побрезговал бы и король. Компанию угощали согласно рангу каждого.

Моему сыну Мордехаю было тогда лет пять. Во всем мире не было никого красивей! Мы нарядили ребенка в парадный костюмчик. Все знатные господа ласкали его и в особенности принц – буквально не выпускал его ручонки.

Когда почетные гости отведали фруктов, пирожных и отдали должное вину, посуду убрали, и стол был вынесен. Тут в гостиной появились актеры в масках, которые, раскланявшись, принялись показывать свое искусство. Представление завершилось подлинно великолепным «Танцем смерти».

На свадьбе присутствовали и несколько видных сефардов, в том числе некий Мокатта, ювелир, у которого были красивые маленькие золотые часики с бриллиантами. Они стоили не менее 500 рейхсталеров. Элиас Клеве хотел приобрести эти часики у Мокатты, чтобы подарить их принцу. Однако добрый друг, стоявший рядом с ним, сказал ему: «Чего ради? Стоит ли делать молодому принцу такой дорогой подарок? Если бы он уже был курфюрстом, тогда я понял бы и одобрил ваше намерение». Но, стоит заметить, курфюрст вскоре умер, и наш молодой принц стал его преемником. Сейчас он сам курфюрст, и всякий раз после того случая при встрече со своим благоразумным другом Элиас Клеве не мог его не упрекать. Ведь правда: если бы Элиас Клеве в свое время подарил молодому принцу эти часики, тот всегда помнил бы об этом, потому что знатные господа таких вещей никогда не забывают. Ну, что прошло, то прошло, и нечего теперь вздыхать!

Как бы то ни было, молодой принц и принц Мориц, и все благородные и знатные гости распрощались, будучи очень довольными. Никогда ни одному еврею не была оказана такая честь, и свадьба закончилась очень хорошо.

Бокалы для жениха и невесты.

Германия, конец XVII века.

IV

После свадьбы я съездила в Эммерих (неподалеку от Клеве) на могилку моей сестры Гендель. Одному Б-гу известно, как я горевала, когда она умерла. До сих пор больно, когда подумаю, что такая молодая, такая красивая женщина лежит в земле. Ей не было и 25 лет, когда она умерла. Но что пользы предаваться скорби? Мы должны быть покорны воле Б-жьей. После Генделе остались сын и дочь. Сын вырос – это был приятный молодой человек, большой знаток Талмуда, но, увы, он умер молодым, еще неженатым. Все оплакивали его, и родные, и чужие.

На следующий день после свадьбы мы в отличном настроении отправились домой. Мы поехали через Амстердам между Вефилом и между Гаем, чтобы вернуться тем же путем, ибо в Писании сказано: «И он поехал по тем же местам, где когда-то был его шатер». Итак, мы вернулись в Амстердам, где пробыли около двух недель, там муж заключил несколько выгодных сделок.

Затем мы отплыли в Дельфцил. Чтобы попасть туда, надо пересечь озеро Долларт, где всегда дуют ветры и бывает такая качка, что и самые крепкие, если только они не привыкли путешествовать морем, страдают морской болезнью.

Поднявшись на борт судна, мы разместили слуг с детьми в большой каюте, просторной, как зала, а для себя наняли у шкипера маленькую каюту, где можно было остаться одним. В двери этой каюты имелось окошечко, которое можно было открывать, когда захочешь. Оно позволяло заглядывать в большую каюту и передавать туда и обратно все, что надо.

В нашей маленькой каюте было две койки. Муж сказал мне: «Глюкельхен, устраивайся, я тебя укрою, и тебе будет тепло и уютно. Лежи неподвижно, тогда не почувствуешь морской болезни». Мне никогда не приходилось переправляться через Долларт, но муж не раз ездил в Амстердам морским путем и знал, как надо себя вести.

Я все сделала, как он велел, и лежала не шевелясь. Погода была плохая, и всех на борту – простите за выражение – рвало. Не знаю ничего хуже морской болезни. Уверена, что смертные муки не могут быть хуже. Однако пока я лежала неподвижно, я особенно не страдала.

Но горничная, вместе с моим ребеночком находившаяся в соседней большой каюте, очень плохо переносила качку и не могла поднять руки. Младенцу тоже, без сомнения, было не лучше: он залился плачем. Горничная была не в состоянии пошевелиться и предоставила ребенка самому себе. Как всякая мать, беспокоясь о своем чаде, я не могла оставаться равнодушной к его крикам. Поэтому я встала и, втащив малыша через окошко к себе в каюту, приложила его к груди.

Б-же, как мне сделалось плохо – будто вот-вот умру! Я уже думала, что пришел конец, и начала исповедоваться в грехах, читая молитву, заученную наизусть. Муж продолжал спокойно лежать на своей койке, хорошо зная, что морская болезнь не смертельна и стоит ступить на твердую землю, как она пройдет. Услышав мою исповедь и молитву, он начал смеяться. Мне подумалось: «Вот я на пороге смерти, а мой муж лежит, и ему смешно». Однако, хотя я была очень рассержена, ссориться было не время. Кроме того, для этого не было сил. Пришлось лежать, переживая страшные муки, до тех пор пока через полчаса мы не добрались до берега и не сошли с корабля. Хвала Г-споду: морская болезнь тут же прекратилась!

Мы высадились в Дельфциле уже в темноте. Было слишком поздно искать гостиницу или хотя бы какой-то еврейский дом для приюта. Между тем буря не унималась, и мы опасались, что придется на улице провести всю ночь. В дороге мы не ели ни крошки и совсем ослабли, а между тем на следующий день начинался предновогодний пост. Поэтому перспектива провести ночь на улице и к тому же без ужина нам совсем не улыбалась.

Однако вскоре муж разыскал дом еврея, брат которого был женат на дочери Хаима Фюрста из Гамбурга, и попросил приютить нашу семью на одну ночь. Глава

дома тут же ответил: «Ради Б-га, входите! Мой дом – ваш дом. Я могу устроить вас, но не обессудьте: накормить не смогу – уже поздно, а жена уехала в Эмден».

Муж был рад уже и тому, что будет крыша над головой, и немедленно нас пристроил. Кое-какие нашедшиеся припасы мы отдали детям. Что касается меня, я возблагодарила Г-спода, что для меня нашлась постель: в тот момент она казалась нужней, чем ужин!

Свадебный сервиз.

Голландия, XVII век.

V

Рано утром на следующий день мы отправились в Эмден, где остановились у Авроома Штаттхагена – отец его, Моисей Крамер из Штаттхагена, приходился дядей моему мужу. В Эмдене мы провели первые праздничные дни, и пребывание там было столь приятным, что мы позабыли мучительный переезд через Долларт.

У Авроома Штаттхагена было золотое сердце. Он оказал нам самый лучший прием. За столом у него кормилось шесть бедняков, присланных общиной. Их угощали той же едой, что и нас, – такого я больше не видела нигде, хотя мне приходилось бывать за столом у очень богатых.

После праздника мы выехали из Эмдена, рассчитывая приехать домой ко Дню Искупления. Рано утром мы прибыли в Витмунд, где взяли билеты до Гамбурга. Добраться до Вандеруга, куда пароходы заходят, чтобы уплатить таможенный сбор, взять на борт запас продовольствия и пополнить запасы топлива, можно за полдня. В Вандеруге местные власти поинтересовались, куда мы держим путь. Муж ответил: «Мы направляемся в Гамбург». На что нам сказали: «Предупреждаем, вряд ли вы доберетесь до Гамбурга на этом судне: в море полным-полно пиратов, они грабят всех подряд».

За билеты было уже уплачено 10 талеров, и День Искупления приближался. Тем не менее мы отказались от мысли отправляться морским путем и вернулись в Витмунд. Там мы приняли приглашение Брайнле, двоюродной сестры мужа, провести святой день у нее.

Мы посоветовались с Брайнле, как быть: из-за пиратов морской путь исключался, на суше же бесчинствовала солдатня. Поэтому мы решили посоветоваться с местными жителями.

Вдова Брайнле родом из Гамбурга была дочерью Лейба Альтонского. Это была мудрая и благочестивая женщина, к тому же близкая родственница мужа и наш добрый друг. Она сделала все, чтобы помочь нам.

Было решено: сразу же после святых дней мы отправимся домой сухопутным путем. Тем временем мужу следует съездить в Аурих и получить пропуск от генерала Будица, который, как нам сказали, служил при разных герцогах и монархах. Этот человек всюду пользовался большим уважением, и, если он выдаст пропуск, нас нигде не остановят. Для перестраховки Меир Аурих брался уговорить генерала Будица выделить для нашей охраны крепкого солдата. За день до Йом Кипура муж выехал в Аурих и возвратился как раз к последнему ужину перед постом. Он добился всего, чего хотелось, и даже привез капрала, смелого и честного человека, которому было поручено проводить нас до Гамбурга.

Как только миновал День Искупления, мы наняли карету до Ольденбурга. Это обошлось почти в такую же сумму, как если бы мы приобрели в собственность и карету, и лошадей. Кучера так боялись за себя и экипаж, что меньшая сумма, на их взгляд, не стоила риска. Можете себе представить, как был обеспокоен мой муж и как все мы нервничали. Мне пришлось снять хороший дорожный костюм и напялить какие-то обноски.

Сопровождавший нас раввин Меир сказал мужу: «Добрый реб Хаим, почему у вас такое плохое настроение и зачем вы заставили жену надеть это безобразное платье?» На что муж ответил: «Б-гу известно, что не за себя боюсь я и не за свои деньги! Я боюсь за наших женщин – жену и горничную». «Незачем бояться за них, – сказал раввин Меир. – И вы обманываетесь насчет своей жены. Ей совсем не нужно напяливать эту ужасную одежду – никто и так пальцем ее не тронет!» Муж страшно обиделся на реб Меира за то, что тот вздумал острить в тот момент, когда он от страха за нас был вне себя.

К полуночи мы выехали из Витмунда. Какую-то часть пути нас провожали Брайнле и добрые люди с ней, не скупившиеся на благословения. До Ольденбурга мы добрались вполне благополучно.

Нужно ли описывать все, происходившее в Бремерфорде и на протяжении всего пути? Ограничусь тем, что скажу: с Б-жьей помощью, под защитой верного капрала и с надежным пропуском мы приближались к конечной цели путешествия.

Добравшись до Ольденбурга, мы обнаружили, что весь город занят солдатами. Кучер, нанятый в Витмунде, ни за какие деньги в мире не соглашался везти нас дальше. Пришлось мужу бегать по всему городу в поисках другой кареты. Наконец в деревеньке в десяти милях от Ольденбурга он нанял экипаж за очень высокую цену. Мы отправились в эту деревню и благополучно прибыли туда к вечеру.

Вечером мы сидели у огня, а наш хозяин и другие жители деревеньки собрались вокруг, разговаривая о том, о сем, и покуривая табак. Один из крестьян заговорил о герцоге Ганноверском. «Мой господин, – сказал он, – тоже отправил 12 тысяч солдат в Голландию». Услышав это, муж возрадовался, что сейчас находится в

Ганноверской земле, потому что герцоги Люнебургские умеют поддерживать порядок в своих владениях. Там солдат не смеет не то что украсть курицу, а даже перышко выдернуть из ее хвоста.

Муж тут же спросил, далеко ли до Ганновера. «Сорок миль», – отвечал ему крестьянин. Сообща они подсчитали, что если мы пустимся назавтра в путь, то успеем добраться до Ганновера еще до праздника Кущей. Муж тут же нанял экипаж, и на следующий день к вечеру мы продолжили путь. Муж радовался, что сможет провести святые дни с дорогими родителями и тем выполнить заповедь «Чти отца твоего и мать твою». Наконец, после всех тревог и тягот путешествия мы благополучно прибыли в Ганновер.

У городских ворот нас встречал мой свекор. Он стоял, как ангел, как сам пророк Илья, с посохом в руке, старик с румяными щеками и седой длинной – чуть ли не по пояс – бородой. Если бы какой-нибудь художник задался целью написать портрет красивого старого человека, не нашлось бы лучшей модели. Как забились наши сердца при виде его, как радостно мы провели первый день праздника!

Однако еще до конца праздника (не в Израиле праздник Кущей Суккос отмечается 8 дней) мы выехали в Гамбург. Свекор со свекровью очень просили нас побыть у них подольше, но наши обстоятельства этого не позволяли, и мы сумели объяснить им свои причины. Итак, мы тепло простились и расстались в наилучших отношениях. Увы, больше мне не пришлось их увидеть. Будь милостив ко мне, Г-споди, и дозвожь мне быть рядом с ними в раю!

Хотя мы с удовольствием расстались бы с нашим капралом, хорошо вознаградив его за услуги, но он попросил взять его в Гамбург. Он так много слышал об этом городе, но никогда там не бывал. Учитывая все его услуги, порядочность и заботливость на протяжении путешествия, муж не счел возможным отказать, и мы взяли его с собой.

Прибыли мы за день до окончания праздника, и, слава Б-гу, нашли свою семью в добром здравии. Путешествие в оба конца стоило нам 400 с лишним рейхсталеров. Но мы не считались с расходами, потому что дела, слава Б-гу, шли хорошо. Г-сподь не лишил нас своего благоволения и до сего часа пребывает с нами.

Итак, после многих переживаний мы снова были в родном доме.

Свадебный камень.

В средневековье женихи в конце брачной церемонии разбивали винный бокал, бросая его в стену.

В Германии этот обычай перешел в бросание бокала о специальный свадебный камень, который вставлялся в наружную стену.

Бинген, Германия, начало XVIII века.

VI

В городе Гельмштадте, расположенном в 25 милях от Гильдесгейма, проживал некий реб Мойше. То был университетский город, и поэтому евреям жилось там неважно. Поэтому реб Мойше был выслан из Гельмштадта, уехал в Померанию, и каким-то образом добился права проживать в Штетине.

Там он раздобыл охранные грамоты от влиятельных лиц, а также патент на чеканку монеты – во всем Штетине одному ему было дано право чеканить деньги. В патенте были оговорены вес монеты и ее покупная стоимость, а следить за чеканкой правительство назначило своего контролера.

Но Мойше Гельмштадту не хватало собственных средств для такого масштабного предприятия. Он написал моему мужу и, приложив свои охранные грамоты, спрашивал, не возьмется ли тот обеспечивать монетный двор серебром, и если да, то он предлагает мужу войти в долю и получать часть монет и всех драгоценностей, приобретаемых или продаваемых монетным двором.

Штетин был крупным городом. Уже более ста лет в нем не жил ни один еврей, но много евреев бывало там проездом. Они приезжали, чтобы по низкой цене закупать жемчуг и драгоценные камни. Здесь же драгоценные камни можно было с выгодой продать.

Муж считал, что «дриттель» (монета достоинством в 1/3 талера) сулит немалую выгоду. За сто тысяч штетинских дриттелей охотно давали почти столько же, сколько за новые дриттели Люнебурга и Бранденбурга.

Поэтому муж написал реб Мойше, что если это серьезное предложение, то он готов стать его партнером.

Прежде чем обосноваться в Штетине, реб Мойше несколько лет жил в Берлине, где он многим задолжал. Но мы, уввы, об этом ничего не знали. Правда, было известно, что больших средств у него нет, но мы учли, что обосновался он в крупном торговом центре, обзавелся отличными охранными грамотами, так что перед ним открывалось широкое поле деятельности – практически вся страна. Он и еще десяток таких, как он, смогли бы обеспечить себе богатство и видное положение. И лишь намного позже мы узнали о его долгах – к большому ущербу для нас, как вам станет ясно в дальнейшем.

Мы направили в Штетин сына Натана, которому в то время было лет 15, чтобы он, так сказать, присматривался к делу. После чего начали отгружать Мойше серебро в больших количествах, а он уже передавал это серебро на монетный двор. В обмен он присылал нам штетинский дриттель, который мы немедленно продавали на бирже.

Эти сделки приносили хорошую прибыль – порой два процента, порой чуть больше или чуть меньше, в зависимости от курса обмена. Мы также получили от Мойше несколько партий жемчуга – тоже прибыльного, и в общем были очень довольны.

Свадебная сцена у ашкеназов Амстердама.

XVIII век.

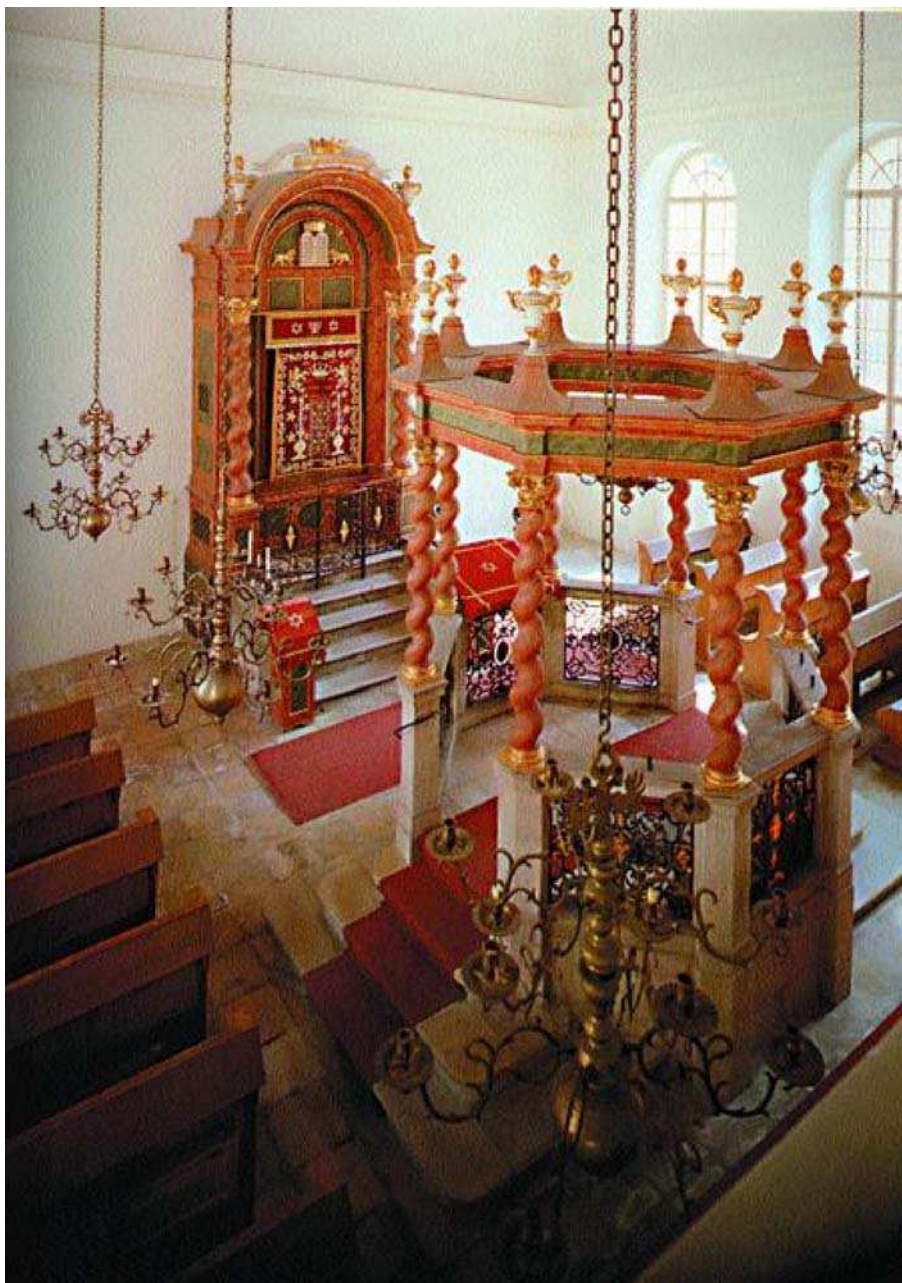
VII

За год до всего этого у меня родилась дочь Эсфирь.

Тогда же поступило несколько брачных предложений для сына Натана; в частности, предлагалось женить его на осиротевшей дочери богатого парнаса еврейской общины, доброй памяти Эли Балина. Одновременно поступило предложение женить его на дочери богача Самуила Опенгеймера, и этот брак чуть было не удался. Но, как может показаться, сам Г-сподь Б-г его не захотел. (Самуил Опенгеймер из Гейдельберга /1635? – 1705/ был первым евреем, получившим разрешение поселиться в Вене после высылки в 1670 году. Он стал главным поставщиком австрийских армий на французском и турецком фронтах. Свою прибыль от этого дела он использовал, чтобы

стать придворным банкиром Леопольда Первого. Когда он умер, австрийская монархия осталась должна ему миллионы, которые, естественно, так и не были уплачены. Его влияние, как влияние и всех других придворных евреев, было огромно. – Прим. ред.)

Деньги, которые давали своим детям в приданое родители жениха и родители невесты, следовало отослать моему зятю Исааку Гамельну во Франкфурт. В соответствии с этой договоренностью мы депонировали у него драгоценностей на несколько тысяч рейхсталеров. Самуил Опенгеймер тоже прислал деньги, которые он давал в приданое за своей дочерью. Однако из-за зимы и наводнения доставка этих денег задержалась сверх условленного срока на 14 дней.

Интерьер синагоги.

Германия, конец XVII века.

Между тем брачный посредник настойчиво предлагал женить нашего сына на дочери Эли Балина. Муж сказал себе: «Нет никаких известий о том, что деньги, согласно договоренности, поступили во Франкфурт от моего брата Исаака. Выходит, богач Самуил Опенгеймер свое решение изменил. Если мы станем тянуть с решением о браке нашего сына с дочерью Эли Балина, то кругом окажемся в проигрыше».

Поэтому мы решили дать согласие. Мать сиротки, дочери Балина, обещала дать 4 тысячи рейхсталеров банко и взять на себя все расходы по свадьбе. Мы в свою очередь обязались дать за сыном Натаном 2400 рейхсталеров банко. На таких условиях и состоялась помолвка.

Прошло восемь дней, и от моего зятя Исаака пришло письмо: деньги прибыли, и мужу следует безотлагательно прислать разрешение на брак. Увы, было поздно!

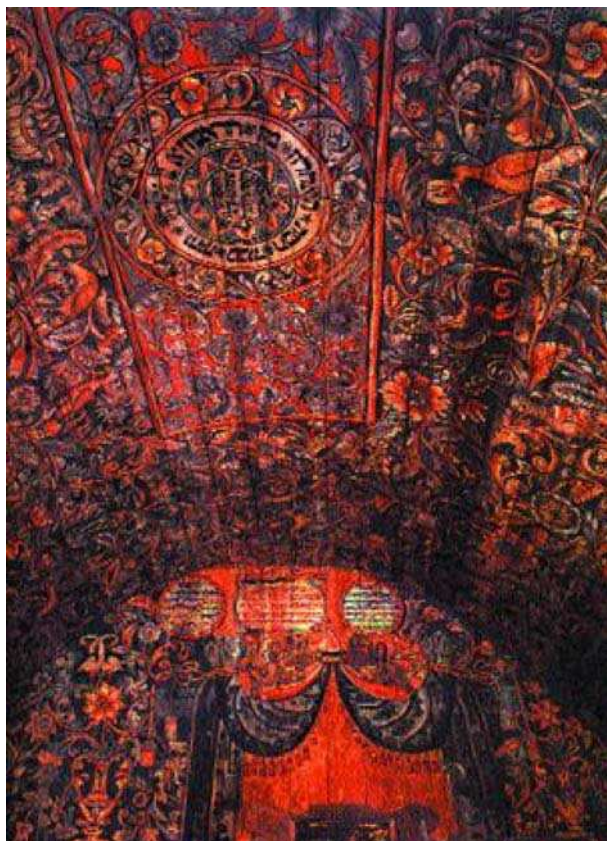
Муж послал брату письмо с извинениями: поскольку после оговоренного срока прошло уже 14 дней, он-де думал, что Самуил Опенгеймер решил подыскать другого жениха дочери. Что же касается его самого, то, получив еще предложение, тоже понравившееся, он в этих неопределенных обстоятельствах счел возможным его принять. Напоследок он выражал надежду, что Самуил Опенгеймер найдет себе невестку, а своему сыну жену, которая придется по вкусу.

Б-же мой, какую бурю возмущения вызвало это письмо у моего свояка! Но что сделано, то сделано!

Кроме того, мы в общем-то были довольны своим решением – вполне приличный брак! Покойный Эли Балин был хорошим, справедливым человеком, пользовался большим уважением у евреев и у неевреев. На протяжении многих лет он был парнасом нашей общины. Четыре тысячи талеров банко тоже была немалая сумма!

Все хорошо, если бы Г-сподь дал молодой чете возможность опериться и подняться, как Самуилу Опенгеймеру, который, чем дольше живет, тем выше поднимется. Но великий и милосердный Г-сподь раздает дары и милости по своему усмотрению. Не ставя под сомнение мудрость Его, мы, смертные, должны благодарить Создателя за все, что Он ни пошлет нам.

После помолвки мы привезли нашего Натана домой, чтобы он приготовил невесте подарок. По этому случаю тоже был устроен большой пир. Все складывалось ко всеобщему удовольствию. Спустя две недели сын вернулся в Штетин.

Роспись потолка синагоги.

Германия, начало XVIII века.

Экстерьер синагоги.

Германия, XVIII век.

Самуил Опенгеймер.

БЛАГО СЛОВА

Áààéá Ì àðéèø

Все в нашем мире подвергается сомнению: надежды и помыслы, вражда и дружба, робость души, непреложные факты.

А Слово – несомненно.

Можно, разумеется, выразить свои чувства или намерения жестом, напевом, даже взглядом. Но основой основ самовыражения является речь – цепочка слов, изображаемых графически или произносимых устно. Речь – драгоценное наследие, переходящее из поколения в поколение и наполняющее душу всякого народа.

Хранителями и жрецами речи стали писатели.

Географическая связь писателя с источником его родной речи, конечно, существенна – но она не определяет литературные возможности пишущего человека. Не в средней полосе, не на Орловщине писал Иван Бунин свои «Темные аллеи», а во Франции. Да и Тургенев стоит в этом отдаленном от России ряду, да и сам Николай Васильевич Гоголь... Слово витает над миром, а не над водами подмосковных прудов.

Так сложилось, что русское слово витает и над Израилем. «Война языков» здесь давным-давно закончилась, главенствующая роль возрожденного иврита, объединившего народ, здесь ни у кого не вызывает сомнений. Наряду с древним языком пророков – этих родоначальников еврейской литературы – от Нахарии до Эйлата звучит русская речь, которой владеет каждый пятый житель Земли обетованной. И не чудо, что среди миллиона русскоговорящих израильтян есть такие, что используют свой язык не только для бурного обсуждения израильских политических проблем и цен на макароны, но и для занятия литературным творчеством.

Тяга к литературе свойственна человеческой душе. Душа не стареет, она не подвержена возрастным изменениям; к литературе тянется с равной страстью и молодежь, и старики. Очутившись в Израиле, за тысячи километров от мест, где прошла, как принято говорить, активная часть жизни, пожилые люди увлеченно пишут мемуары, обильно сдобренные всплесками фантазии, либо, равняясь на классические

образцы, читанные десятки лет назад, сочиняют стихи и романы. Молодежь, не имеющая глубокого прошлого, пишет «о времени и о себе» – и это самовыражение иногда приносит интересные плоды.

Писать «в стол», рассчитывая на посмертную славу или какое иное чудо, нынче занятие непопулярное. Поставив точку под сочинением, автор спешит опубликовать его. В израильских условиях это вполне осуществимая задача: «наскрести» деньги и отнести рукопись либо редактору-посреднику, либо напрямую в типографию. Либо – в литературный журнал.

«Толстые» журналы в израильской культурной жизни занимают видное место – ежемесячники, ежеквартальники, альманахи. Наибольший «вес» – у «центральных» изданий, таких как «Иерусалимский журнал», «Зеркало» или «22». Но все чаще заявляют о себе журналы региональные и городские: «Юг», «Негев», «Галилея», «Ришон». Искатели новых форм в искусстве, называющие себя то авангардистами, то модернистами, а то и постмодернистами (повторяя Хлебникова, я назвал бы их «новые бюджетляне» – каждый литературный прогон обрастает «бюджетлянами», как луковица красивой радужной шкуркой), также не обделены: у них есть журналы «Солнечное сплетенье» и «Двоеточье». Тиражи всех этих изданий невысоки – от 500-600 до 1500 экземпляров; но русских читателей сегодня низкими тиражами не удивишь...

Удивительно то, что вокруг полутора десятков журналов кипит литературная жизнь. В стреляющей стране, охваченной политическими страстями и неурядицами, писатели ведут живой разговор на общем языке – не на русском, не на иврите, а на языке культуры. Литературные вечера собирают полные залы, люди слушают стихи и воспринимают их как изысканный подарок поэта благодарной аудитории.

Первый выпуск альманаха «Ришон» вышел в свет месяц назад. Это не коммерческое издание – литераторов города Ришон ле-Цион поддержал муниципалитет: снабдил деньгами, дал помещение. Заместитель мэра, выходец из России, приехал на презентацию альманаха не с пустыми руками: муниципальные власти решили и впредь субсидировать журнал, и эта новость стала лучшим подарком и авторам, и читателям.

На страницах изящно оформленного «Ришона» авторы представлены в различных жанрах. Разумеется, сердце – или, если угодно, та самая нестареющая душа – поэзия: Ирина Маулер, Наум Басовский, Василий Розен, Людмила Йодко. Проза представлена Павлом Волиным – в недавнем прошлом корреспондентом «Литературной газеты», Дмитрием Ойгенбергом, драматургом Геннадием Седовым, усилиями которого «Ришон» был собран и отредактирован. Отрадno и то, что в журнале опубликована статья литературного критика Владимира Басина «Интеллект под замком» – представители этого жанра редко встречаются на наших литературных пажитях и достойны того, чтобы быть включенными в «Красную книгу» русско-израильской литературы.

Çà òíáíé - í ò è ò í à ð á è à ò í ù ò é è è í ;

Á ð í à è í à ñ ñ í è á í î ð á í ð è ñ ò ó í ñ ñ ã á á á

Á é í é í é é á ñ - í í ç à é á ù ò í ñ è í

Áúò è ñ áòíŷ áñéíááíò æàðú íááí.

Çáí àò òðááí óæá íáí ðíñò è ò áúí í

æáèò,

Éàò í á ñææáí í úò íáææáàò í á ñííáèò

ñ ñáí ú,

Ýò í ò ááŷ ŷ í ðèí áðŷ í à ðíéñò,

Íñáí ú - èðáñéáí è òèééáí áí íá

Это Ирина Маулер – наиболее, быть может, самобытная из поэтов альманаха. На ее стихи написаны песни, это, конечно же, способствует ее популярности среди русскоязычных израильтян. Следующий этап – переход в ивритоязычный мир, для поэтов которого жара представляется естественным состоянием природы, а «русский снег» кажется варварской экзотикой, наказаньем Г-сподним. Такой переход – поэтический перевод с русского на иврит – покамест редкая удача; ивритская литература и русско-израильские литературные образцы существуют в параллельных мирах, соприкасающихся лишь изредка.

Ришон ле-Цион – израильская провинция. Столичный «Иерусалимский журнал» тесней связан с национальными литературными источниками, многие из его авторов известны не только в пределах Иерусалима: их книги переведены на иврит и на другие языки. Январский номер «Иерусалимского журнала» содержит немало первоклассных материалов, среди них стихи Юлия Кима, проза скончавшегося месяц назад в Тель-Авиве великолепного Мориса Симашко «Четвертый Рим», заметки Давида Самойлова. Украшением номера можно назвать эссе профессора Шимона Маркиша «Третий отец-основатель» – о жизни и творчестве одного из основоположников русско-еврейской литературы Григория Богрова.

Менее чем за два года «Иерусалимский журнал», в рабочую редколлегию которого, возглавляемую главным редактором поэтом Игорем Бяльским, входят такие авторитеты, как профессор Роман Тименчик, прозаики Светлана Шенбрун и Дина Рубина, стал признанным лидером русско-израильской литературной периодики. Среди постоянных авторов – известные писатели Григорий Канович, Анатолий Алексин, Эли Люксембург. Журнал предъявляет высокие требования к публикуемым материалам, но и выход каждого очередного номера является событием литературной жизни. Круг читателей – а это, в основном, интеллигенция и студенчество – достаточно широк: тираж приближается к двум тысячам экземпляров и продолжает расти.

Рядом с «ИЖ» литературно-художественный журнал «Галилея» с изображением горы Тавор на обложке кажется шустрым учеником рядом с маститым мэтром. Но сам тот факт, что в Назарете выходит русский «толстый» журнал, заслуживает внимания. «Галилея» построена по общепринятым правилам: представлены все жанры литературы, в отдельную рубрику вынесено «творчество молодых». И эти «молодые» – действительно молодые люди, мальчишки и девчонки из Верхнего Назарета, излагающие свои ощущения и мысли ямбом, хореем, верлибром. И

не так-то уж и важно, станет ли профессиональным литератором солдат Давид Бурда или школьница Лена Курилина, или таинственная сумрачная Земфира («Осенняя тоска \ В последней распродаже \ Багрово-желтых листьев \ И тихих ясных дней. \ Сон желтого песка \ На опустевшем пляже, \ И сумрачнее мысли, \ И небо все темней. Прохладней вечера, \ Длинней, тревожней ночи, \ И поутру туман, \ Как будто белый флаг. \ Все так же, как вчера... \ Но туча дождь пророчит \ И солнца луч – обман, \ И в мире все не так»), но их тяга к творчеству, их желание «водить перышком по бумаге» заслуживают всяческого поощрения.

Интерес к литературе на «первом» языке характерен и весьма показателен. Великая алия 90-х годов не сразу повернулась лицом к культуре – подобно предыдущим волнам иммиграции она миновала отмеренный срок нелегких социальных и бытовых испытаний и лишь затем, освоившись на каменистой земле исторической родины, вспомнила о культурных ценностях. Все дело в том, что репатрианты 90-х проделали этот путь куда быстрее, чем их предшественники; своим притягательным весом изделия материальной культуры нашего потребительского века не подавили, не похоронили под собою предметы культуры духовной.

Один из лидеров русско-израильского литературного андеграунда поэт Михаэль Зив отметил интересное явление: русскоязычная культура в Израиле имеет сегодня значительно больше шансов на выживание, чем каких-нибудь десять лет назад – по причине уверенного укоренения Интернета в обществе. Пользователи этой глобальной сети – а Израиль занимает одно из ведущих мест по распространенности Интернета – нажатием кнопки погружаются в свою культуру, остаются там, сколько пожелают, и чувствуют себя в ней совершенно уверенно и комфортно. Таким образом, по словам Михаэля Зива, эта культура не будет ограничена жизнью одного поколения и не исчезнет вместе с ним. Дети, рожденные в Израиле и сохраняющие русский язык своих родителей, – а это сегодня довольно распространенное явление – станут носителями унаследованного ими культурного заряда. Разумеется, речь идет о сохранении «семейной» культуры в качестве автономной – рядом с корневой ивритской. Вторым аргументом в защиту своего предположения Зив выдвигает существующую открытость для книжной продукции израильско-российских границ – явление, невообразимое в эпоху «холодной войны». В книжных магазинах Иерусалима, Тель-Авива или Хайфы можно приобрести практически любую новинку, вышедшую в Москве или Санкт-Петербурге – от Николая Пунина до Виктора Пелевина.

Русская культура обретает в Израиле устойчивую основу. «Хорошо ли это для евреев» – израильских евреев, к тому же в исторической перспективе, – покажет время. Однако о культурной экспансии здесь не может быть и речи, а культурные инъекции в разумных пределах служат на пользу народам.

АВРААМ

Áëääëì èð Áíáëì

Венок сонетов

Авраам (Аврам) – праотец евреев.

Сарра (Сара) – жена Авраама (Аврама).

Фарра – отец Авраама, поклонялся Б-гу Луны.

Исаак – сын Авраама.

Лот – племянник Авраама (Аврама).

Хаммурапи – царь вавилонский.

Мардук – Б-г вавилонян.

Ур Халдейский, Харран, Дамаск – древние города Месопотамии.

Ханаан – ныне земля Израиля.

Ришон ле-Цион – город в Израиле, где живет автор.

1.

*Óòðí áúëí ààòðáí í è õì óðí.
Ááæá í ò è õù í áðáíò àèè í àòü
Ñòðàæ à í à áúíí è è õ áàø í ýõ Óðà
Í á í íæà á ò óí áí á ðàçæýáàòü
Í è áíðíæ, í ùèüí í è í ò í íáíçíè,
Í è ðááíá, í è áðçà í à ííæáõ.
Áúè ðáííáò ííáí í è è áèááí í-ðíçíá
È ðíæ áàè ííí í áí è ý è ñò ðáò.
Ðáí í í ðíííí àèñý Óð Óàèääèíèèè.
È è õü í à óçèè õ óèí: è áò ááðáèíèè õ
Áíá áúá óàðèèà ò è ø è í à
Áà, í í è óáà áàò ýí íèàçèè íí è è è ííí
× ò í á áí á è í á è í í: è è áííí í í à,
Ñò áðèèè áçáí óàèè è í í è è è ííí*

2.

*Ñò áðèèè áçáí óàèè è í í è è è ííí
Áà è ÷ ò í áúá ííò à è ííí è í,
Áíèè óàðü í è áçí á á à ò í è è ííòü
Í á È ó í á, à è áí è áí ÷ á æ è í ?
Áèè è ñò ðàø áí á áí á áí Óàí í ó á í è.
Çè í á á í è á á ç æ à è ííò á í Í í ð á ó è.
Óàðü è è á í è: ý ò í ò á á: í í á á á è ò,
À ò í í ó á í á áðáí ý í á á í í á
Á-íí í á è, è áðáí á í á í áíò á èè...*

Ááí ü çà áí áí - á ò ðááí áá è í á: áèè,

Í è í ðí áá à à á: ááí ú ò ò ó: áò í á ò.

Ñí í áà ó ò ðí í ááí ó ðí í è òí ó ðí.

È í è ú áá ò - í ðí è è ý ò è ý í áí áá -

Í áé áé á í áá óé í: é áí è Ó ðá

3

Í áé áé á í áá óé í: é áí è Ó ðá

Ò áá ò á áú í é á áí áí á ý á ý áá

Á áí í á Ó á ð ð ú ò è ò í è í í í ó ð í

Á á ú è á á é ð á ð ò ...

Í á á á á á ..

Á ú é í á á í ý - á ú è í í: á ò è í è á

Í á á á í ó ò ú ò á á í á á ò í ç á ð í ú ò á í á é.

È è ó ú á í á í í è í á í ú ý á á í í á é ú -

Á í ò è á í á: ò í í ò ç áí è è í á í á é

È í í ò á é í á .. Á á á é ú ç í á á ò á í á í á -

Ñ ò á é í á á á á ò á é ò ð á á í í, í á é í í é í ...

Í í í í é á á é á í á é á ý é á í á

Á - á í á é ... È á í á á á í í í é é é é á ..

Á í á á é á á á á í í í í á é á é á

Ñ é í á í í é í á é é, á í á á á

í ð í í í é é é á

4

Ñ é í á í í é í á é é á í á á á í ð í í í é é é á

Í á é á é á, á á í é í í é é ò á í á é -

Í í í á á é ó í á á í á á á í é é é á

Èdèé îñéîá, íáàòúáí úé

í èà: ààò áé.

Áîëîáí óòü, éîñá àáæ èòü èç áîí à..

× òí ò àì æáàò, çà ã òí íþ ãýáíé?

× òí ñáüáà ã ò í àè ò ì íéíáí ò

È í á : ò í í á à à ò ñý ñáíé?

Ýòí ò í èüéí á ñéàçéàò ò àé áú ááàò:

Áí ò óæá, éàçàèíñý, í í æ á á á à ò -

Áñá ò à á í ñí à ñ á í è á í à é á à ò.

«Ááðü — ò á á ò à è ò á í ç è þ á é á í á ý

Ñàðà, -

Áñè è í á ñ á í á ò á á Á-ñí í á ü á á á à ò,

Ýòí - áí è ý Á-æ ü ý, à í á è à ò à...»

5.

«Ýòí — áí è ý Á-æ ü ý, à í á è à ò à...»

Í á æ á è ì í í í á ò ì à ò ü ì í á

× ò í í ò á á á, ñ-á ñ ò è è á : è é Ò à ò ò á,

Í á í à é á à ò è á á : à é ó á é è ç á í ò í á?

Í á æ á è á á ò í á ý ó á á : á

Í á í è á à ò è ò í ú í : á ñ ò í ò í í é,

Ó á í ý á è ñ í ó á í í ò à è í è à : á

çà á ù ñ è í é è à ì á í í é ñ ò á í í é?

Í ò ò ü æ á è ò ñ ñ á è í á ó è ü ó à ò.

Ò è ò í á á ñ í á í í á ì ò í é è ò ù ó á é.

Í è è ñ í ó è ò ñ é á ç ù í á à è á í ú.

Í è à : ó ò? Ýòí á í á ñ è í á ñ ò ò á í í,

Èèøü àì ó çí àì áí èÿ äàí ù -

Æäòò äã ääáí î ÷ óæ è á ñò ðáí ù.

6.

Æäòò äã ääáí î ÷ óæ è á ñò ðáí ù...

Í î îò äö í ááí î èèì è èðò:

Áäèò î í, ÷ ò í î àñò á è ù à Õ àððáí á

Èì î í è í è è ò è ñ ä ä ö í ð è í ä ñ ö.

Ç à í ó ñ ò ù í á è - ñ è à ç í ÷ í ù á ä ä è è,

Á î ð í ä ä, ö ä ñ ò ó ù è á ñ ä ä ù...

Áäèò î í: á ä ä ö ä ö è ð ä ÿ ö ä ä ä è è

Èì ñ à ñ ò è ñ ñ ó ä ä ñ ò ñ ÿ î ò á á ä ù.

Á ù ò ù ò ñ ù. Í à ä ñ ä ä ù ù Á æ ÿ ÿ ä î è ÿ.

Æ ä ä í í á - ä í ä è í á á ù ò ù á í á ä í è á

Ç à ð ä ó à è í è è è è í í á è í ó ò ñ ñ.

È ÷ ò í á ñ ù í á í í ä ä è è ä Ñ ä ä..

Í î í á ä ä ä í ÿ ð ä ç í ù ð è ÿ ò ù í ò ñ ñ -

Á í ó ò ù ä ä è á è è è ò ð í ä ä ò ñ ÿ Õ à ð ð ä

7.

Á í ó ò ù ä ä è á è è è ò ð í ä ä ò ñ ÿ Õ à ð ð ä

Á í ä ä ò ä è á è ä ñ ä ä ä í í à ð ð ö ö.

Ç í ä ä ò: á ä ä ä æ ä í í ä ñ ò í ä ä ð ä

Á í ð ù í è è í ä ä í á ó è ð ä ä ö.

Ç í ä ä ò: ä ñ è í í ÷ í ð ç à ð í è í à ì è

Æ ä ò è í ñ ò ð ù ç à è è ÿ ò ù á ä ä ä è,

Ò ù í á æ ä è, í í è à í í è ä ä ä ç ÿ ÿ ì è

Ñ ò à í ó ò, — í í ä í è ì á è í ÿ è á á è.

*Í è:áã í à ñãò á í à ò á ï ð í æ á
× à ï ð í á ú á è ò í à ú á í ï ï í æ à ò
È á ï è í ó ó á ï ð í æ ð ñ ñ á ñ ò ?
Ò í è ú è í ò à ï , ç à ñ ò á í à ï è Õ à ð ð á í à
Í í ï í è í é ñ ñ á é ñ ñ ï ú á á ð í à ò -
Ò à ï , á á á è è , ç à ï è ý
Í á à ò Í á à ï Í á*

8

*Ò à ï , á á á è è , ç à ï è ý Í á à ò Í á à ï Í á ..
Ñ è í è ú è í ÿ ò í í ó æ í í ï í à ò í ð ý ò ú
× ò í á Á à ð á ï ó ï ó á ð ï ï Á à ð á ï í ï
Á í á á á ñ ò ï ð á á Á - ñ ï á ï ï
í ð á á ñ ò à ò ú ?
Ñ è í è ú è í í á à ï í à è ç á ú á í í é á à ð ï ,
Ñ ò í é é ñ ò è è í ó æ á ñ ò á à , è ñ è è ,
× ò í á ò è á ú ó é í í á ð ý ï í è í é í è í á ð í é ,
Ó Á à ï ò à ï ï ï í ù è í ð í ñ è ,
Á í à è ñ ò á á á í ò ñ ñ ï í á ñ Õ à ð ï í í á
È , í á í á è í , á à ð è í á ï ð á è é í í í í :
Ò à ï ç à ï è ý ñ ñ á ñ ï ú ý - á ï á ð á è .
È á ð á è í ñ è í ó á í á á ò í è ï à ï è ,
È í í í ð è é à ç à è ñ ñ á á « È ä è ! »
È í ñ è ú è ð è : á è è í í á è í ó ò à ï è .*

9

È í ñ è ú è ð è : á è è í í á è í ó ò à ï è .

*È Áààì ìîéíóè îò÷éé àîì.
Ñòì îîéíà íààîþ÷àííúó òþèàì è,
Í àñòóóîà ÷òì ì îòðýò çà ìéíòîì.*

*Áóðàþèè ñàíàîþ èéþ÷ààîþ
È ðàáíá íà ì áíáá òðáóìò
Íí èç àîì à îò÷àà ñìáîþ
È áááàò, è òàùèò, è íááò.
È ì îé÷àò ìñòààøèàîý á àîì á
Óíéüéí Èíò è Ñàðà ñíéì, à èðíì á
Í èõ, óàì, íáíóæáí íééíì ó
Í óòóúíí è ìááòò ìáðáá áíáàì è -
Íí æá àáðáí Á-áò íáííì ó..
È çàì èý ÷áðí áèà çà ñòááàì è...*

10

*È çàì èý ÷áðí áèà çà ñòááàì è...
Áíáðáèè áúé áðááí èé Óáí ááí...
Í íá îðáí íé áíéí íá ñíðàùàì è
Óæè ÷áðç ì óòóúíþ èáðáááí.
Áíò óæá è èóííèà Áàì áíèà,
Áéííáðáà è çàì áò ì èíááèý,
ßðèèà èíéðýùèèáîý èðáíèè,
Áíáðáý, áíáòáý çàì èý.
Áíò áú ááá ðàçíèòóì óàò ðú
í áááèè,
×òíá ì îòîì è ðèì èýíá è áðáèè
Çááíí ñáýòóí è íáðáíò è ì íáèè.*

Í î Áãðàì æÿãæ íãîí îèèì î -
Ñèîíáí î æèãæ ñãò Èãðóñèèè à
È î è ãñ òèè è òèè, è òèè...

11.

È î è ãñ òèè è òèè, è òèè...
Í ó è æä: í à ñò àððãã áíðíããò úó
Í ñò ðúá í àèèãèè áí çáí èè,
Í æí ò ò ðúá - á ðáèãã ò ñèíñãò úó
À ó æáí - çãèáí úá í èàùè...
Bðèèá, óããò àñò úá í àðÿáú -
Ñèíèùèí í è ñò àðàèñÿ, í è èùè -
Í è:ãã í á î ò è ðúá ðò à çæÿãá
È æèñò è ò í à áèèãã ò ò èããðè ò.
È í à òáá æèñò ò ñ ãðè ò
Í è ò èá í æãðæüÿ, ñèíáí î ðáí à
Í î òèúáèà áí ãñ í á ãñò ò í á -
Áèáí î, áñò ù æèããÿ è ò ááí á:
Í î î ò è áñÿ, Óàððà è ç Óàððáí à

12

Í î î ò è áñÿ, Óàððà è ç Óàððáí à,
Çãèèóáèèñÿ á ò àèí ñò áãã ððáí áí.
Í î í á áãðèè - ÿò î è í á ñò ðàò í î, -
x ò î Áãðàì æÿ áá: í ñò è ðí æãáí.
x ò î í áí àæãú ñúí áã òñèú òèò
ÁíèíñÁ-æèé - è ðáññãò ò ùí ó
Çí æè áãðæíèèè *

÷òí ààéí úúí ñáí óá

Èí ÿ Áàðààì ààí í àí ó

×òí è Ñàðà ñòáí àò ì óáðíé Ñàððíé -

Ó àáú éíáí íé í áéí áà è ñò áðíé,

Ó í áá ðí áè ò ñÿ Èí ñàé,

×òí è áí ðÿì ù çàì èÿ í áàò í ááí í á,

È í ááá ðí ì áàé Áí ñáí ó í é é çí áè:

Áàðààì áí é áàò áí Óáí ááí à

13

Áàðààì áí é áàò áí Óáí ááí à..

È í í, ñé áàá Á-ñí í áó, áí ó áé

Í í é í í áí áí ù ñò ðé È í ðáá í á

Áá ðé é í ñ á ðí áí ÿ ù é é ðá ñ á á é.

Áá à é á é á - çà ÷ á ð í ú í è ó à ò ð á í è -

È ð á í ñ ò í ú á ñ ò á í ú áí í á á á í

Áí é è á çí á é í í, ÷ ò í í á á í é è ñ í á í è,

È á é è ÿ ò í ì í ð á, ÿ ò í ò é á í

Áí é è á çí á é, ÷ ò í á ó á ó ú á á - ðÿ á í í :

Çà á ð í é, çà í á ñ ò á é ú á í, çà ñ á í í,

Í í ñ ð á é í ò á: á í é í é ç á í è è.

Í è á - è á í ò ó á é ò ú ñ ÿ: á é á ò ú ÿ

Í á í á á á ò á á á á á á ò í á ñ ò í é á ò ú á

× ò í á ú ì ú È ç ð á é è ú í á ð á é è.

14

× ò í á ú ì ú È ç ð á é è ú í á ð á é è.

Ñ í ð í é é á ò á é ó á é á á é è í í í ó ñ ò ú í á

Óàðáí í à ñéóæ í á ì íæè

Í àñáíá àòü.. B äôi àþ, äííúíá

Òàì, í á áí á ìñòáí èè èíéáñ èö.

Óóò, á àèüáí ì áó, Áóóáí áàèüü

èðí áàáíé...

Í á ñéèíí èèèñü è í á í àèè í èö -

Ñéááá ì ðááèáì è ì í ò ì ì èáì ñéááá!

Ó áñáá í á ñáò á áñòü èí í áó,

Òíèüéí ááðà èþáyù èö ñáðááö

Ááç èí í óá - í ò ðèøí í á áí Óðà

À áñá ò àè í áú :- í í í á :- àèíñü

Óàððá ññ í áá í í :- ìþ í á ññ àèíñü

Ó ò ðí áúéí ááò ðáí í è òí óðí...

15

Ó ò ðí áúéí ááò ðáí í è òí óðí...

Ñò áðèèè áçáú óáèè è ì í èèèèñü

Í áèáèá í áá óèí :- èáì è Óðà,

Ñéíáí í èí áèè, á í ááá

í ðí í áñéèñü

«Ýò í - áí èý Á - æüý, á í á èáðà...»

Æáóò ááí áááí í :- óæ è á ñò ðáí ú.

Á í óòü ááèáèè è ò ðí ááò ññ Óàððá -

Òàì, áááèè, çáì èý í ááò í ááí í á

È í ñéú èðè :- àèè ì í á èí óò áì è.

È çáì èý :- áðí áèá çà ñò áááì è.

È í í è áññ øèè è øèè, è øèè...

Îí îøéáîÿ, Ôáððà èç Ôáððáí à:

Ááððáì áîéááò áî Ôáí ááí à,

×òíáú ì ù Èçðáèüüíáððáèè.

Áááíò, 1997

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

2 МАРТА

120 лет со дня рождения скрипача, педагога, организатора и участника квартета им. С. Кусевицкого, инициатора создания и руководителя Персимфанса (первого симфонического ансамбля без дирижера), концертмейстера Большого театра, одного из основоположников современной скрипичной школы, музицировавшего с К. Дебюсси, Б. Бартоком, Г. Форе, доктора искусствоведения, профессора Московской консерватории, заслуженного деятеля искусств РСФСР **Льва Моисеевича Цейтлина** (1881, Тифлис – 1952, Москва).

50 лет со дня смерти кардиолога, профессора, заведующего кафедрами пропедевтики внутренних болезней и физиотерапии педиатрического факультета 2-го ММИ, члена правления Всесоюзного общества терапевтов, одного из разработчиков метода электрокардиографической диагностики острого миокардита, инфаркта миокарда **Якова Гиляриевича Этингера** (1887, Минск – 1951, Лефортовская тюрьма, Москва).

6 МАРТА

75 лет со дня рождения экономиста, председателя Федерального банка США **Алена Гринспана** (р. 1926, Нью-Йорк).

100 лет со дня рождения режиссера, драматурга кино, народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда, поставившего трилогию «Детство Горького», «В людях», «Мои университеты», фильмы «Радуга», «Сельская учительница», «Дорогой ценой», «Супруги Орловы» и др., лауреата четырех Государственных премий СССР **Марка Семеновича Донского** (1901, Одесса – 1981, Москва).

9 МАРТА

140 лет со дня рождения геолога, академика АН СССР, члена Американского, Лондонского, Бельгийского и др. геологических обществ, профессора Дерптского (Юрьевского) университета, Высших женских (Бестужевских) курсов, Петербургского политехнического института, при котором в 1900-х гг. организовал первую в России лабораторию экспериментальной петрографии, первого директора Почвенного института АН СССР, Петрографического института АН СССР, создателя и директора вулканологической станции на Камчатке, автора трудов по теоретической петрографии, обосновавшего представления о петрографических провинциях, давшего первую химическую классификацию горных пород, а также автора работ по кристаллографии, минералогии, вулканологии и др. **Франца Юльевича Левинсона-Лессинга** (1861, Петербург – 1939, Ленинград).

10 МАРТА

100 лет со дня рождения актера, режиссера, педагога, профессора ГИТИСа, одного из организаторов Шаляпинской студии, ставившего спектакли в Театре им. Вахтангова, в Центральном детском театре, в Московском театре оперетты и др., заслуженного деятеля искусств РСФСР **Иосифа Матвеевича Рапопорта** (1901, Орел – 1970, Москва).

11 МАРТА

90 лет со дня рождения физика-теоретика, академика АН СССР, главы научной школы, а также одного из родоначальников подводного спорта в СССР и первого председателя президиума федерации подводного спорта СССР; автора трудов по квантовой теории поля, физике атомного ядра и элементарных частиц, применившего методы квантовой теории поля к проблеме множества тел (совм. с Л.Д. Ландау) и теории атомного ядра, развившего теорию электрон-фононного взаимодействия, теорию ферми-жидкости, теорию тормозного излучения, автора научных и научно-популярных трудов и статей по теории вакуума, нейтронным звездам и др. **Аркадия Бейнусовича (Бенедиктовича) Мигдала** (1911, Лида Виленской губ. – 1991, Принстон, США, похоронен в Москве).

13 МАРТА

55 лет со дня рождения командира, осуществившего руководство специальной операцией по освобождению более ста заложников в Энтеббе, брата Бенямина Нетаньягу **Ионатана Нетаньягу** (1946, Нью-Йорк – 1976, Энтеббе, Уганда, похоронен в Иерусалиме).

15 МАРТА

50 лет со дня смерти математика, специалиста в области гидродинамики и прикладной механики, основателя подземной гидравлики, академика АН СССР, профессора Юрьевского университета, Тифлисского и Бакинского политехнических институтов, МГУ, Московской горной академии, организатора и директора первой в стране нефтепромышленной лаборатории, занимавшегося в ЦАГИ разработкой методики расчета самолета на прочность и одновременно бывшего директором НИИ механики МГУ, автора дифференциального уравнения движения газа, в области прикладной механики разработавшего теорию безбалочных перекрытий, автора трудов в области гидродинамики, прикладной механики, выполнившего основополагающие работы по вопросам подземной гидравлики, разработке нефтяных месторождений, а также в области теории вязких жидкостей, теории движения газа в пористой среде, теории фильтрации газированных жидкостей, на которой основывается современная технология разработки нефтяных, газовых и газоконденсатных месторождений и др., лауреата Государственной премии СССР **Леонида Самуиловича (Лейба Шмулевича) Лейбензона** (1879, Харьков – 1951, Москва).

75 лет со дня рождения драматурга, автора сценариев фильмов «Equus», «Амадей» (четыре премии «Оскар», в том числе за лучший киносценарий 1984 года) и др.

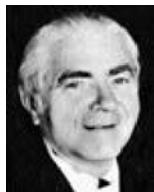
Питера Шаффера (р. 1926, Ливерпуль).

16 МАРТА

75 лет со дня рождения режиссера, продюсера, актера, снявшегося в фильмах «Это мой мальчик», «Прожигающая жизнь», «Художники и натурщицы», «Голливуд, или Пропал», поставившего фильмы «Посыльный», «Ухажер», «Козел отпущения», «Фамильные драгоценности», «Сумасшедший профессор» (главная роль) и др., **Джери Льюиса** (наст. имя и фамилия Джозеф Левич; р. 1926, Ньюарк, США).

20 МАРТА

95 лет со дня рождения первого еврея-мэра Нью-Йорка **Авраама Давида Биамы** (1906, Лондон – 2001, Нью-Йорк).

22 МАРТА

70 лет со дня рождения физика, профессора Стэнфордского университета, автора трудов по квантовой электродинамике, физике элементарных частиц, ускорителям, открывшего J/ψ мезоны (независимо от С. Тинга), лауреата Нобелевской премии по физике за 1976 год (совм. с С.Тингом) **Бертоне Рихтера** (р. 1931, Нью-Йорк).

23 МАРТА

90 лет со дня смерти востоковеда-семиолога, гебраиста, филолога, археолога, переводчика, члена-корреспондента и почетного члена Петербургской АН, профессора Петербургского университета, члена комиссии по «саратовскому делу», представившего записку о необоснованности обвинений евреев в ритуальных убийствах, автора научных трудов по истории Востока и народов Восточной Европы, истории письменности (арабской, еврейской, сирийской и др.), древнееврейскому языку, ассириологии, восточной

эпиграфике и др., автора научного перевода Танаха (Библии) для Британского библейского общества,

Данила Абрамовича Хвольсона (1819, Вильна – 1911, Петербург).

24 МАРТА

90 лет со дня рождения физика, члена-корреспондента РАН, автора трудов по экспериментальной ядерной физике, прецизионному измерению констант деления ядер, слабым взаимодействиям и др., выполнившего исследования по определению числа вторичных нейтронов (на акт захвата) при делении ядер тепловыми нейтронами и нейтронами с энергией 30-900 КэВ, а также других ядерно-физических характеристик делящихся ядер, осуществившего эксперименты по измерению периода полураспада нейтрона и измерению степени продольной поляризации электронов при бета-распаде, руководителя проекта импульсивного реактора для исследования свойств нейтрино, лауреата Государственной премии СССР, обладателя медали им. И.В. Курчатова АН СССР **Петра Ефимовича Спивака** (1911, Петербург – 1992, Москва).

26 МАРТА

90 лет со дня рождения физиолога, вице-президента Лондонского королевского общества, члена итальянской, американской и датской академий наук, профессора биофизики университетского колледжа в Лондоне, установившего механизм выделения ацетилхолина в нервно-мышечных соединениях, лауреата Нобелевской премии по медицине за 1970 год (совм. с Дж. Аксельродом и У. Эйлером) **сэра Бернарда Каца** (р. 1911, Лейпциг).

27 МАРТА

40 лет со дня смерти общественного деятеля, предпринимателя, председателя Национального совета евреев Сибири и Урала, председателя Сионистской организации Сибири, в Эрец Исраэль казначея военизированного подразделения Хагана (в дальнейшем стала армией обороны Израиля), одного из основателей Общества для изучения экономических проблем Эрец Исраэль, получившего концессию на добычу брома и поташа на Мертвом море и

основавшего Палестинскую поташную компанию, построившего на юге Мертвого моря второй завод, а также основавшего компанию «Предприятия Мертвого моря», ставшую одной из крупнейших в Израиле, **Моше (Моисея Абрамовича) Новомейского** (1873, Баргузин Забайкальской обл. – 1961, Париж, похоронен в Тель-Авиве).

28 МАРТА

130 лет со дня смерти актера французских театров «Одион», «Комеди Франсез» (в 1843 году стал «старейшиной» этого театра) **Жозефа Изидора Сансона** (1793 – 1871).

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Дорогая редакция журнала «Лехаим»!

В середине губительной войны, когда еще мало кто знал об истреблении немецкими фашистами евреев, в их защиту раздался мощный голос Павло Тычины. Это было поэтическое послание еврейскому народу от первого тогда поэта Украины. Голос очень авторитетный, Москва ценила преданность ей «второго Шевченко», широко известного в стране и мире.

Павло Тычина.

Да, он был «щирым украинцем», из сельских священников. Кто бы мог подумать, что именно его голос так мужественно прогремит в 1942 году из Саратова! Он знал о Холокосте и не мог молчать.

Я сберег эти стихи и для тех, кто не понимает украинского языка, перевел их на русский. Очень многие у меня этот перевод переписывали. А в 1960 году я даже послал свой перевод Тычине. Стихи эти и сегодня актуальны, хотелось, чтоб их прочли многие. Вот мой перевод.

Еврейскому народу

Í àðĭă ääðäéñéé! Ñëäâĭ úé! Óðäðàòü

Óääŷ ŷ ĭá õĭ÷á Í ĭ ĭõñü äĭéääò äĭ

ñéóâ:

Î, nêîëüêî îò òàðàé òú í àñò ðàààéñŷ!

«Áàðàé? - ñî äŷëèñŷ - Ðàçàà ÷ àéîââé

îî?»... Î óòü ò àðî èñò úé ðàññò èçàéñŷ

è, èàé èàçàéîñŷ, òú î îâá í àààé..

Î î ò óò Ðîéîî - Àéàéóàî çàñ äŷëñŷ!..

Ðîò ñ àã, èàé í àðàçàðüçàí í úé î ðàð,

Èàò èéñŷ í à òàðàé, èàò èéñŷ

í ààîñàîîî,

Àðîçŷ ñ çàî èè í àààé ñ àñò è èò àñàð

Ðàñ ðññò ðàí èéñŷ îî è í àéàààé

í àðîîîî -

Óààðèèè òàðè ò ðààîñàî Î î óæ ò àð

Î àéüçŷ óàé òü èò î æéçíü î ò ààé

í àðîîîî .

Àñà á æéçí è í àðàé áóðî î ðàññò ààéî

Èèøü ñ Î èò ŷàðàî . Óú àá: î î ñèààñŷ

Ñàîîîîü ÷ àñ, èîñàà ò èðàí à çéî

Î î ðàæàí î! Áàðàé ò îñàà í àçàèñŷ

Àíéóîî . Çà àñèð ñèîüèè èò èàéî! -

Î æé í èò è Î óàð Ðààðòîî àí

èðàññ àèñŷ...

Î ðàéðàññ îî è àá: àí . È ñèîîàà

Àñ í àí : «Ð àñ à, þ àñ à» - ò àé

í àí áóîî àè î!

Î, ò ñèîîîñòü ààðàéñò àà! Óú î îâà,

È àññ ò è ò àñ è î ò í ú í á í àðòèè ò .

Áóà ïïÿòüïï-ííâï óæèâ

Î Î ðàââ ãëîñ òâé - íââò

íâï îèè ùé.

Í í æÿíü íà çàíââ - ãñ íóè

Ââòò àâðââ â éíã è èþáíââ -

È ñò ðàóíí èõ íí ì ó-èò. Áâá íæèè,

Ñéíââ æÿ íò ðàùáí èÿ? Í íâââ,

Í à ñí íâââ ñÿ, í ãñ òóè èò.

Í à ãâ è

Í ðééÿ òúé. Î òí ñòè çà áââ!

Ââ, ì ðàââ ì íââèè! Î íà óæá ãñ òâò

È òâì, ãâá ðâé è õí ðâò ù, ðàò ù

Éúò ñâé ãâá Óæá ííâò

Òðââ íò ì ùáíÿÿ. Ñéíèèéí, ñéíèèéí

æââòü?

Èü ì óñòü áùòü ì íæâò, áóóáñá èõ

ãñ ò óââò?

Í íðà ì íââò áí òâì íóò ù ñâé

íâ-èíâòü

È ãò èâóò ì íââò áí òù, ñðââü èáñâ

ííéâé,

Òí ì ñÿæÿþòñÿ, òí ñí íââ èñ-áçâò...

Èéè, èéè, íàó ãââ ãñ çíþ

íèâì áíâé

Çà ãò òí æéíâ á Áâñíá! Çíâò

Í óñâé óàóèñò ù - ãñò ù ðàñí èâòâ

Ááé!

Í à öæíî ñáò á áñçú í àðáñò àðò!..

È ì ù ï íá í áðááéáñéàì è çáðí èö

Í íá áñî ò áð áñç í áðíáí úö -

ò ýæ áñò ù áðçà

Ñ áðááá ñ è ì áì . Óáà ò è ò í èö

Éæ à ò ù è ì . Óáà ò è ò ì óé . Í ááçà

Óàø èñò ñéàý, áðíæ è! Áíò í ò áðáí èö

Áñý ì ï ù ù ï íáí è ì á ò ñý Ñ íáò ñéíá

Ñíçà

Ì ù ñéúø è ì èç Ááðí ï ù ï èá :-

Ðàö è ù ù

Ááò áé ñáí èö ï í èáéé ááò - ì à ò ù

Áíððáò, óáé ááò ñý . Í óñò ù á è è ù

Óàø èñò ñéàý áí ñ ñ áðò è ò ðáí á ò à ò ù

Í ò ý ò èö áóááò ñéáç . Á áú è ù

Í ÷ áðí úö áí ýö í á ááñò ó àø èç ì ó

áñò à ò ù

Í áðíá ááðáéñéé! Ñéááí úé! Ó ò áø à ò ù

Óááý ý í á òí :- ó Í í ï óñò ù áí é ááò áí

ñéóá:

Á ò í ò ÷ áñ éíáá ááðáý ï óí è ðá ò ù

Í ðèø èí ñý í ò ó àø èñò ñéíá í áóóá -

Óí :- ó ý ñéé, ñéé ó áí ñ ááà ò ù -

Áíð ñéé ó ò áí áá áá :- í í æ è áí á áóóá

Я с детства полюбил стихи Тычины, с юности помню его первый сборник «Солнечные кларнеты»: я упивался музыкой его строк, их свежестью. И всю жизнь, увидев летнее поле, лес, реку, повторяю про себя прекрасные стихи, напеваю их.

Í òãõ - ðéà - çéáí à àééà -

Ðè ò ì è ñíÿøíééà

Ááí ù áíæ è ò ù, äçáí è ò ù - ñ í °ò ùÿ,

Í áðáãéð °ò ùÿ!

Миниатюры-шедевры приходят на память, когда я, например, вспоминаю о фронтовой зиме. Вот фрагмент (в моем переводе):

Éàé õí àé æá í í ñ é í ÿ

Áà é ááéù ì ñ ááì ,

Ñéáá! Ñéáá! - äíéà ò è è í ñ

È éáæí é í í áì .

Áùá ðéé í ðèéíæèè

È ñáðáó ñáí àí ó

Ðáá áùá áù ðàç óáéáá ò ù

Òàéóð æá çè ì á..

Перед глазами картина Петрова-Водкина «Смерть комиссара», и я вспоминаю о своем дяде, юноше Иоселе, воевавшем с погромщиками и убитом бандитами в годы гражданской войны.

Тычина был хорошо знаком с историей и культурой еврейского народа, даже изучал идиш. Поэтому так хороши его переводы еврейских поэтов – Давида Гофштейна и других.

Когда началась борьба с «безродными космополитами», он занимал высокий пост в Верховной Раде Украины и знал многие секреты. Бывший заместитель директора Дома писателей в Киеве рассказал, как в начале 1953 года Тычина предупредил его о готовящемся массовом выселении всех евреев в Сибирь. Просил передать по цепочке, чтоб приготовили срочно теплую одежду и обувь. Он рисковал, зная, что и за ним, наверно, следят.

Спасибо тебе, Павло! Мы тебя помним.

Áí ðèñ Ááðò ÿð

Í èæí èé Í íáñ ðíä

Дорогая редакция журнала «Лехаим»!

Позвольте выразить свое восхищение делом ума и рук ваших. Журнал «Лехаим» прекрасно отражает огромный многогранный вклад представителей еврейского народа в сокровищницу мировой культуры, науки и искусства, во все отрасли человеческой деятельности, а рубрика «Памятные даты» содержит неожиданные сюрпризы и приятные открытия для читателя, в большинстве случаев не подозревающего о том, что известные всему миру имена великих личностей принадлежат нашим соплеменникам. При этом обида за судьбу еврейского народа и во многом за свою личную вытесняется чувством гордости за достижения и заслуги великих сынов нашего народа.

Мне бы тоже хотелось поделиться воспоминаниями – о моем отце, прожившем недолгую жизнь, но сумевшем внести свой вклад в дело, которым занимался, о Фридмане Пинкусе Абрамовиче, создавшем семечковую халву.

На берегу Днестра у стен старинной крепости на окраинах бессарабского городка Сороки стайки босоногих ребятишек, разделившись на группки, воевали друг с другом. Среди тех мальчишек был и будущий мой отец, родившийся в Сороках в 1894 году и оказавшийся в четырехлетнем возрасте круглым сиротой. Кроме Пини в семье было еще трое детей: его старшая сестра Маня, младшие Анюта и брат Гриша, которых, как котят, разобрали дальние родичи и чужие люди (соседи). Малыши учились им прислуживать и смотреть за их детьми. Несмотря на разделенные судьбы все они впоследствии старались не терять друг друга из вида, поддерживали связь.

В 1904-м, когда Пине Фридману исполнилось десять лет, он уже работал месильщиком халвичной массы на одной из фабрик Одессы, справляясь с тяжелым для мальчишки изнурительным физическим трудом.

П.А. Фридман. 1949 год.

Работая в дальнейшем на различных предприятиях, он в совершенстве изучил и познал тонкости технологии производства халвы и целого ряда других кондитерских изделий. Вскоре он даже сумел организовать собственное производство халвы и шоколада, собирая оборудование из фрагментов различных механизмов,

которые удавалось найти на свалках. Халва, которую выпускал отец, вскоре завоевала широкий рынок на юге Украины, около его предприятия собирался гужевой и автомобильный транспорт – подводы, машины. Эта халва была самой разнообразной: тахинная, с тмином, ванильная, каштановая, арахисовая, и отличалась особыми вкусовыми качествами. Она выпускалась настолько тонкой консистенции, что буквально таяла во рту, как мороженое.

В пору, когда с ввозом сырья для производства халвы на Украине были длительные перебои, мой отец впервые решил применить ядро подсолнечной семечки, начав выпуск нового сорта, как оказалось, не только в местной, но и в мировой практике. Эта халва пользовалась большим спросом, ибо сочетала хорошие вкусовые качества с низкой ценой.

Поскольку отец не имел никакого образования и ничего не знал о защите приоритетных авторских прав, то его изобретение так и осталось не зарегистрированным государственным патентным ведомством. Однако ассорти из различных сортов халвы, выполненные в оригинальной расфасовке (в виде тубов, в цилиндрической станиолевой упаковке и др.), были представлены министру пищевой промышленности СССР А.И. Микояну, одобтившему эти образцы.

В 1922 году отец женился на девушке-сироте – Лейкихман Голде Борисовне, единственным «приданым» которой были ее два младших брата. Моя мать стала отцу незаменимым помощником во всех его делах. Однако счастье их было недолгим: спустя тринадцать лет она умерла, оставив отцу двоих детей – меня и младшую сестру Беллу. К чести отца надо сказать, что все последующие годы до самой смерти он стремился сохранить нашу семью и дать нам с сестрой полноценное образование. Познав с раннего детства горькую судьбу сироты, он всячески стремился оградить нас от бед, жертвуя собственным покоем и личным счастьем.

За свою жизнь отец несколько раз был «раскулачен», полностью разорен, нас даже выселяли из квартир. Однако всякий раз он с нуля возрождал свое производство, собирая новое оборудование своими руками, — все делал сам.

Во время Великой Отечественной войны отец организовал в Алма-Ате производство специальных витаминных концентратов для армии и подводного флота. А после войны создал халвичное производство на заводе им. Ворошилова в Одессе, наладил ряд производств в Молдавии. Он всегда был общительным и отзывчивым человеком и оказывал посильную помощь всем, кто к нему обращался.

Тяготы жизни, с раннего детства преследовавшие его, а также многолетняя борьба за восстановление собственного производства, систематически подтачивали здоровье: он так и не смог дожить до пенсионного возраста, не обременил государство выплатой соответствующего пособия. Умер отец в 1952 году в возрасте 58 лет от инфаркта миокарда – сердце на этот раз не выдержало.

Время течет неумолимо унося живых свидетелей – современников дел моего отца, и поэтому мне бы хотелось, чтобы заслуги его не остались и в дальнейшем безымянными. Ведь он прожил напряженную жизнь, принес людям пользу, внес посильный вклад и в копилку своих соплеменников.

Не так давно я узнал, что в журнале «Химия и жизнь» появились воспоминания об истории халвы, а в них и свидетельства об авторской роли в создании

сорта из семечек (или подсолнечной халвы) Фридмана Пинкуса Абрамовича, написанные одним из последних «могикан» – современников моего отца, господином И.М. Горшковым из Ивано-Франковска. Это еще раз мне напомнило о сыновнем долге – рассказать о мало кому известной заслуге отца.

Árðèñ Óðèì àí,

ã Óðà